

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

Яркие эмоции! Захватывающие приключения!
Наш человек в мире магии!

**СЕРГЕЙ САДОВ
ЗАГАДКА СТАРИКА ГРИНВЕРА**

От автора бестселлера «Князь Вольдемар Старинов»

Наш человек среди эльфов и гномов!

**МИЛОСЛАВ КНЯЗЕВ
ПОЛНЫЙ НАБОР
МЕСТЬ ТЁМНОЙ ЭЛЬФИЙКИ**

**Наш человек.
Другая реальность.
Выжить и победить!**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и
Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис

СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

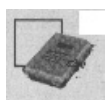
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

ФАНТАСТИКА № 8 (222)

ISSN 1680-645X

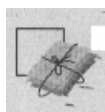
ЕСЛИ

89 Стивен БАКСТЕР

ПРОЕКТ «ГАДЕС»

Договориться с иным разумом и спасти Землю от гибели - задача не новая в фантастике. Но вот найти общий язык с недругом столь своеобразным способом не доводилось ни одному безумному профессору.

3 Дэвид БАРНЕТТ

ПОСЛЕДНЕЕ ШОУ

...или Конец света как повод не косить газон.

17 Дарио ТОНАНИ

ПЫЛЬНЫЕ УТРЕННИЕ РАКУШКИ

Вместо сердца пламенный мотор? Крылатые мечты рано или поздно сбываются. Но уж лучше бы поздно...

37 Томас ВАВЕРКА

МОЖЕМ СПРОСИТЬ У КОЛУМБА

Астронавты полагали, что для высадки на Ганимед предусмотрели всё - и флаг, и мелодию, и текст.

53 Эрик Джеймс СТОУН

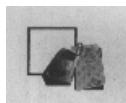
ЭТОТ ЛЕВИАФАН, КОТОРОГО ТЫ СОТВОРИЛ...

Не всякий миссионер готов положить жизнь ради соблюдения исконных прав новообращенного.

193 Кристин Кэтрин РАШ

ДЕНЬ КРАСНЫХ ПИСЕМ

Очень страшно получить такое послание. Не дожидаться - еще страшнее.

77 Аркадий ШУШПАНОВ

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В XX веке - ковбои, в XXI - пираты?

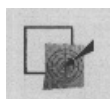
83 Сергей ЦВЕТКОВ

СКАЗКИ ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ ИЗРЯДНОГО ВОЗРАСТА

...или Жизнь «сказочника-ревизиониста».

80 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Не в первый раз - в первый класс.

215 Николай КАЛИНИЧЕНКО

ИНСЕКТОФОБИЯ

Не так уж часто молодые авторы уделяют внимание таким «мелочам», как идеи гуманизма, проблема этического выбора.

223 Дмитрий ВОЛОДИХИН

АД В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

Что ж, свои шесть соток фантастики вскопал еще один гость. Каковы будут всходы?

217 РЕЦЕНЗИИ

Все по-разному проводят отпуска: кто-то на даче, кто-то на песках турецких пляжей... А рецензенты истинное отдохновение обретают лишь в книжных магазинах.

269 КУРСОР

Как американское правосудие убило американского фантаста.

225 Алексей ЕВТУШЕНКО

СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

Московский писатель призвал читателей строить Полдень уже сегодня, не откладывая на завтра.

228 КОНКУРС «РВАНАЯ ГРЕЛКА»

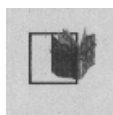
Покровы тайны сорваны, и вот они - две лучшие, на взгляд редакции, участницы писательского конкурса.

263 Вл. ГАКОВ

ОДИН ИЗ «ВЕЛИКОЙ ТРОЙКИ»

Круг интересов и достижений сегодняшнего юбиляра потрясает. Но для нас самым важным остается тот факт, что он вернул «моду» на твердую НФ.

271 ПЕРСОНАЛИИ

Дочитав последний рассказ в номере, не забудьте заглянуть в досье автора.

ДЭВИД БАРНЕТТ

ПОСЛЕДНЕЕ ШОУ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Инопланетяне улетели за семь дней до конца.

- Да, это правда, - заявил в интервью человек из правительства. Выглядел он очень усталым. - С 1947 года мы жили бок о бок с внеземным разумом. За последние шестьдесят лет пришельцы внесли большой вклад в развитие нашей науки. Без их помощи мы вряд ли сумели бы выбраться в космос. Благодаря им мы достигли невероятных успехов в лечении рака и продвинулись во множестве других областей. Мы могли бы еще многое сделать, и потому очень жаль, что им приходится улетать.

- А почему они улетают? - спросил репортер.

Человек из правительства ослабил галстук и посмотрел в сторону.

- Хватит вопросов на сегодня; Давайте в другой раз, хорошо?

Все думали, что это розыгрыш. Но заявление крутили по всем каналам, отменили даже «Истэндеров»^{*1}. Кэти бы этого не одобрила.

Я очень хотел обсудить все это именно с ней, вот только она уже давно меня бросила. Поэтому я сидел в своем стандартном маленьком домике, переключал каналы и слушал разнообразных экспертов, оживленно обсуждавших пришельцев. Прилетели они, как выяснилось, с планеты, вращавшейся вокруг звезды, не имевшей в нашей астрономии даже имени - ее обозначали только последовательностью цифр. Многие говорили о невозможности межзвездных перелетов, а у кого-то из ученых спросили, почему же инопланетяне, раз такие перелеты возможны, научили нас летать лишь до Луны?

Кэти наверняка разговаривала об этом со Стивом. Они обсуждали, как это скажется на их будущем, на их уютном маленьком будущем среднего класса, с «фольксвагеном» и отпуском в Италии. А я отправился в паб.

- Это «утка», - уверенно объявил Боб. - А то как же иначе? Это не может быть правдой.

- Да, и где они, раз они здесь? Где их ракета? - спрашивал Алан.

Барменша сделала телевизор погромче. Дискуссии в студии BBC сменились репортажем - судя по заголовку, откуда-то из Корнуолла. Камера дрожала, закутанный в дождевик репортер пригнулся, чтобы попасть в кадр.

- Мы видим, как внеземная цивилизация покидает Землю...

Камера резко повернулась и сфокусировалась на серебристой, похожей на сигару ракете, стоящей посреди темного, залитого дождем поля. Бог знает, где они ее прятали и как им удалось ее так быстро

¹ * Популярный сериал о буднях жителей одной из площадей в лондонском Ист-Энде. С 1985 года передается каналом BBC-1. (Здесь и далее прим. перев.)

достать.

- Готов поспорить, что она всегда там стояла, только оставалась невидимой, - заключил Алан.

- Это «утка», - повторил Боб, с довольным видом закуривая сигарету. - Вы только посмотрите - прямо экранизация комиксов.

Лежавший на столе телефон Алана завибрировал. Пока он нащупывал кнопки, камера повернулась к трем инопланетянам, стоявшим на платформе возле ракеты. Выглядели они, как тучные люди в строгих черных костюмах, только с кожей зеленоватого оттенка. В нижней части экрана вспыхнула надпись: ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ С ПРИШЕЛЬЦАМИ.

«Почему вы улетаете?» - выкрикнул кто-то из кучки репортеров.

Один пришелец посмотрел на остальных, кашлянул и ответил на безупречном английском: «Очень жаль, но нам пора. Это не в нашей власти».

- Звонила Марджери, - произнес Алан, убирая телефон обратно в карман. - Мальчишки забрали машину и поехали в Корнуолл. Хотят, чтобы пришельцы взяли их с собой.

Боб затушил сигарету и рассмеялся:

- Твои мальчишки? Уэйн и Стю? С чего они решили, что кто-то согласится вернуть их обратно на Плутон? Едва ли у них там нехватка лентяев и лежебок.

- Я бы сказал ребятам, чтобы не беспокоились, - заметил я, указывая на экран. - Ракета взлетает.

На экране инопланетяне забрались в свой летательный аппарат, а военные начали оттеснять журналистов и зевак. Под днищем серебристой сигары возникло зеленое сияние, камера задрожала. А затем ракета взлетела, устремилась в ночное небо. Камера следила за ней до тех пор, пока огонь не исчез в черных облаках.

В пабе, как и на поле в Корнуолле, воцарилось молчание. Затем один из журналистов благоговейно произнес: «Что ж, вот оно - историческое, эпохальное событие. Мне выпала честь... я стал свидетелем первого открытого контакта между человечеством и внеземной цивилизацией...».

- Выпала честь лицезреть, как они смылись, - фыркнул Боб, закуривая вновь.

- Интересно, почему они улетели? - спросил Алан.

- Интересно, чья это закуска? - в тон ему осведомился Боб.

А потом я напился и вопреки своим убеждениям позвонил Кэти.

- Ты видела пришельцев? - пробормотал я.

- Конечно, видела. - Скучный, унылый тон, никаких эмоций в голосе. - Думаю, все их видели. Зачем ты мне позвонил?

- Потому что все еще люблю тебя, - прошептал я.

Она повесила трубку.

Я лежал на кровати и не мог заснуть. Попробовал заняться онанизмом, но воображение рисовало лишь обрюзгших зеленых пришельцев в черных костюмах, так что я оставил эту затею, сел у окна и стал просто смотреть на ночное небо. По улице, не переставая сигналить, проехали на отцовском «фокусе» Уэйн и Стю. Они написали на крыше машины: ВОЗЬМИТЕ НАС С СОБОЙ. Вряд ли Алан придет в восторг.

За шесть дней до конца мы узнали, почему отчалили пришельцы. К Земле приближался астероид размером с город. И до столкновения оставалось меньше недели - об этом с самого утра трубили все телеканалы. Кто-то из правительства слил информацию, власти знали об этом уже несколько месяцев. Инопланетяне пытались помочь нам найти решение, но, учитывая размер камня, мало что смогли предложить. Поэтому и улетели.

На работу я не пошел - просто не видел смысла. Впрочем, я туда позвонил.

- Заболел? - поинтересовалась секретарша.

- Ты что, не смотрела утренние новости?

Она помолчала.

- Нет, а что?

- Ничего, - сказал я. Энн имела склонность к истерикам, и я не решился ее волновать. - Кажется, у меня грипп.

Я вернулся к телевизору. Астероид уже миновал Венеру и летел дальше - чертовски быстро. Эксперты предполагали, что он расколется в атмосфере. Конечно, военные предложили отправить на орбиту шаттл с атомными бомбами на борту и разорвать камень на кусочки или хотя бы сбить его с курса. Если это не поможет - а ученые в интервью уверяли, что план должен сработать, - астероид упадет на Австралию в воскресенье.

- По крайней мере, это всего лишь Австралия, - сказал Алан, когда я зашел к нему вернуть газонокосилку, взятую полгода назад.

Он посмотрел на газонокосилку в глубоком раздумье - вероятно, прикидывая, стоит ли подстригать лужайку до уикенда.

- Ну, скорость и размер этой штуки достаточно велики, чтобы уничтожить всю жизнь на Земле, - произнес я. - Так сказали по телевизору.

Алан шмыгнул носом, и в этот момент подъехала его жена. Похоже, попытки оттереть с крыши ВОЗЬМИТЕ НАС С СОБОЙ не увенчались особым успехом. Взволнованная Марджерри выскочила из машины, набитой пакетами из супермаркета. Злость определенно делала ее привлекательнее.

- Там настоящий хаос! - заверещала она. - Мне чуть ли не силой пришлось пробиваться к стоянке. Люди дерутся у касс, - она отодвинула меня, орудуя локтями.

- А ты купила мои любимые... - мягко начал Алан.

- Нет! - взвизгнула она. - Не купила! Зато купила бутылки с водой и консервированные бобы. Доставай сумки из машины. И почему ты еще не забаррикадировал окна?

Алан посмотрел на меня и легонько пожал плечами - мол, что тут поделаешь?

- Я собирался сначала подстричь кусты, - ответил он.

Оставив его объясняться с разбушевавшейся женой, я направился домой. По пути решил заскочить в магазин на углу. Стоило, пожалуй, запастись кое-каким провиантом - на всякий случай.

К сожалению, та же идея, похоже, посетила жителей всей округи. У магазина собралась толпа, люди увозили покупки прямо в тележках. Когда я кое-как протиснулся к двери, продавщица вывесила рукописное объявление: ПРИНИМАЕМ ТОЛЬКО НАЛИЧНЫЕ.

- Звонили из главного офиса, сказали не принимать чеки или кредитные карты, - пояснила она и проскользнула внутрь.

Искусно лавируя в толпе покупателей, я кое-как натаскал с полок полдюжины упаковок китайской еды, бутылку молока, виски и пачку сливок. Происходящее у касс больше напоминало потасовку во время футбольного матча. Какой-то мужчина, сумевший, похоже, уместить товары со всего мясного отдела в две большие тележки, размахивал своей кредитной карточкой.

- Никакого пластика! - кричала кассирша. - Я же сказала: только наличные!

Очередь извивалась перед магазином, словно змея. Я помахал своими покупками, привлекая внимание девушки, вешавшей объявление, и протянул ей банкноту в двадцать фунтов.

- Не возражаете, если я захвачу корзину? - спросил я. Она пожала плечами:

- Отдам за пятак.

У меня осталась только десятка, так что вместо сдачи я прихватил журнал.

Стоило выбраться из магазина и глотнуть свежего воздуха, как передо мной с визгом остановился большой внедорожник. Из машины выскочили четверо: с бейсбольными битами и в вязаных шлемах.

- Гони жратву! - прорычал один из мужчин.

Другой схватил приятеля за куртку и оттащил в сторону.

- Оставь его. Лучше заберем то, что внутри. - Он помолчал, обдумывая собственное решение, затем повернулся ко мне и поднял свою биту: - Гони бабки!

Я вытащил еще одну десятку, и она тут же перекечевала в карман его джинсов.

- Ладно, пошли внутрь. Берем консервы, воду в бутылках, сухое молоко. Бейте по башке каждого, кто встанет у вас на пути.

Я поспешил домой. Улицу уже заполонили отчаянно сигналившие машины, продвигавшиеся куда медленнее пешеходов. Я заметил Боба с женой - вернее, их «ровер», до отказа набитый вещами. Боб опустил стекло.

- Собрались на пикник? - спросил я.

- Мы сваливаем! - прокричал он в ответ. - На твоём месте я сделал бы то же самое.

- А куда вы направляетесь? - поинтересовался я, окидывая взглядом гигантскую пробку, протянувшуюся до самого горизонта.

- Скорее всего, на озера. Высокогорье, чистая вода...

Я кивнул. Жена Боба толкнула его в плечо и указала вперед - стоявшая перед ними машина продвинулась на целых три или даже четыре сантиметра. Боб махнул рукой и начал поднимать стекло, затем остановился и снова его опустил. Он покопался в кармане куртки и бросил мне связку ключей.

- Раз уж ты все равно остаешься, будь другом - заводи иногда двигатель моей машинки. Если она не получит хорошую порцию топлива раз в несколько дней, это ее убьет.

Я взял ключи и помахал «роверу», дернувшемуся еще на несколько сантиметров. Интересно, удастся ли прокатиться, пока Боба не будет? Его машинка - гоночный автомобиль зеленого цвета. Редкая модель, таких уже больше не делают.

Я добрался до дома как раз вовремя, чтобы увидеть запуск шаттла с мыса Кеннеди².

* * *

За пять дней до конца южная часть Японии сгнула в ядерном взрыве. Ситуация, надо сказать, становилась угнетающей. Прошла еще одна ночь - бессонная, благодаря непрекращающемуся потоку медленно ползущих машин, реву двигателей и перебранкам нетерпеливых водителей. Я подумал о Бобе - интересно, далеко ли он успел уехать за это время?

Пока шаттл вращался вокруг Земли, ожидая приближения астероида, с двигателем приключилась какая-то неприятность. Это привело в замешательство систему управления, компьютеры поскользнулись с ума и отправили шаттл вниз, на Японию. Он врезался в землю к югу от Осаки, и тогда произошла детонация всех боеголовок. Город и большая часть прилегающей территории испарились.

Русские попросили мировую общественность не беспокоиться, потому что они тоже собирались послать на орбиту ракету с кучей атомных

² * *Название мыса Канаверал с 1963 по 1973 год.*

бомб. Японцев, впрочем, это не сильно обрадовало. Какой-то бородач заявил в новостях, что все эти рассказы про астероид с самого начала являлись лишь тщательно продуманной провокацией, которую затеяли США, чтобы сбросить на Японию бомбы. Впрочем, обосновать свою позицию он не сумел.

Некоторые телеканалы - в основном, цифровые - прекратили вещание. Исчез пятый канал, но это вряд ли кто-то заметил. ITV^{*3} и BBC с утра до ночи крутили одни только новости. Четвертый канал показывал клипы, а BBC2 - комедии семидесятых годов, оказывавшие на меня успокаивающее действие. Я посмотрел несколько фильмов, но так и не смог выкинуть из головы картину Японии - очень тихой, черной и гладкой, как стол.

Я выбрался на прогулку. К тому времени поток машин уже схлынул, и на дороге сделалось тихо. В конце нашей улицы припарковался танк - вероятно, с целью прекращения волны насилия и грабежей, которая, по слухам, приближалась к городу.

Никогда еще мне не доводилось видеть танк вблизи. Он походил на величественного зверя, но Кэти наверняка бы его возненавидела. Она - пацифистка - придерживалась, наверное, своих взглядов и по сей день. Кэти не смогла бы смириться со всем этим. Оставалось только надеяться, что возле ее дома никто не бунтует. Надеяться, что у нее все в порядке. Я подумывал позвонить ей еще раз, но не мог решиться. Почему-то вспомнился Блэкпул^{**4}. Она любила там отдыхать, любила прогулки, шум, сладкий запах сахарной ваты, звон монет в «одноруком бандите», безумный смех механического клоуна возле пляжа. Однажды мы гуляли по берегу и увидели танк, сделанный из песка. Тогда Кэти спросила, почему скульптор не мог изобразить что-нибудь менее уродливое. А детишкам он понравился.

На танке - настоящем танке, который стоял неподалеку от моего дома, - сидел солдат, придерживавший ручной пулемет. Ко мне он отнесся спокойно.

- Все хорошо, - бодро объявил я. - Я не укушу твой танк.

Солдат не засмеялся. И даже не улыбнулся.

- Вы знаете, что правительства больше нет? - спросил он.

- А где же оно?

- Его нет, - повторил он. - Половина спряталась в каком-то бункере неподалеку от Лондона. Остальные мертвы. Вестминстер в огне. Все вышло из-под контроля.

Я постоял, обдумывая услышанное.

- Тогда кто же платит тебе зарплату?

³ * «Независимое телевидение» (Independent Television) - группа британских коммерческих телекомпаний.

⁴ ** Приморский город-курорт в Англии.

Солдат посмотрел на меня и моргнул - похоже, эта мысль ему в голову не приходила. Он наклонился к открытому люку и заговорил со своим напарником. На меня он больше внимания не обращал.

Я отправился к тупику, где жил Алан, но его дом был заколочен. Постучав и не получив ответа, я решил снова позаимствовать газонокосилку. Когда я вернулся на улицу, танк уже исчез. Теперь на дороге стоял мистер Рейнс из восьмого дома, служивший когда-то в территориальной армии. В руках он держал пулемет, как две капли воды похожий на тот, что я видел на танке.

- Где вы достали эту штуку? - полюбопытствовал я.

- Солдатик отдал, прежде чем смыться, - ответил он и скорчил гримасу. - Слушай, армии больше нет. Нет правопорядка. Придется нам организовать... гражданскую оборону. У тебя есть оружие?

Мы оба посмотрели на газонокосилку. Наверное, она могла бы доставить врагу неприятности, если бы тот оказался в радиусе пяти метров от ближайшей розетки.

- Посмотрю дома, - пообещал я.

Потом я снова позвонил Кэти. На этот раз со мной заговорил автоответчик.

- У нас тут организовали гражданскую оборону, - с гордостью поведал я. Потом помолчал. - Я тебя люблю. - И повесил трубку.

Кэти бросила меня из-за того, что я стал равнодушным. После того как умерли мои родители, я хотел просто сидеть в их старом домике, ходить на работу, возвращаться домой и смотреть телевизор. Единственное, чего она не поняла - я хотел делать все это с ней, и мне вполне этого хватало. Интересно, нашла ли она то, что искала, у Стива.

Я снова позвонил ей и оставил еще одно сообщение:

- У меня тут есть китайская еда, и электричество еще работает, так что если захочешь заглянуть...

Потом я принялся помогать мистеру Рейнсу и остальным забаррикадировать нашу улицу машинами с обеих сторон.

- А что если мы захотим куда-то уехать? - спросил я.

- Куда, например? - спросил мистер Рейнс и снова скорчил гримасу.

Потом я посмотрел новости - там показывали горящий Лондон, беспорядки в Бирмингеме и Манчестере. Пришлось признать, что его слова не были лишены смысла. Интересно, добрался ли Боб до озер? За четыре дня до конца Токио атаковала гигантская ящерица. Как будто японцам и без нее не хватало проблем. Выглядела тварь, как шестидесятиметровый динозавр. Она передвигалась размашистыми прыжками, опустив голову и задрал хвост так, что позвоночник вытягивался почти параллельно земле. По телевизору говорили, что это как-то связано с бомбами, упавшими на Осаку. То ли обычная ящерица мутировала, увеличившись до гигантских размеров под

воздействием радиации, то ли взрыв разбудил какого-то древнего монстра, мирно спавшего до той поры под землей.

Поразительно, с какой легкостью люди в те дни верили в любую чушь. Зрелище получилось захватывающее.

В новостях показали, как власти пытались эвакуировать Токио, но эта затея не увенчалась успехом - эвакуироваться оказалось некуда, ведь большая часть Японии превратилась в радиоактивную пустыню. Беснующееся чудовище пронеслось по городу, переворачивая машины длинным хвостом и расплющивая здания. Я считал спецэффекты очень реалистичными и лишь потом понял, что это и есть реальность. В итоге ящерицу уничтожили подоспевшие бомбардировщики, и огромная туша растянулась вдоль улицы. Диктор сообщил, что японские власти уже приказали пустить мясо на аварийные рационы.

В полдень мою дверь выбили грабители - трое ребят лет восемнадцати-девятнадцати, все с бейсбольными битами. Я находился на кухне, и они прижали меня к стене.

- Что вам нужно? - спросил я.

- Все, - ответил один из них и отвесил мне оплеуху.

Они забрали все деньги, какие смогли найти - их оказалось не так уж и много. Взять еду бандиты не догадались, зато один из них оторвал от подставки мой телевизор.

- Это тоже берите, - приказал главарь, выдергивая из розетки стереосистему.

- Зачем вам все это барахло? - поинтересовался я. - До конца света осталось несколько дней.

Они неуверенно посмотрели друг на друга, затем зачинщик ударил меня в живот, заставив согнуться пополам.

Когда грабители ушли, я укрепил дверь досками, затем поднялся в спальню, чтобы принести оттуда переносной телевизор. Покопавшись в шкафу, я наткнулся на старое пневматическое ружье, принадлежавшее когда-то отцу. Рядом нашлись и дробины - полезная штука по нынешним временам.

Собрание сил гражданской обороны проводилось в гостиной мистера Рейнса.

К тому времени наша улица уже опустела наполовину: одни уехали в Шотландию или в Озерный край⁵, другие - к родственникам. Мистер Рейнс одобрил мое ружье. Утром перестал работать водопровод, потом засорилась канализация. Появились крысы, но мистер Рейнс не советовал нам тратить на них патроны. Для отлова грызунов сформировали специальный отряд, состоявший из Уэйна и Стю. Мальчишкам надоело торчать в забаррикадированном жилище, поэтому они перебрались в один из заброшенных домов. В отличие от

⁵ * Живописный район гор и озер на северо-западе Англии.

других районов, мы еще могли похвастаться наличием электричества.

К вечеру Уэйн и Стю убили столько крыс, что мы с Тревером - мясником - начали снимать с трупиков шкурки. Посреди дороги развели костер, над ним установили большой котел и устроили что-то вроде уличной вечеринки. Меня уже начало воротить от китайской еды, так что тушеные крысы оказались не так уж плохи. В доме миссис Хьюз, уехавшей несколько дней назад, нашлась дюжина бутылок джина. Мы подозревали ее в склонности к выпивке, но таких масштабов не ожидали. В общем, веселье било через край, пока кто-то не сообщил о произошедшем на нашей улице изнасиловании. Мистер Рейнс созвал силы гражданской обороны и послал добровольцев арестовать наиболее вероятных подозреваемых. Оставив Уэйна и Стю на улице, я отправился спать.

За три дня до конца западное побережье США накрыло цунами. По телевизору я увидел стену воды, с грохотом поглощающую мост Золотые Ворота и самого репортера. Затем показали студию BBC - единственного канала, продолжавшего работу.

Ведущая выглядела так, будто не спала по меньшей мере неделю. Со слезами на глазах она сообщила, что Лос-Анджелес и Сан-Франциско теперь находятся под водой. Затем она посмотрела куда-то за камеру и воскликнула:

- Что? Постойте... куда вы?..

Свет начал медленно гаснуть, а она так и сидела перед объективом. Затем картинка исчезла и больше не появлялась. На этом закончилось телевидение.

Газ пропал позавчера, а вот электричество, к моему удивлению, до сих пор не отключили. То ли питание поддерживала автоматизированная система, то ли у них там сидели люди, очень преданные своему делу. Стоило мне об этом подумать, как лампы погасли. Похоже, мне не удастся больше разогреть готовую пищу в микроволновке. Придется обходиться тушеными крысами - отныне и до конца.

Мистер Рейнс со своими спецназовцами из гражданской обороны арестовал Роя, жившего в конце улицы, и повесил его на фонарном столбе за изнасилование девушки. Надо сказать, Рой всегда оказывался крайним, с тех пор как одна бульварная газета опубликовала его имя в списке педофилов и кто-то запихнул ему в почтовый ящик собачье дерьмо. Редакция извинилась, и несколько недель спустя в газете напечатали опровержение, в котором говорилось о другом Рое из другого города, но это уже мало что изменило.

Действия мистера Рейнса меня немного шокировали, но он заявил, что «отчаянные времена требуют отчаянных мер».

Я нашел под раковиной упаковку свечей и расставил их по гостиной.

Получилось довольно уютно. Затем я прикончил бутылку джина из запасов миссис Хьюз и взял телефон. Трубка молчала, но я все равно набрал номер Кэти, сказал молчаливому, равнодушному воздуху, что люблю ее, а после расплакался, да так и уснул на диване.

За два дня до конца из холодной земли поднялись голодные мертвецы. Распространенное представление о безмозглых, еле переставляющих ноги созданиях, охочих до человеческих мозгов, к счастью, не подтвердилось. Многие покойники, впрочем, оказались довольно сварливы.

Первые признаки появились перед самым рассветом. К тому времени никто уже особо не спал. В тишине до нас доносились далекие крики и прочие отголоски творившегося повсюду насилия. На улице почти всегда кто-то дежурил: я, например, патрулировал ночью с отцовским ружьем. За свою смену мне довелось погоняться за какими-то детьми, пытавшимися пробраться в дом миссис Риген.

Стоило мне уснуть, как снаружи послышался мощный, низкий грохот. Я вскочил, решив, что астероид уже упал на Австралию, но дрожь, как оказалось, исходила не от земли. Звук выровнялся и стал набирать частоту. В какой-то момент мне показалось, что это тромбон или что-то вроде того. Пятнадцать минут спустя все утихло. Прекратились даже перестрелки.

Обрадовавшись этому обстоятельству, я снова прилег, но минуту спустя в дверь постучали.

Господи, ну кто там еще? Я подхватил ружье и поплелся вниз.

- Это мое, - произнес голос, сухой, как осенние листья. - Отдай.

- Отец? - спросил я.

На пороге действительно стояли мои родители. Выглядели они, пожалуй, так же, как в день своей смерти. Отец в черном костюме, со старинными часами, торчащими из кармана жилета. Мать в голубом платье - когда-то она в нем ходила на танцы.

- Кажется, ты собирался покрасить рамы, - заметила она.

Я выглянул на улицу. Люди в костюмах, платьях или бесформенных белых одеяниях шли, пошатываясь, к дверям домов, где они некогда жили.

- Звук, раздавшийся утром... - медленно начал я. До меня наконец-то дошло.

- Трубы Страшного суда, - подтвердил отец с самодовольным видом. Его лицо всегда принимало такое выражение, когда начинались какие-нибудь неприятности. В этом весь он - счастлив, лишь когда идет дождь. - А я ведь даже некрещеный.

Мать оторвала от подоконника несколько хлопьев зеленой краски.

- Последнее, что ты мне обещал, - привести эти окна в порядок, - напомнила она.

Я увидел, как дергается на веревке труп Роя.

- Я не делал этого! - выдавил он, а затем петля перекрыла ему кислород, и он снова умер. Несколько секунд спустя он вновь зашевелился и закричал. Оставалось только надеяться, что его скоро снимут.

Отец отодвинул меня и вошел.

- Так и будешь держать нас на пороге собственного дома? - проворчал он. - Как у тебя с провиантом?,

- Есть немного китайской еды, - ответил я. - С пищей в последнее время туговато.

Отец опустил в кресло, а мать увидела слой пыли на журнальном столике, фыркнула и пошла собирать грязные тарелки.

- Нам, вижу, придется взять командование в свои руки, - решил отец.

В дверь постучали.

- Думаю, это твой дедушка.

Отец умер от сердечного приступа два года назад, а мать тихо скончалась девятью месяцами позже. Им, можно сказать, повезло. Старую миссис Поттер сбил автобус на прошлое Рождество, и теперь, когда она вернулась домой, зрелище было не из приятных. Ее муж чуть не упал в обморок.

Появление мертвецов заставило людей прийти к одной мысли. Очевидно, настал Судный день.

Силы гражданской обороны собрались на коллективную молитву посреди улицы. Выглядело это жутковато: мистер Огден, наш проповедник, читал Библию, а живые и мертвые собрались вместе и слушали молча. Когда он попросил простить наши грехи, Рой громко кашлянул, но никто не осмелился глянуть ему в глаза. Миссис Поттер поставили в заднем ряду, чтобы ее вид не расстраивал детей.

На закате астероид наконец заметили невооруженным глазом. Мы увидели комету, медленно пересекающую темное небо. Похоже, эксперт, утверждавший по телевизору, что этот камень сгорит в атмосфере, здорово ошибался, да и русским взорвать эту штуку не удалось. Интересно, что сейчас происходило в Австралии.

За день до конца Кэти вернулась.

- Я так и знала, что найду тебя здесь, - воскликнула она, после чего упала в мои объятия и заплакала. Получилось прямо как в кино.

Она где-то испачкалась, и блузка оказалась разорвана. Весь путь от своего дома она проделала пешком - на это ушли весь вчерашний день, вся ночь и большая часть утра. Двигалась она медленно из-за банд - они выискивали людей с едой или оружием. Особую опасность бандиты представляли для женщин. Но что хуже всего - по дорогам шастали шайки мертвецов, не видевших ни еды, ни женщин на протяжении долгих лет. Так что Кэти приходилось прятаться по канавам и ползти мимо костров, от которых доносились смех и крики.

- А где же Стив? - спросил я, когда она немного успокоилась.

- Уехал, - ответила она. - Три дня назад. Помнишь, его родители вступили в какую-то странную секту? Стива никогда это особенно не волновало, вплоть до того самого дня, когда они объявили, что собираются запереться в церкви, под которой выстроен обширный подземный бункер, набитый едой и водой. Тогда он неожиданно обрел веру.

- Разве он не твой парень?

Кэти снова залилась слезами, уткнувшись мне в плечо.

- Я умоляла его взять меня с собой, - она всхлипнула, - но он отказался. Оставил меня одну, без еды, без оружия. О Господи, что с нами будет?

Мать вышла из кухни, посмотрела на нас и нахмурилась. Кэти никогда ей особо не нравилась.

- О, - произнесла она. - Кажется, нам понадобится еще одна чашка.

Не знаю из чего, но моя мать сумела приготовить пирог. Услышав о еде, из гостиной вышли другие члены семейства. Сначала отец с бабушкой и дедушкой, затем дядя Джордж и тетя Линда, за ними - целая толпа строгих людей в одежде с жесткими воротниками времен короля Эдуарда. В доме становилось тесновато.

- Пойдем прогуляемся, - предложил я.

Все вышли на улицу и посмотрели на небо. Теперь астероид стал виден и при дневном свете - он походил на сверкающий шар.

- Размером с город, - замороженно произнес я.

- Когда он должен упасть? - спросила Кэти, взяв меня за руку.

Я помолчал, радуясь, что она находится рядом.

- Если я все правильно понял, то завтра.

Она покачнулась.

- О Боже, - прошептала она.

Рядом с нами внезапно оказался мистер Огден.

- Воистину, - вымолвил он, - над нами нависла небесная кара. Мы собираемся устроить бдение и молить о прощении, чтобы врата Рая раскрылись пред нами, когда наступит конец. Присоединитесь?

- А крыс готовить будем? - спросил я.

Мистер Огден нахмурился и ушел, вцепившись в свою Библию. За последние несколько дней люди сделались раздражительнее. Наверное, так сказалось на них приближение Апокалипсиса. Ну, и еще отсутствие ванной. Некоторые из нас уже пахли не хуже живых мертвецов.

- Пойдешь?

- Куда? - не поняла Кэти.

- На это собрание. Молитвы о прощении и всякое такое.

Она наморщила нос, совсем как в старые добрые времена.

- А что еще остается?

- Мы могли бы поехать в Блэкпул, - предложил я.

- В Блэкпул?

- Ну да. Леденцы и сахарная вата. Могли бы заглянуть в аквапарк и прогуляться вдоль берега. Дойти до конца северного пирса. И посмотреть на конец света. Вот как-то так..

- Как мы туда попадем? - она указала на баррикаду и доносившиеся из-за нее звуки стрельбы.

Я достал из кармана ключи от машины Боба.

- Стильно.

* * *

Дорога заняла пару часов. Перестрелки и грабежи к тому времени уже почти прекратились. Люди, наверное, поняли, что смысла в этом немного. Похоже, все разошлись по домам и просто ждали конца. Блэкпул опустел.

Мы забрались в какую-то гостиницу, нашли там хлеб, еще не покрывшийся плесенью, и пару банок бобов. Затем выбрали лучший номер и занялись любовью - спокойно и неторопливо.

К полудню небо очистилось от облаков, но астероид уже скрылся из вида. Наверное, теперь он приближался к Австралии.

Мы сидели на скамейке у северного пирса - я перебирал камешки, а Кэти сосала леденец в форме соски.

- Может, поговорим о том, когда у нас все пошло не так? - предложил я. Она задумалась, затем покачала головой.

- Какая теперь разница?

Откуда-то издалека донесся тяжелый удар, заставивший пирс задрожать. Кэти схватила меня за руку. Горизонт подернулся рябью, и мы услышали нарастающий рев.

- Ну вот и все, - произнес я.

Кэти закрыла глаза. По ее щекам текли слезы, волосы растрепались, на лице - следы грязи. Она выглядела прекрасно.

- Поцелуй меня, быстро, - прошептала она.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© David Barnett. The End of the World Show. 2006. Печатается с разрешения автора.

ДАРИО ТОНАНИ

ПЫЛЬНЫЕ УТРЕННИЕ РАКУШКИ

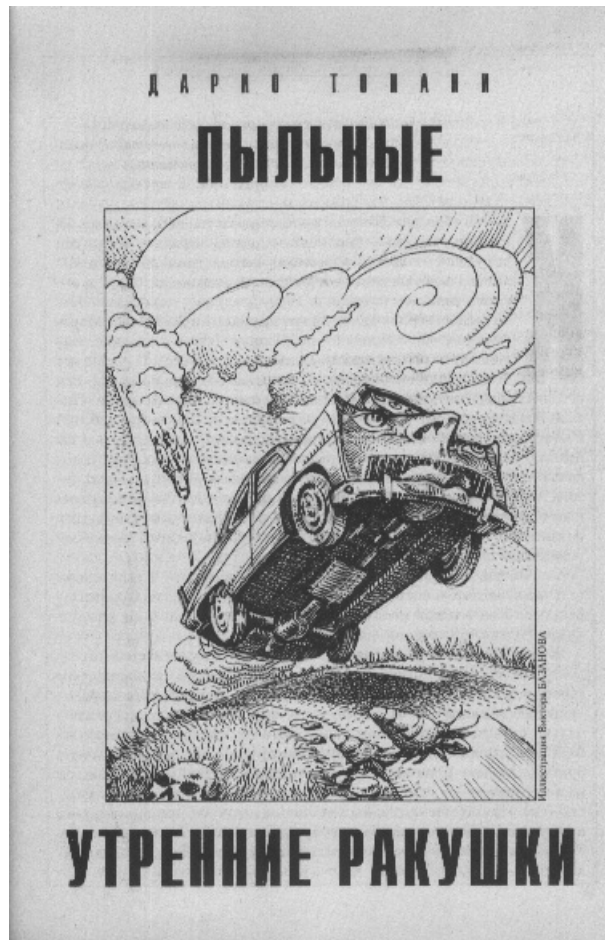

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

*И когда, в конце концов, небо включит огненное сияние для детей
Города,
Нам останется только спрятаться внутри себя. В серую раковину.*

Кашель обожал желтые автомобили, они сводили его с ума, он говорил, что это - роспись Господа на асфальте. Но на сей раз удалось подцепить лиловую! Вытащенный из своего жилища Рак-отшельник свернулся калачиком на боку, и его кровь тянулась от дверцы двумя липкими полосками. Кашель перевернул тело, слегка похожее на амфибию. Мерзкая полутварь. Присев и подав знак Червю и Пряжке, Кашель стал рыться между сидений. Если повезет, то, может быть, найдутся людофал и пара таблеток кардиоменты. Рак все еще дышал: тяжелые хрипы раздували щеки по краям маски. Позади него до самого автомобиля змеилось с полдюжины кабелей и пластиковых трубок, в двух текла жидкость цвета амбры, третью заполняла темная венозная кровь. Кашель протянул руку к Раку и содрал с него маску. Раненая губа распухла и стала лиловой, под цвет кузова, нос превратился в бесформенную шишку с двумя ассиметричными отверстиями. Кашель

снял с Рака забрало: два громадных водянистых глаза смотрели вопросительно, расширенные зрачки заволакивала лиловая дымка.

- Смотри, смотри, - с издевкой сказал Кашель. - Какая трогательная чувствительность к лиловому цвету. Не знал, что Раки интересуются тем, в какой цвет покрашен их кузов. Я думал, вы красите кузова только той краской, которой у вас много.

Кашель держал в руках маску и видел, как просветляется интеллектуальное стекло: массивы данных калибровались по периферии серого и, расползаясь, исчезали у краев линз. Дисплей-очки переходили в неактивное состояние из-за агонии Рака. Теперь пора отключить от безногого коннекторы, перекачать медицинский кислород из баллонов, расположенных на обратной стороне его ракушки, подобрать несколько флаконов плазмы и валить отсюда. Долго оставаться на автостраде - не самая лучшая идея (могут появиться другие симбионты). Нужно еще громадным стальным крючком прицепить кузов и размотать с полдюжины метров троса за пределы проезжей части. Так, как и принято у нотехов: перетащить в траву добычу, ободрать до костей, чтобы потом в конце зажечь ритуальный костер.

Кашель достал нож из-за голенища высокого ботинка и собрал на лезвие капельку слюны с языка. Он старался каждый раз, убивая Рака, получить наивысшее наслаждение. Он знал, что некоторые кланы нотехов отказывались есть мясо после того, как оно было насажено на рулевую колонку и поджарено на огне его собственных покрышек. Сплюнув на губы своей умирающей жертве, Кашель собрал в горсть кучу трубок - они были теплыми и влажными от конденсата. Нет, никогда он не попробует мясо... гребаного лилового Рака.

Червь вытащил голову из своего обиталища, показав дюжину таблеток сливового цвета и две маленькие ампулы с маслянистой жидкостью. Бензодиазепин и лудоприн. В раковине было несколько раздавленных ампул, запах чувствовался до сих пор. Он положил таблетки в карман рубашки, сломал одну из ампул и жадно проглотил содержимое. С другой стороны машины Пряжка все пытался высвободить осциллограф из-под нагромождения диагностической аппаратуры.

Съезд с большой кольцевой дороги на восточную окраину покинутого города был свободен и безмолвен. Бесчисленные автострады с новыми полосами громоздились одна на другую золотистыми цементными локонами. С годами они стали бесплодным симулякротом массовой моторизации. С того момента как люди оставили город на совесть сервисботов. Асфальт, когда-то сверкающий и нашпигованный интеллектуальными сенсорами, сейчас растрескался. В проломах пестрели горы обломков и мусора, собранные за десятилетия запустения. Пряди бледной растительности подставляли свои шипы

ветру. Остальные разрушения были работой нотехов, которые заезжали на верхние эстакады и выламывали цементные блоки, асфальт и гудрон, чтобы стащить все это вниз и построить дома и баррикады. Некоторые из них научились реактивировать биосенсоры и продавали их как антидепрессанты на черном рынке.

Раки-отшельники проезжали по верхним рампам автострады только в силу необходимости и на малой скорости, с опущенными стеклами и арбалетами, направленными наружу. Для них город - это абсолютная пустыня, которую они предпочитали обходить стороной. Там не было ничего, кроме нескольких местных сервисботов. Прежде всего они остерегались городских развязок, где банды нотехов могли устраивать засады и забрасывать камнями раковины. Лиловый Рак именно так и попался, когда он медленно двигался по круглой рампе, спускавшейся в направлении улицы Провинциале, 26. Выстрел из ружья продырявил стекло левой дверцы.

Кашель отрезал трубки, которые присоединялись к аппаратуре, поддерживающей жизнь Рака, достал из кармана маленькое приспособление из резины с небольшой присоской на конце, поднес ее к глазам жертвы и рывком выдрал обе роговые линзы. Лиловый, проклятье! Некоторые традиционные действия он не выполнил: не снял украшения, оптическое оборудование и вообще все, что можно продать или обменять. Кашель опять засунул голову внутрь обиталища. Застоявшийся запах исходил от мочеприемника, который застрял возле рычага переключения передач. Оба сиденья блестели от грязно-желтого конденсата. Две маленькие цикады автосигнализации продолжали бесполезно трещать, перемигивались лампочки полудюжины странных приборов, установленных один над другим на дне ракушки, размеренно попискивал кардиочастотомер. С кончиной Рака его автомобиль должен был скоро прекратить существование, пусть даже и непонятным для Кашля образом. Он стукнулся затылком о капельницу, которая свешивалась с крыши над пассажирским креслом, из нее чередка капель шла по прозрачной трубке к ошейнику. Жидкая субстанция завершала свое движение по механическим органам ракушки, питая медленный метаболизм сцепления, карданов, клапанов и поршней.

Ноги Червя уже не гнулись, и в уголках его губ появилась пенная слюна. Кашель подал сигнал Пряжке заканчивать быстрее, он помог ему с осциллографом и склонился между сидений в поисках рычага, открывающего багажник. Шум заставил его поднять голову. Кашель глянул в окошко.

- Ты слышал?

- Да, черт возьми!

Кашель выскочил из машины, в то время как его компаньон пытался пристроить на сиденье Червя. Все пригнулись, стараясь спрятаться за

распахнутой дверцей. Токсический удар лудоприна действует около часа, если только этот идиот не проглотил что-либо другое.

Шум нарастал. Было уже ясно: приближается машина.

Кашель осмотрел виадук, состоявший из громадных железобетонных пилонов: в пятидесяти метрах выше и в полукилометре впереди шесть съездов расходились веером. Три - на север, остальные - на юг. Машина должна была находиться практически над ними, она ехала медленно, на минимальных оборотах мощного мотора.

Казалось, обороты падали, машина притормаживала, загодя выкруливая на одну из кривых, которые вели вниз. Автомобиль находился еще достаточно высоко, поэтому не было видно, как он сходит с рампы, но это вопрос нескольких секунд. Из-за ветра, который хлестал порывами по рампе и пилонам виадука, шум двигателя и выхлопа органических отходов звучал, будто урчание в животе.

Вонь дизеля, смешанная с человеческими испарениями. Трое скукожившихся в панике на земле. Кашель обнял помповое ружье и пополз под машину Рака, Пряжка последовал за ним, безуспешно пытаясь затащить вниз Червя, который, стоя на четвереньках, рассказывал, как ему хорошо.

Первая рампа перед ними оставалась пустой. Если машина решит съехать по ней, они точно попадут в поле ее обзора. Кашель закусил губу. Раки-отшельники не могут выходить из своих дорогостоящих ракушек: у них нет ног. Даже если им нужно покинуть авто, они перемещаются на руках или скачут на копчике, и то больше чем на два-три метра не могут отойти от машины, ведь именно такую длину имеют трубки, которые связывают их с медицинской аппаратурой, позволяющей питаться и дышать. И все-таки, думал Кашель, этот урод, возможно, вышел из машины, не выключая мотора, чтобы внезапно прыгнуть им на спину и, ухмыляясь, проткнуть их своими пластиковыми зондами. Эта картинка привела к выбросу адреналина, мозг Кашля работал теперь только для защиты, пока не спадет напряжение.

Проклятый Рак не мог быть ни настолько хитрым, ни настолько скрытным. Однажды, примерно десять - двенадцать лет назад, отец Кашля в силу обязанностей участвовал во вскрытии: два симбионта медленно умирали на его руках, испачканных жиром, черной смазкой и кровью, и маленький Кашель получил урок на всю жизнь. Поэтому ему было известно - пусть даже и приблизительно, так, как дети познают жизнь, - что значит быть атакованным машиной для диализа и искусственного дыхания: хрип и покрасневшие глаза под маской, пролежни на ягодицах и спине и сердце, которое улетает в аритмию на высоких оборотах мотора.

Рычание двигателя затихало двадцать секунд, а потом опять стало нарастать. Кашель старался развернуться в своем убогом

пространстве под капотом; лежащий за ним Пряжка почти уткнулся носом в его подошвы. Автомобиль вновь приближался.

Завизжали покрышки. Выстрелы ударили по асфальту, окатив людей ливнем крошева. Примерно в тридцати метрах, недалеко от того места, где их застал врасплох Рак, покрытый грязью симбионт закрутил машину так, что заставил стонать резину. Он с ревом повышал обороты. Притаившись под машиной, Кашель видел в контражуре темный профиль водителя, перезаряжавшего ружье.

Кашель прицелился и обрушил град выстрелов на врага: решетка радиатора, заляпанная сухой грязью, развалилась надвое, как разрезанный пополам арбуз, ветровое стекло разлетелось фонтаном сверкающих брызг. Машина, ускоряясь, рванула вперед, прямо к троице нотехов. В ливне пуль Кашель видел капот машины, теряющей кусок за куском: фары взорвались, крылья отлетели вверх и грохнулись на асфальт, превратившись в металлолом. Передние колпаки отскочили, ударившись о бордюры тротуара.

Пряжка поднялся из-за укрытия, а Червь так и лежал на асфальте, закрыв руками голову... Кусок кузова перелетел через преграду, за которой прятался Кашель, автомобиль затормозил и крутанулся на месте. Водитель открыл огонь. Вокруг Кашля под ударами пуль, страдая, орало железо. Под кузов влетел град дымящихся осколков. Кашель чувствовал, как они впиваются в тело - в ноги, спину, ягодицы. Прижавшись щекой к земле, он видел Червя, который вздрагивал под градом пуль, вспарывающих его спину.

Последним усилием он вытолкнул из-под раскаленного листа металла помповое ружье. Выстрелы прекратились. Ракушка медленно завершила движение вокруг руин и остановилась в двух метрах с левой стороны. Кашель смотрел на нее с отвращением. Она выглядела ветераном тысяч дуэлей - таких же, как эта, - с вмятинами и синяками, с длинными царапинами вдоль дверей и взорванных окон. Пучки волос застряли в решетках, прикрывающих фары. Под слоем грязи угадывалась краска. Задние крылья были покрыты кровью и органическими останками сбитого млекопитающего. И что это за хреновы шипы по бокам багажника?

Прозрачная негнущаяся рука показалась из окна. На бицепсе - татуировка шестеренки, пронзенной молнией. Рука держала прозрачный пластиковый пакет, какой используют в госпиталях для плазмы крови или медицинских растворов. Внутри угадывалась мутная моча. Рак бросил его на землю, а второй, с черноватым калом, внутри которого сверкнул цилиндр хромированного металла, швырнул Кашлю...

Каррутер медленно въехал в механический отсек № 19, выключил мотор и расслабился. Он чувствовал себя старым и уставшим. Откинув

голову на подголовник, он начал массировать лоб. В голове мучительно пульсировало, руки дрожали. Две белесые трубки исчезали в отверстиях под крючковатым носом, испачканным кровью. Он проверил на кокпите артериальное давление и пульс: все о'кей, сервисные машины уже ввели в систему циркуляции пару миллиграммов лабеталола и диклофенака, чтобы остановить воспаление, начавшееся из-за впившегося в щеку осколка. Страшно хотелось пить, и мучил неудержимый зуд в бедре. Каррутер услышал, как сзади, за спиной, с металлическим шумом закрылась ролета. Под пологом механического отсека зажглись четыре неоновые лампы в защитных стальных решетках, забитых мертвыми насекомыми. Две ночные бабочки вспорхнули и полетели искать тишину и темноту в другом месте. Каррутер слышал цикадную трель дозатора капельницы. Костистой рукой он нажал красную кнопку на руле, и жидкость цвета амбры перестала циркулировать в его предплечье. Он отодрал пластырь, который держал иголку, и вырвал ее. Веки смыкались, хотелось заснуть хоть ненадолго, но он знал: скоро должен прийти сервисбот, чтобы проверить, все ли в порядке. Позволь себе закрыть глаза - и увиденное раньше взорвется под веками ослепляющими огнями, закружится голова и станет легким шариком, плывущим в воздухе вдоль цементной дороги. Дробный стук в уцелевшее окошко заставил резко вскочить. Каррутер глянул на возникшую за грязным стеклом металлическую фигуру. Это был сервисбот третьего поколения, старый и плохо ухоженный, с полуприкрытым глазом из смеси помутневших от гноя линз. Он держался на двух субтильных ногах, смазанных серым дегтем. Круглая шапочка на голове была разукрашена призмами и зеркалами, словно они только и ждали, когда включится большой свет.

- Я тебя почию, Каррутер, - изрек сервисбот, - дай только время, чтобы почистить эту рухлядь и найти запчасти.

Голос был юношески ободряющим. Такие ему нравились. Каррутер устало улыбнулся и поправил зонды в ноздрах.

- Ничего себе, ты знаешь мое имя?! Где-то прочел?

- Святой боже, Каррутер, кто, приехавший из города, его не знает? У нас есть сканер, который нам скажет все, что нужно. Так же, как и то, что я тебе должен сказать: ты не сможешь остаться незамеченный с этим акульным плавником на кузове. - Сервисбот говорил, как мальчишка, слишком торопливо для своих лет. - Раньше, в середине прошлого века, двигатели были помощнее, не то что сегодня... Хорошо еще, что тебе не засадили в задницу.

Тут он неожиданно потерял интерес к беседе и, сделав круг вокруг машины, остановился, изучая ее разрушенную переднюю часть.

Каррутер видел, что сервисбот заметно хромает, а тот уже проверял состояние кузова, постукивая по нему механическим пальцем.

- Ты выкупался в лошадином дерьме.? Где ты мог так крепко влипнуть? А это что такое, Черт возьми? - сказал он, выдергивая пучки волос из разбитой фары.

Каррутер ответил через громкоговорители, утопленные в кузове:

- Три нотеха. Я нашел их под рампой. - Из-за трубок он говорил в нос.

- И ты их разнес на кусочки, правда, Каррутер?, Поэтому твой кузов в дерьме? Здоровый кишечник в определенных ситуациях может моментально опорожниться.

Рак изобразил улыбку. ,

- Иногда реальность не так проста, как кажется. - Малыш ему нравился, и даже его необычный словарный запас вызывал симпатию.

Сервисбот опустил вниз, изучая кузов.

- У меня некоторые проблемы с запчастями, я позволю себе посмотреть, что у твоей рухляди внизу. - Неожиданно он поменял тему:

- Меня зовут Фиальмо. Я буду твоим святым духом на несколько часов. Хочешь что-нибудь сердечное или какое-нибудь психотропное средство, пока я работаю?

Каррутер затряс головой. Он слишком устал, чтобы нуждаться в успокоительном.

- Медицинский кислород есть? Можно включить в циркуляцию людовал.

- Хочу уехать как можно скорее. Сколько тебе надо времени, чтобы найти запчасти? - ответил Каррутер.

Фиальмо поднялся и уставился снизу на водителя.

- С фарами и лампами нет проблем, у нас не совсем оригинальные, но... Мне надо убрать с кузова все это дерьмо, извлечь все ошметки мяса и прописать тебе на восемь дней антибиотики. И как ты только не подхватил инфекцию? У тебя есть свежий калоприемник, чтобы я смог сделать анализы?

- Только пластиковое судно.

- Тебя не затруднит собрать мочу, разлитую в машине?

- У меня все в порядке, не беспокойся: дай мне только пару часов искусственного сна, и потом я буду вполне готов к той миссии, ради которой прибыл в город.

- Дела в трущобах? - Сервисбот потряс головой и отправился в угол, где включил большой, покрытый пятнами ржавчины аппарат со множеством индикаторов. На одном из работающих дисплеев, мутном от пыли, быстро пробежала серия зеленых символов, среди которых проскакивали розовые. Они мигали некоторое время, а потом выстраивались внизу экрана. Каррутер видел, что сервисбот собирал данные, нажимая клавиши на консоли. Аппаратура выдала ряд ярких вспышек. Каррутер устроился еще глубже в кресле и закрылся руками. Пытка длилась около сорока секунд, в течение которых сервисбот удовлетворенно ухмылялся.

- Не любишь сканер, верно?

Лампы погасли окончательно, и сервисбот Фиальмо сел рядом на табуретку. Аппаратура окончила работу, из печатающего устройства полезла длинная лента, заполненная цифрами и графиками. Сервисбот решительно ее оторвал.

- Пять часов, - он произнес это, словно предлагал в последний раз. - Скорее, даже четыре с половиной, и потом ты опять будешь един со своей машиной.

Каррутер полностью опустил единственное целое окно.

- Сколько я тебе должен?

Сервисбот слез с табуретки, повернулся к нему спиной и поковылял к другому аппарату с рычагами и кнопками. Он подергал пару рычагов и нажал с полдюжины кнопок.

- Хочешь пошутить, да? Тот, у которого кузов с килем, в моей мастерской не платит. Разве что за мойку или за пару восстановленных запчастей.

Получеловек в полуразрушенной машине расслабился и стал следить за маленьким роботом, из которого капало масло. Создавалось впечатление, что под кузовом кто-то запустил мотор, и теперь все стены мастерской слегка вибрировали. С крыши опустилась дюжина гибких рук, каждая из которых имела свою насадку: зажимы, отвертки, английские ключи, клещи разных размеров, дрель, три горелки с разными соплами, аэрографический пистолет, две больших фрезы и гигантский шприц, полный жидкости, неотличимой от крови. Видимо, запустился лифт, и мастерская стала подниматься вверх, набирая скорость от одного этажа к другому.

- Наверху у меня есть все необходимое, - успокоил его Фиальмо. - И кроме того, там мы застрахованы от нотехов. Сохранилось сто сорок работающих лифтов, чтобы подняться на операторные башни. В городе их тысячи, но у нас есть средства и энергия, чтобы защитить только десять процентов из них, пока весь город выключен.

Сервисбот болтал и не оставлял никакой надежды, что в конце концов замолчит. Каррутер видел, как гибкие руки начали восстанавливать кузов, удаляя части, которые нельзя починить.

- Сегодня каждая башня бронирована и может сохранять автономность в течение тридцати часов. Наверху есть все: механические детали, плазма, искусственные органы, нейрокраски и самая лучшая медицинская диагностическая аппаратура. Хочешь сменную руку? Есть! Хочешь виртуальную перчатку, чтобы почувствовать ноги, или, может, услужливый пистолет? Эти вещи вообще-то тебе доставят беспокойство, но они у нас есть! Хочешь завести ребенка из мяса и жести? В башне есть акушер-жестянщик, который работает пальцами, как пианист. Вот, приехали.

Лифт затормозил и остановился. Ролета впереди шумно поднялась,

открыв окна в изящных рамах: они осветили череду колонн, отмеченных множеством красных полос. Каждое парковочное место было занято одним Раком, вокруг которого работала пара роботят. Остальная аппаратура двигалась самостоятельно на сервотележках, похожих на мелких животных, виляющих хвостами. В окнах открывалась панорама мертвого города: в пейзаже доминировал серый цемент, на его фоне выделялись большие куски кузовов, расписанные аэрографом. Они были встроены в башни или просто дрожали на ветру, подвешенные на прочных стальных тросах. Подвижные скульптуры из фар, дверей и капотов спускались до самых дорог, медленно вращаясь. Каждая башня была связана с другими системой подвесных мостов.

Каррутер увидел трех Раков, которые медленно, не быстрее пяти километров в час, ехали за сервисботами. Боты размахивали цветными флагами. На восточной окраине в полуденной дымке угадывались ramпы старой автострады, закручивающиеся в концентрическую спираль по бокам длинных виадуков, поднятых над землей. Его народ, наверное, должен прибыть оттуда, огласив воздух звуками моторов и подняв облако пыли, которое потом закроет весь город.

- Эй, ребята! - крикнул маленький сервисбот своим компаньонам. - Что я притащил со своей охоты на лошадей: Каррутер с плавником на кузове!

Десяток роботят бросили свою работу и ринулись к нему, возбужденно чирикавая. Некоторые из них включили сирены и замигали фарами.

Фиальмо представил всех по очереди:

- Карлучи, Кардиган, Карра, который чистит обломки. Это Карлос, там внизу, тот, который как телефонная кабинка без колес, это Каррачино, биодизель.

Каррутер помахал рукой каждому из них.

«Старые, как и я, люди без родины и без будущего», - подумал он.

Большинство этих бедняг никогда не смогут выйти живыми из этой мастерской: их ракушки методично разделают на мельчайшие запасные части и скульптуры, которые будут болтаться на башнях. Спрашивается, что еще может случиться с Раком, однажды оказавшимся вне своего кузова, когда его уже невозможно починить.

Фиальмо установил дополнительную перегородку, закрыв Каррутера от посторонних глаз.

- Держим это место для звезд.

Он неохотно отослал сервисботов, которые пришли высказать почтение новому гостю. Немедленно у борта появилась пара тележек с инструментами для самых срочных работ. Из потолочного люка опустили капельница и механическая рука, державшая вазочку с зелеными таблетками.

- Психотропный нефрит и доза онировалиума. Это тебе поможет заснуть. Металлокулак восстановит машину. - Робот установил капельницу и поднес Каррутеру пару таблеток и бумажный стаканчик.

Каррутер взял таблетки и зажал их в кулаке.

- У меня есть только одна просьба, прежде чем ты пошлешь вниз кого-нибудь похрабрее... Ты должен меня внимательно выслушать и рассказать твоим все, слово в слово. - Он устроился поудобнее на сиденье и начал сообщение голосом, лишенным эмоций, как будто повторял наизусть длинный монолог.

Пятнадцать металлокулаков, больших, как крысы, залезли на капот и принялись изрыгать изо ртов влажную пасту, которая под действием тепла должна была превратиться в прочные металлические листы. Работали они медленно, толкая друг друга и одновременно убирая все дефекты и избыток амальгамы.

Старье, подумал напоследок Каррутер, чувствуя, как его веки наливаются тяжестью.

Кашель открыл глаза и увидел над собой потолок из листового железа, крашеного гудроном. Сара убрала с его лица прядь волос.

- Где я? - спросил он.

Сара отдернула пальцы.

- Дома. Тебя нашли Лу и Пятно.

Кашель поднялся и блуждающим взглядом обвел внутренние перегородки барака. Комната была полна свертков и переполненных ржавыми запчастями ящиков, все это убожество завершала скульптура из четырех рулей, которые медленно вращались, а сверху - дверца и тахометр, переделанный в цифровые часы.

- Червь и Пряжка? - Он хотел знать, что с ними.

Сара напряглась, она была готова к этому вопросу.

- Червь мертв, Пряжка получил пулю в позвоночник, и у него отнялись ноги. После того как их вытащили, Тачка сказал, что уже придумал коляску с мотором. Или, возможно, пошлет отряд, чтобы украсть в городе настоящую машину. Будет нашим Раком, - сказала она с вымученной улыбкой.

Кашель откинулся на подушку. Он чувствовал себя разобранным на части. Попробовал пошевелить ногами, согнуть руки и сглотнуть слюну. Вроде всё на месте. Он опустил простыню и увидел, что его грудь обмотана желтоватой марлей. Ему видна была только повязка, на которой смутно проступали темные пятна.

- Одни осколки, - успокоила его Сара. - Из тебя вынули двадцать восемь, хочешь посмотреть? - Она взяла со столика мешочек и зазвенела содержимым.

Кашель отвернулся и почувствовал в паху пронизывающую боль. Он опять застонал и стал судорожно ловить ртом воздух, глядя на четыре

руля, танцующих перед ним.

- Спасибо, Сара... Всем спасибо, - прошептал Кашель.

Сара улыбнулась.

- Есть еще одна вещь, которую ты должен знать. - Она положила мешочек на стол, вынула оттуда блестящий металлический цилиндр и зажала его в ладони.

Потом она поднялась, поцеловала его в лоб и оставила одного в сумрачном бараке. Позже, когда женщина открыла шторы, он увидел, что за окном стояло низкое, но пока еще яркое солнце. Внутри все засияло, как натертый воском металл. В этом мире было особым удовольствием собирать детали кузовов, бриллиантовые драгоценности из металла, которые играли на солнце в любое время дня, особенно вечером, перед закатом. Сейчас было уже позднее послеобеденное время. Штора опять закрылась, его маленький мир среди металлических листов померк, и желтый цвет (самый любимый) стал неровным серым, слегка тревожащим. Кашель сомкнул веки и почувствовал, что у него в руке тот самый предмет, который ему дала Сара. С гримасой боли он поднялся на локтях и открыл влажный от пота цилиндр. Внутри находился миниатюрный переключатель на две позиции. При нажатии на него активировалось голографическое сообщение. Текст переливался разными цветами несколько секунд и в конце концов установился в одном цвете на темном фоне. Кашель проклял неразборчивый шрифт и начал читать.

«Отважный Нотех!

Ты нашел истину, но это бесполезно. С востока движется наш народ, наши древние, чтобы занять новые пространства и добыть новые жизненные ресурсы. Это апокалипсическое шествие миллионов Раков, отверженных и осмеянных последними поколениями новых машин. Мерзость, каковую вы даже не можете представить, гибриды мяса и металла, которым наше знание генетики, медицины, механики и мотористики дало возможность существовать в темные и беспокойные десятилетия. Вторая половина мира должна благословить наше отмщение: разрушенные и покинутые города, девственные леса, вода, металлы, нефть, природный газ - все было разрушено только благодаря нашей транспортной системе. Мы выкопали галереи, чтобы обходить океаны и водные преграды, сравняли горы, засеяли поля саморастущим биоцементом, просмолили землю, построили автономные сервисные башни, каждая из которых может модифицировать пейзаж в радиусе 200 километров. И вот сейчас мир кончился. Можно переезжать на колесах от одного острова к другому колониями по двести спаренных автомобилей. Климат поменялся: восстановились асфальт и цемент, появились новые виды животных - маленькие грызуны с жестяным панцирем и суставами из железа, покрытыми сладким красным мясом. Они питаются тесячеколесками,

мелкими червеобразными насекомыми, которые двигаются по цементу, словно поезда на колесах. Наши новые поколения мало отличаются от предыдущих, моторы на цикле Отто и дизели заменены на системы с другим питанием; рождены мясные кузова, внутри которых пульсируют механические сердца, создана резиновая кожа, которая может генерировать прыщи - она краснеет от эмоций и стареет, покрываясь морщинами; стекла видят, и иногда на них наворачиваются слезы; кузова чувствуют боль и щекотку и под солнцем покрываются маслянистым потом...»

Проверив в энный раз жизненные параметры автомобиля, Каррутер поднял глаза и увидел, что маленький робот остановился у пассажирской дверцы, приоткрыв призмы и зеркала. С крыши ракушки хорошо просматривалась мастерская, а через бесчисленные окна - весь город. Вверху металлокулак Фиальмо рихтовал кузов.

Робот поднял на него телескопические объективы, пряча сплюсненную голову:

- Хочешь оригами?

От его головы шел резкий запах кремния и сгоревшей пластмассы. Робот повторил вопрос более кокетливым тоном. Пристроив огрызки ног на люке в крыше автомобиля, Каррутер пригнул голову, забрался внутрь и собрал инструменты, чтобы снова устроиться в своем обиталище напротив окна. Клубы светящегося пара сообщили роботу, что взорвалась одна из ламп. Несуразный Фиальмо относился к роду Безвкусных. Он представлял собой кучу деталей, собранных неаккуратно, без всякой системы. Две трети машин были сконструированы из аппаратов второй генерации и потому считались Безвкусными. Роботы выглядели антропоморфными, что было совершенно бессмысленно - не способные ничего производить или измерять, они вынужденно вели паразитическую жизнь, таскаясь, как несчастные попрошайки, от одной машины к другой, влача жалкое существование. Все-таки города были полны гниющего хардвара, зараженного и неспособного адаптироваться, живущего на восстановленных запчастях, пиратских сочленениях и жидких отбросах.

- Итак, черт побери, хочешь или нет мое оригами? - Робот извлек из трещины в передней части собственного корпуса бумажный диск, многократно перегнутый. С легкостью опустившись в свое обиталище, Каррутер вытянулся, чтобы подхватить диск; от контакта с пальцами бумага раскрошилась, и в его руке остался пожелтевший от времени кусочек журнальной страницы, на ней можно было рассмотреть картинку: ребенок гладит сервисбот по голове.

Каррутер возился, распутывая после экскурсии крышу провода и трубки, оставив клавиатуру компьютера на месте. Для первого дня в городе все шло неплохо. Активировалась дюжина роботят, восемь из

которых, с грустью заметил Каррутер, оказались Безвкусными. Роботята занимались тем, что раздавали все даром: дырявые пробки от бутылок, статуэтки животных, сделанных из мусора, одиннадцатисложные франкоязычные стихи для эрудитов. Сейчас Каррутер решил просто покататься без цели по центру города, доверившись своему автомобилю. Попрощался с Безвкусным-художником и поблагодарил его за оригами.

Длинная поездка вдоль тихих улиц метрополии помогла Каррутеру понять его состояние: авто сообщало о болезненных ощущениях в ребрах, пару раз заглушало их с помощью таблетки кардиоменты, временно приняв на себя управление. Окна постоянно затемнялись конденсатом. Автомобиль был нетерпим и вспыльчив, как испорченный ребенок, у которого на этот день имелись другие планы. Каррутер слышал внутри себя - в хромированных частях, в поролоне сидений, в пластике приборной доски, - что машине это надоело, и она, изношенная до последнего кусочка, сомневалась в необходимости их симбиотического существования. Он подумал, что Рак и автомобиль - возможно, две половинки одного дихотомического семени, предназначенные проникнуть глубоко друг в друга в далеком будущем. Медленный синтез, виденный им однажды, давал надежду.

Легким прикосновением к рулю он откорректировал траекторию на очень резком повороте. Он выехал на улицу с четырьмя полосами, тянувшимися вдоль многоэтажных домов из стекла и металла. Машина затормозила и отозвалась серией теплых толчков в паху. Это место ей нравилось, она, видимо, узнала знакомую архитектуру башен этого мира.

Каррутер выглянул из окна и отметил, что один из домов, казалось, был покрыт переливающейся черной облицовкой: сотня различных Безвкусных укоренилась на девяноста этажах фасада в поисках тепла, электричества и магнитных полей. Машины висели непрочной конструкцией, цепляясь одна за другую, на ржавом железе, хромированных лентах и кусках цветного стекла. Путаница механизмов напоминала Каррутеру отвратительные пирамиды из тарантулов, которые он видел однажды, когда с группой молодых Раков-мутантов сел перекусить после долгого рабочего дня. Механизмы двигались неравномерно, медленно перемещая тысячи своих деталей, в вечном поиске опоры на спине напарника.

Каррутер медленно объехал здание и увидел, что роботы висят со всех сторон. Это зрелище напоминало пародию на эволюцию.

Казалось, машины договорились встретиться в этом богатом энергией квартале и залезли на первую попавшуюся башню со слабой системой защиты. Высосав жертву до самого костного мозга, они перейдут к следующему зданию. Медленная процессия роботов-разрушителей - криптолингвистов, непризнанных киберхудожников, плохого хардвара -

растянется на весь город, как гадкая зараза.

Издали донесся шум. Кашель вздрогнул, его взгляд затуманился. Он уронил цилиндр в глубину кровати, откинулся на подушку и увидел красные буквы, ползущие в темноте вдоль простыни до самого пола. Это отозвалось болью во всем теле. Он закрыл глаза, пытаясь представить себе грызунов с металлическими экзоскелетами, которые станут новыми машинами. Конечности автомобилей, вырывающие плотные куски мяса и пластика из страдающих от боли кузовов. Пыль, заставляющая слезиться лобовые стекла, и остающиеся позади большие кучи дымящихся экскрементов с копошащимися в них тысячеколесниками-навозниками...

Опять этот далекий звук. Непрерывное жужжание, глухое, как из бочки, и жалобное одновременно.

Кашель сомкнул веки и прикусил до крови губу. Итак, родилась новая раса, и старые обречены на исчезновение. Им придется искать новые пространства, где можно выжить, возобновлять в новом месте симбиоз «машина-мясо», который уже, казалось, уходил в прошлое. Оставить город старого мира с его разрушающимися автострадами, нотехами, которые выслеживают Раков и, когда удастся, разбирают их на кусочки, отделяя плоть от металла, чтобы потом сожрать ее, поджарив на черном огне горящих покрышек. Они/теперь всего лишь старые формы симбиоза из кожи, мяса и металла. Их ненавидят собственные дети.

Превозмогая боль, Кашель спустил ноги с кровати. Он, гордящийся тем, что еще может распознавать старые модели автомобилей, обожавший сверкающий желтый цвет спортивных кузовов, запах раскаленной на солнце обивки сидений, мрачное сияние хромированных деталей, сейчас чувствовал себя еле живым. Старье, только старье...

Он сел в кресло и продолжил читать. После всего этого и его мир начал меняться: появилось больше Безвкусных, бродящих по городу, стали появляться новые машины, которым нравилось причинять боль другим машинам... Голова кружилась.

«...Нет смысла объяснять мотивы нашей миграции или спекулировать цифрами. Мы отправились четырнадцать месяцев назад, чтобы бежать от наших же детей и внуков. Наверное, одиннадцать или двенадцать миллионов старых автомобилей. В течение первых месяцев мир немало помогал нам в нашем путешествии. Однообразный рельеф местности сберег наши колеса и наши детали от излишнего изнашивания. Когда мы останавливались, то находили пищу и смазку и всегда могли заменить наши поврежденные механические компоненты на новые. Но потом наш мир кончился, и мы столкнулись с лугами и лесами, болотами и холмами. На семьдесят второй день - когда погиб

каждый десятый и дух ослаб - мы добрались до предгорий. Некоторые из нас в отчаянии хотели вернуться, остальные двинулись вперед. Мы гибли тысячами, но продвигались к цели. Каждая смерть превращалась в грабеж: воровали все, что можно, и прятали в убежищах, думая о худшем будущем. Многие из медицинского оборудования в этих землях сломали так, что его невозможно было починить, и это открыло дорогу для страшных смертей от машин, которые стремились поддерживать жизнь. Только двадцать два процента из нас смогли достичь равнины и вернуться на менее опасную дорогу. Одни сходили с ума и выдергивали трубки, связывавшие их с механизмами, другие рассеивались по долине, покинув остальных, некоторые становились убийцами...

Оставалось четыре или пять дней до того, как основной контингент прибудет в город. Я был частью передовой разведывательной группы...

Мы хотим только соединиться с такими же машинами, как и мы, и просто бродячими обитателями пустынных сел, на которых охотились и которых убивали ваши кланы... Не знаю, испугает ли вас наше количество (мы не располагаем никакими данными переписи вашего населения), но гарантирую: мы свою шкуру продадим дорого. Разведчики сейчас готовят прием основной колонны переселенцев.

Однако надо понимать, что мы прежде всего машины, и город кишит деталями, свежей энергией, нужной для беженцев, и теплом. Метрополии быстро вернутся к жизни. Мы прибыли с миром, но готовы умереть на войне. Ты видел, на что мы способны. Теперь тебе и всем другим нужно хорошенько подумать, прежде чем принять решение.

Удачи тебе,
разведчик Каррутер».

Кашель швырнул цилиндрик в стену. Буквы погасли, помещение погрузилось в темноту.

Если Каррутер говорит правду, то миграция Раков просто сметет людей. Нотехи малочисленны и плохо оснащены. Клан внутри покинутого города владеет двумя дюжинами лошадей, несколькими десятками помповых ружей, несчетным количеством рогаток, крючьев, луков и пращей. Ну, может, еще парой катапульт, малонадежных и очень неточных в стрельбе. Машины у Раков были приземистые, словно тараканы, стремительные, как стадо свирепых бизонов.

Рык мотора, вот что это за далекий звук... Он чувствовал его по дрожанию земли. Оно отдавалось в лодыжках.

Раки решили остаться здесь. В городе были дороги и башни для ремонта, сервисботы, которым можно доверять, и совершенно неограниченные ресурсы всякой всячины, которой можно украшать их ракушки.

Откинулся тент, и вошла Сара с дымящейся миской в руках.

- Видела? Что знают другие?

- Всё знают, с того момента, как тебя нашли четыре дня назад.

Кашель приподнялся и сдавленно застонал от боли.

- Надо уходить! - Ноги его подогнулись.

Сара протянула ему руку и помогла устоять на грязном полу.

- Нам некуда уходить.

- Нужно! - Он оперся на руку Сары, женщина помогла ему сделать пару шагов.

- Слышишь?

Кашель прислушался.

- Густав отправился на разведку с Картом и Симонсенем, - продолжила Сара. - Стадо прибыло. Скоро они заполонят долину, ошалевшие животные убегут.

Кашель поднял с земли ружье и посмотрел на порог барака через ствол.

- Мы их остановим.

Пол дрожал.

- Как? Сервисботы их примут. Наши уже видели, что они спустились с башен и шатаются по городу. Они в первую очередь машины и будут помогать своим.

Кашель поднял руку и опустил ее на скульптуру из рулей, которые свешивались с потолка. Конструкция упала на пол.

- Заберемся на крыши, нас не достанут.

- Там не спастись. Город просыпается; каждая функция или активирована, или будет активирована в ближайшие часы. Уже две ночи все огни города зажжены. Слышен шум турбин. Фабрики, офисы, роботакси, банкоматы, лифты, автоматы по продаже всякой всячины, бензиновые насосы, семафоры, компьютеры, телефоны, телевизоры, сервисные бродячие киоски - все возвращается к жизни для новых старых...

Кашель медленно натянул рубашку и опять взял ружье.

- Куда идем?

- Поговорить с Густавом.

Сара отвела глаза.

- Густав уехал.

- Поговорю с Марком.

- И он ушел. Остались только мы двое...

Сара забрала у Кашля ружье.

- Есть один сервисбот снаружи. Это он вынул из тебя осколки и приготовил для меня горячую пищу. У нас есть один фонарь рядом с бараком и маленький генератор.

Кашель смотрел на нее непонимающим взглядом.

- У нас есть лампадка на первые годы! - повторила женщина.

Мужчина медленно повернул голову в направлении порога.

Солнечный диск, который поднял его с постели, уже исчез. Осталась только лампочка, которая светила в ночи.

- Хочешь посмотреть? - Не ожидая ответа, Сара вышла из барака и быстро вернулась, неся перед собой яркий свет.

Кашель быстро закрыл глаза и потом осторожно открыл их, прикрывая пальцами. Вокруг были капоты автомобилей, двери и фары с целыми стеклами... Слева от него стояла скульптура, сделанная из мелких осколков жести, все желтого цвета. Убрав руки от глаз, в контражуре он видел рядом с Сарой другой силуэт, меньше ростом.

- Это Фиальмо, - объяснила женщина, приглашая механическое существо подойти к кровати. - Он поддерживает город. Это Безвкусный, который работает медикомехаником в одной из башен. У него полно работы. Мы ему верим...

Сервисбот сделал несколько ковыляющих шагов и демонстративно устался единственным исправным антикварным автомобильным глазом на Кашля.

- Здесь все желтое, - сказал он. - Это не тот цвет, которого от меня ждут клиенты.

Он казался очень жизнерадостным и воодушевленным.

- Можешь посмотреть прибытие, если хочешь, - продолжал болтун. - Достаточно выйти отсюда и взглянуть на восток. И не беспокойся о своих ранах, я их хорошенько почистил, так что ничего с тобой не делается.

Видя, что Кашель его не слушает, сервисбот опустил голову и сменил тему.

- Я думаю, завтра можем двинуться в город. - Сервисбот ушел из барака, оставив людей в одиночестве.

Кашель вышел на порог.

Было опять темно, но близился рассвет. Воздух заполнялся пылью. Под ногами дрожала земля. Холмы на востоке были прошиты лучами света. Множество желтых огней играло, как мед на кусочке хлеба. Через несколько минут Сара присоединилась к Кашлю на пороге. Воздух был искрящимся, впервые за многие годы небо заволокло дымом. Далеко, где-то в городе, бесполезно звонил телефон. Снизу доносилось урчание тысячи моторов, которые приближались.

- Они пройдут сверху.

В другое время Фиальмо, наверное, увел бы их в другое место. Тысячи сигнальщиков были готовы начать действовать и направить табун прибывших в город. Кашель стал рассматривать светлячков, сходящих с холмов.

- «Звезды зари, пыльные утренние ракушки», - пробормотал он. Это были слова из старой, забытой баллады нотехов.

- Что ты сказал?

- Ничего.

По иронии судьбы, за мгновение до того, как достичь финишной черты, некоторые Раки остановились и умерли, их фары погасли навсегда. Они не были ни самыми старыми, ни самыми слабыми, просто неудачливыми.

Кашель почувствовал, как Сара взяла его ладонь в свою и сплела пальцы. Ружье. Он хотел бы, чтобы у него было ружье.

- Что думаешь? - спросила Сара.

- Об этом Раке, Каррутере. - Пыль заставила его закашляться. - Мы начнем с него.

Сара сжала его руку.

- Начнем что?

Но он ее не слышал: недалеко от него маленький робот сделал новогоднюю елку из мигающих лампочек. Голубые, желтые, оранжевые. И звук сирены разорвал ночь...

Перевел с итальянского Сергей СЛЮСАРЕНКО

© Dario Tonani. Le polverose conchiglie del mattino. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Робот» в 2010 году.

ТОМАС ВАВЕРКА

МОЖЕМ СПРОСИТЬ У КОЛУМБА

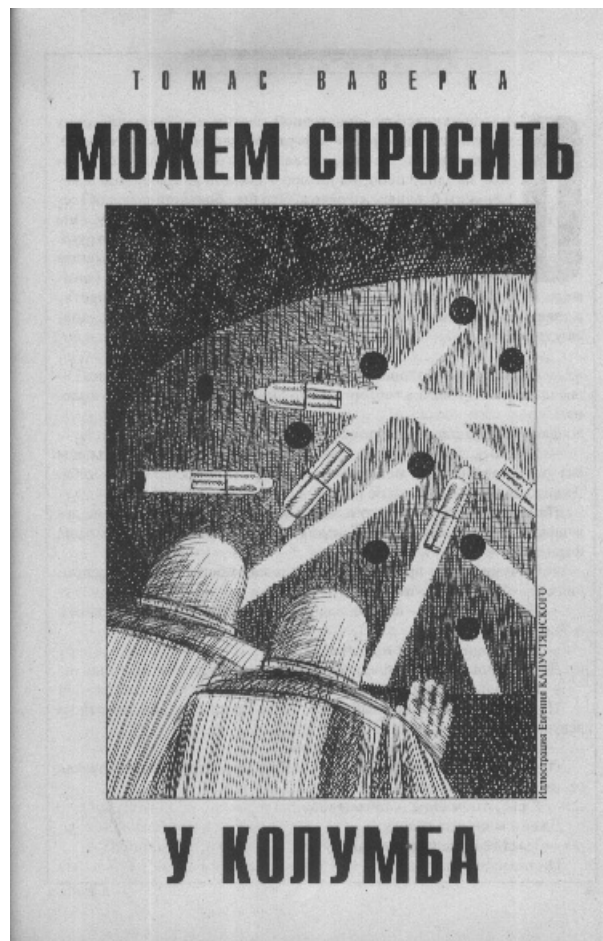

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Она спустилась по приставной лестнице. Поставила одну ногу на грунт, затем - другую. Медленно повела головой, осматриваясь. В стекле ее скафандра отражалось бесконечное звездное небо, на котором Солнце казалось лишь маленьким бледным кружком. Это был большой шаг для всего человечества и маленький шаг ко всеобщему миру. Она подняла флаг над головой и с размаху воткнула его в грунт. Звездный свет заиграл на трехцветном сине-бело-красном полотнище. Французский триколор гордо реял над Ганимедом. Отныне спутник принадлежал Франции, человечеству и главное - Мировому Содружеству, Ее глаза сверкали, лицо озаряла улыбка...

- Это было та-ак здорово! Как в кино! Ты долго тренировалась? - воскликнула Джейн и в восторге расхохоталась, хлопая себя по коленям.

Таня пожала плечами и поморщилась.

- Надеюсь, там, снаружи, я не услышу тебя. Боюсь, если ты еще раз расхохочешься, у меня начнутся корчи. Предупреждаю тебя, Джейн. Даже хихиканья я не переживу.

Понселет просунул голову в люк и укоризненно посмотрел на девушек. Курчавые волосы и маленькая бородка делали его похожим на фавна.

- Почему вы все время насмехаетесь над моей страной? - спросил он.
- Это так необходимо?
- Прости, Понс, - попросила Джейн. - Не принимай всерьез, ладно?
- Что смешного в этом знамени?

Джейн провела рукой по древку флага и невинно улыбнулась.

- Позволь нам немного позабавиться, Понс. Не порти игру.

Но Понселет так и не улыбнулся, лишь пристально посмотрел на девушек и сказал:

- Татьяна, тебе пришло сообщение.

Она встала и направилась в рубку. Понселет отступил, пропуская ее, затем снова повернулся к Джейн:

- Я рад, что мне не навязали тебя.

Джейн вскинула голову.

- Ты совсем не понимаешь шуток?

Он нахмурился.

- Это не шутки. Только ты находишь во всем смешное. Для меня загадка, как ты вообще оказалась в программе с таким отношением к делу.

- Наверное, я умею не только шутить.

Понселет упрямо покачал головой.

- Не трогай меня, и я не трону тебя. Но если начистоту, то, по-моему, ты завидуешь Татьяне. Ей выпала честь первой ступить на Ганимед. И она относится к этому серьезно. Не надо превращать все в балаган. Это настоящее событие, не стоит над ним смеяться.

- А по мне, это и есть балаган - с самого начала до самого конца. И наша маленькая славянка прекрасно всё понимает, она же не дура. Абсолютно бессмысленное занятие. И даже если я буду серьезна, как на похоронах, ничего не изменится.

- Наш полет... полгода, которые мы провели на корабле... четыре аварии, две тяжелые болезни - это, по-твоему, балаган?

- Внушительный список, Понселет. Но скажи мне: проделать с такими трудами и лишениями путешествие на планету, о которой мы и так все знаем, разве не аттракцион? И кто мы, если не циркачи? Автоматическая станция трудится над исследованием много лет и регулярно предоставляет отчеты на Землю. Ты думаешь, мы за несколько дней заметим и поймем что-то важное, чего не заметили роботы? Это гордыня, Понс! И во имя гордыни мы тратим время и деньги.

- Ты знаешь наверняка всё, что нам известно о Ганимеде, но ты не ведаешь, сколько еще нам предстоит открыть. - Француз наставительно погрозил Джейн пальцем, словно учитель безответственной ученице. - Понимаешь, о чем я говорю?

- О, я понимаю! - Она улыбнулась, не скрывая иронии. - Так точно, мон генераль! Мы знаем то, что мы знаем, и не знаем того, чего не знаем.

Ошеломляющая глубина философских построений. Я впечатлена.

Понселет вздохнул.

- Ты невозможна, - сказал он. - И кстати, это луна.

- Что?

- Ганимед не планета, а луна. И еще: через полчаса совещание.

Они сидели за столом в кают-компании: Понселет и Джейн, напротив - капитан и врач.

- Прошло уже десять минут, - сказал капитан, посмотрев на часы. - Кто-нибудь в курсе, где она? Кто-нибудь ее видел?

- Я, - ответили Джейн и Понселет одновременно.

Капитан повернулся к Джейн.

- Ты можешь ее найти?

Татьяна сидела, скорчившись, на полу душевой кабины. Мокрые волосы налипли ей на лицо, но она, не обращая на это внимания, царапала щеки ногтями.

Джейн опустилась на пол рядом с ней, обняла.

- Милая, что ты делаешь?

Татьяна покачнулась и произнесла охрипшим голосом:

- Скажи, мы способны отправить, сообщение по временной линии Хокинга назад во времени? Теоретически это возможно?

Джейн не знала, что и подумать, но на всякий случай ответила правду:

- Теоретически - да. На практике передатчик и приемник всегда синхронизированы по времени. Поэтому мы не можем разговаривать с Землей напрямую, без запаздывания. Но я не думаю, что ты захочешь слушать лекцию о принципах работы квантового компьютера и о теории параллельных миров. Лучше расскажи, что случилось. Мы можем тебе помочь?

Татьяна подняла голову. Она выглядела усталой и отстраненной.

- Мой муж... Он погиб. Я просто хочу узнать, как это произошло. Успели ли он что-то понять, было ли ему больно, ну и... все такое...

- Таня! - Джейн задохнулась, потом притянула подругу к себе, сжала в объятиях. - Милая! Что тебе сообщили? Как это было?

- Несчастный случай. Больше ничего. Представляешь, они мне больше ничего не сказали! - Татьяна всхлипнула. - Заботятся о моей психологической устойчивости, убудки... Он три недели лежал в коме, а они молчали. Теперь он мертв, и они соизволили поделиться со мной новостями.

Вся команда молчала, опустив головы.

- Мне очень жаль, Таня, - наконец произнес капитан.

Остальные кивнули, не зная, что сказать.

- Мы, конечно, поменяем план высадки, - продолжал капитан. - Джейн

займет твое место.

Татьяна покачала головой.

- В этом нет необходимости.

- Мы не можем подвергать тебя дополнительным психическим нагрузкам. Тебе и так нелегко.

- Я справлюсь. Джейн нечего делать на поверхности. Они с Понсом не сработаются.

Понселет втянул воздух, но ничего не сказал и даже не поднял глаз от тарелки.

- Кроме того, Джейн нужна вам здесь, наверху, - голос Татьяны звучал твердо и спокойно. - Она единственная, кто может работать с квантовым компьютером. Что если у нас, как в прошлый раз, произойдет сбой в программном обеспечении?

Капитан молча глядел на нее.

- Я права? - с нажимом спросила Татьяна. - Разумеется, я права! А никого другого ты не можешь послать, ведь в программе высадки однозначно написано: на Ганимед должны спуститься одна женщина и один мужчина. И женщина обязана произнести чертов текст.

- Да, - неохотно сказал капитан.

- Значит, не о чем спорить. Я спускаюсь. Я готова к этому. Чертовски готова.

- Ты уверена?

- Никаких проблем.

Капитан стоял, опираясь рукой о крышку люка.

- Ты точно в порядке? - спросил он, испытующе посмотрев на Татьяну. Она пожала плечами.

- Я это говорила уже три раза, по меньшей мере. Что еще я должна произнести, чтобы мы наконец закрыли этот вопрос?

Ее улыбка была холодной и натянутой, глаза потемнели от гнева, но она сдерживалась.

Он вздохнул.

- После того как спускаемый модуль отсоединится от корабля...

- Наше управление перехватит навигационная башня на Ганимеде. Я знаю.

Она сердито поджала губы. Вошел Понселет с ящиком инструментов.

- Странно слушать, как мы говорим о башне. Ведь внизу ничего нет, - сказала Татьяна.

- Нет башни? - удивленно переспросил капитан.

- Нет людей.

- Тогда говори «никого». Люди - «кто», а не «что».

- Извини.

- Скоро все изменится, - улыбнулся Понселет. - Там будем мы.

- Да уж, прогресс.

- Чуть не забыли эту штуку, - капитан просунул в люк флаг. - Бесценный символ.

Татьяна приняла твердое, упругое полотнище и уложила его в специальный паз.

Понселет занял свое место.

Капитан сказал:

- Ну, мягкой вам посадки. - И закрыл люк.

Через несколько минут капсула отделилась от корабля. Пассажиры испытали лишь небольшой толчок. На экранах возчик Ганимед - серая тусклая поверхность, испещренная темными кратерами. Полгода понадобилось им для того, чтобы добраться сюда. Бессмысленно потраченное время.

- Пора выбирать место для посадки, - сказал Понселет.

Башня навигации сверкала. Посадочное поле казалось выложенным из белоснежной пастилы. Посадка происходила автоматически, люди были только наблюдателями.

- Качает, как в колыбели, - произнес Понселет, поправляя растрепавшиеся волосы.

- Ты никогда не рассказывал, что тебя качали в колыбели, - задумчиво сказала Татьяна.

- Разумеется, у меня никогда не было колыбели. Это просто метафора.

- Хорошая метафора. Ты никогда раньше не садился на Ганимед. Это похоже на рождение.

Шаттл коснулся поверхности, покатился вперед по инерции и остановился. Сдал назад, повернул, потом проехал вперед и снова повернул. Татьяна и Понселет расстегнули ремни, прижимавшие их к креслам. Понселет, вытягивая шею, выглянул в иллюминатор. Снаружи было темно.

- Что случилось? - он тряхнул головой. - «Дестини», прием! У нас проблемы. Мы не понимаем, где находимся и почему все еще движемся. Мы можем остановить шаттл и выйти из него?

- Подождите, мы работаем над этим, - раздался в наушниках голос Джейн.

- Я пока попытаюсь вызвать комплекс на связь, - Татьяна забарабанила по клавишам. - Ага, кажется, что-то есть.

Монитор засветился, и приятный баритон произнес:

- С вами говорит Микрофакт-Мастер-Программа ММ-2200. Приветствую вас на Ганимеде!

Звук шел из динамика, расположенного на пульте шаттла.

- Для обеспечения оптимального режима коммуникации с системой Программа предоставляет вам голографического гида. Пожалуйста, выберите любую личность из земной истории.

- Колумб, - произнес Понселет.

В ту же секунду воздух в рубке шаттла начал слабо светиться, и еще через мгновение появилась голограмма. Полупрозрачный мужчина в старомодном костюме завис над панелями управления.

- Он совсем не похож на Колумба, - сердито сказал француз.

- Для оптимизации создания образа Микрофакт-Мастер-Программа проанализировала все изображения исторического персонажа, хранящиеся в ее базах данных, и объединила их, - ответила голограмма.

В ее глубоком мужском голосе звучали тем не менее материнские интонации, и Татьяна ощутила неожиданную симпатию и доверие. Голос напоминал ей о чем-то милом и бесконечно родном, но она никак не могла понять о чем.

- Программа желает вам приятного путешествия по Ганимеду. Пожалуйста, выберите мелодию, которой она сможет вас приветствовать.

- «Слезы неба» Клэптона, - произнесла женщина.

Из динамиков послышался гитарный перебор и зазвучал голос Клэптона, нежный и грустный: «Would you know my na-e-a-m.... if I saw you in heaven...»⁶.

Между тем шаттл продолжал движение.

- Что это значит?! - не выдержал Понселет. - Почему мы куда-то едем? Когда мы сможем выйти?

- Для гарантии вашей безопасности вы покинете шаттл только после того, как мы поместим его в ангар, - отозвался Колумб.

- Как долго нам еще ждать?

- Поездка продлится семь минут и двадцать секунд.

Понселет взглянул на Татьяну.

- Мы не сможем провести церемонию с флагом в ангаре.

- Почему, собственно?

- Как это будет выглядеть, представляешь? Все скажут, что съемки происходили на Земле и мы даже не потрудились сделать обстановку правдоподобной! Помнишь, как обвиняли американцев в фальсификации высадки на Луну? Некоторых любителей конспирологических теорий до сих пор не удалось переубедить. Нам нужны поверхность Ганимеда и звездное небо, иначе мы пропали!

- Ну что ж, проведем церемонию перед ангаром. Объясним роботам, что нам нужно по-быстрому воткнуть флаг в грунт. Ты снимешь меня так, чтобы постройки не попали в кадр. Успокойся, Понс! Все будет хорошо, вот увидишь.

- Прошу вас следовать за мной, - произнес Колумб, едва люди

⁶ * «Вспомнишь ли ты имя мое, когда я увижу тебя на небесах...»

выбрались из шаттла.

- А мы не могли бы ненадолго выйти из ангара? - вежливо поинтересовался Понселет. - Дело в том, что нам нужно провести некое... мероприятие... Ритуал. На открытом пространстве.

Таня молча стояла рядом, держа флаг в руке.

- Для обеспечения вашего оптимального передвижения по поверхности вы должны придерживаться указанного маршрута. Пожалуйста, не выходите из зоны, ограниченной желтой линией.

- Проклятье! Это уже слишком! Мы должны подчиняться роботам и слушаться голограмму?! - воскликнул Понселет. - Ни за что на свете! Пошли, Татьяна!

Француз схватил свою спутницу за руку, вернее за перчатку скафандра, и потащил ее к выходу. Он пытался бежать, но в низком поле гравитации Ганимеда у него получались только длинные медленные прыжки, словно он передвигался на невидимых лыжах. Татьяна тоже прыгала, опираясь о флаг, как о шест. Колумб двигался за ними, паря над полом ангара, словно привидение, и заунывно бубнил: «Пожалуйста, не выходите из зоны, ограниченной желтой линией. Пожалуйста, не выходите из зоны, ограниченной желтой линией. Пожалуйста...».

Наконец астронавты добрались до шлюза. Колумб не помешал им выйти на поверхность, только его голос стал на тон выше и зазвучал взволнованно.

Выйдя из дверей шлюза, француз остановился. Дорогу им преграждал большой кратер, не менее двухсот метров в диаметре - вероятно, последствие удара астероида. Он казался гигантской порой на серой коже Ганимеда.

- Ничего себе, - присвистнул Понселет.

Татьяна присела на корточки и заглянула в темную дыру. Ее поразило, что стены кратера строго вертикальны. И цвет... какой-то... линияло-серый. Приглядевшись, она обнаружила, что стенка кратера испещрена отверстиями, как будто здесь рыли норы неизвестные науке ганимедские ласточки.

«Это ходы, - подумала Татьяна. - Интересно, куда они ведут и какой длины? И сколько же их здесь? Сотня? Или больше?»

Из этих отверстий выныривали сверкающие отполированными телами роботы, быстро проносились по краю кратера или пролетали над его жерлом и снова скрывались в толще породы. Они сновали туда-сюда, как те самые ласточки-береговушки. Татьяна заметила, что диаметр каждого отверстия в точности соответствовал диаметру машины, которая им пользовалась. Их движение становилось все более оживленным, траектории пересекались под все более острыми углами; казалось, еще немного, и какая-нибудь пара машин столкнется и упадет в кратер. Но ничего подобного не происходило.

Понселет, а за ним и Татьяна подняли глаза вверх. «Какая глубина! - невольно подумала женщина. - Какая бесконечная глубина!» В звездное небо был опрокинут черный конус. На его корпусе играли блики огней мечущихся в кратере машин, на поверхности Ганимеда веером лежали тени.

- Неужели это... - начал Понселет.

- Башня, - закончила Татьяна. - Центр, из которого поступают приказы всем системам. Интересно, как она обеспечивает себя энергией? Наверное, для этого служат автоматы в кратере: они каким-то образом расщепляют материю и передают полученную энергию башне. Впрочем, мы можем спросить у Колумба. Он должен располагать более точной информацией.

- Мы не сумеем двинуться вперед, - пробормотал растерянно Понс. - До края не больше двух метров.

- Да, - согласилась Татьяна. - А мне почему-то совсем не хочется измерять глубину кратера в свободном падении. Такое впечатление, что если он и не доходит до центра Ганимеда, то совсем немного.

- Пожалуйста, не выходите из зоны, ограниченной желтой линией! - Колумб, витавший вокруг космонавтов, уже почти визжал.

- «Дестини», вы видите это? - Понселет не обращал внимания на крики голограммы. - «Дестини», вы слышите меня? Вы можете объяснить происходящее?

Ответа не последовало.

- Пожалуйста, не выходите из зоны, ограниченной желтой линией! - надрывался Колумб.

Татьяна осторожно взяла француза за локоть,

- Пойдем, Понс. Он просто заботится о нашей безопасности. Давай не будем вести себя, как непослушные дети. Если мы попадем в историю, никто не сумеет нам помочь. Нужно соблюдать осторожность.

Кабина лифта, в которой стояли астронавты, поехала вниз и через некоторое время остановилась. Двери открылись. Понселет и Татьяна увидели коридор с низким потолком. Впереди замерцала голограмма - Колумб не покидал путешественников.

- Куда мы идем? - спросил Понс.

- Для обеспечения вашей оптимальной жизнедеятельности Микрофакт-Мастер-Программа подготовила для вас среду обитания, - ответила голограмма.

Шлюз закрылся за ними.

- Эта среда соответствует вашим оптимальным параметрам жизнедеятельности, - сообщил Колумб.

- Ничего не понял. Что чему и зачем соответствует?

- Он говорит, что мы можем снять шлемы, - догадалась Татьяна.

Они откинули щитки. Воздух был свежим и теплым - около двадцати

градусов по Цельсию, температура комфорта. Отведенное им помещение обстановкой напоминало каюту на «Дестини», только вдвое превосходило ее размерами. Татьяна поставила флаг у стены, освободилась от скафандра и упала на койку. Понселет подошел к пульта управления, который занимал один из углов.

- Таня, это невероятно! - воскликнул он секунду спустя. - Ты просто не поверишь!

- Что случилось? - поинтересовалась она.

- Тут все построено с размахом. Можно разместить целую армию и обеспечить ее кислородом и продуктами. Это великолепная база. Заселяйся хоть завтра... Но зачем это нужно? Мы никогда не собирались строить исследовательскую базу на Ганимеде, автоматы отлично справлялись без нас. Во всяком случае, я не слышал о подобных планах.

- Для обеспечения вашего оптимального функционирования выберите желаемый формат, - предложил Колумб.

- Что ты имеешь в виду? - удивилась Татьяна. - Пожалуйста, объясни.

- Микрофакт-Мастер-Программа способна предоставить вам все возможности для оптимального функционирования согласно вашим желаниям. Вы можете сохранить текущий формат, а можете интегрировать себя в систему. Пожалуйста, выберите желаемый формат.

Таня нахмурилась, но не сказала ни слова. Между ее бровями залегла глубокая морщина, губы сжались, но лицо оставалось спокойным. Зато Понселет нашел слова возражения.

- Послушай, дружок, - сказал он с нервным смешком. - Мы не собираемся выбирать никакой формат, что бы это ни означало. Здесь очень мило, и ты произвел на нас впечатление, но сейчас мы хотим выйти на поверхность и выполнить задание нашего руководства. Сделать то, что должны. Пожалуйста, проводи нас на поверхность.

- Для обеспечения вашей оптимальной безопасности вы не должны подниматься на поверхность, - возразил Колумб тоном строгого воспитателя.

- Что это значит? Ты запрещаешь нам?

- Для обеспечения вашей оптимальной жизнедеятельности вы должны оставаться в искусственной среде, подготовленной для вас Микрофакт-Мастер-Программой, - пояснила голограмма.

- То есть... мы пленники? Пленники этой проклятой Микрофакт-Программы? Как тебе это нравится, Татьяна?

Таня не ответила. Она глубоко задумалась и, вероятно, не слышала слов коллеги. Понселет схватил шлем и активировал рацию.

- «Дестини»! «Дестини»! Прием! У нас проблема! Сумасшедшая голограмма взяла нас в плен! «Дестини», ответьте!

Но в наушниках раздавался только шум помех.

- «Дестини»! Проклятье! «Дестини»! Вы слышите меня! Что случилось? Почему нет связи?

- Для обеспечения вашего оптимального функционирования Микрофакт-Мастер-Программа прервала связь между вами и кораблем, - бесстрастно сообщил Колумб.

- Да кто ей позволил? - задохнулся от возмущения Понселет. Но внезапно перевел дыхание и улыбнулся: - Ты обманываешь нас, ведь так, дружок? Связь с кораблем осуществляется через шаттл. Вы просто не могли разорвать ее!

- Для обеспечения вашего оптимального исследования Ганимеда Микрофакт-Мастер-Программа интегрировала шаттл в систему, - пояснила голограмма.

Понселет побагровел, скрипнул зубами, но сдержал гнев. Он снова взглянул на Татьяну в надежде на поддержку. Но она оставалась безучастной. Глаза, серые, как поверхность Ганимеда, смотрели прямо перед собой. Казалось, она забыла о существовании Понселета и Колумба.

Француз заговорил подчеркнуто вежливо:

- Хорошо, очень хорошо. Я думаю, мы можем договориться. Мы совсем не хотим мешать исследованиям Ганимеда. И полностью удовлетворены увиденным. Что если мы сейчас наденем шлемы и покинем станцию? Наш корабль может прислать за нами новый шаттл, и мы больше вас не побеспокоим. Ну, что ты на это скажешь?

- Пожалуйста, выберите желаемый формат для обеспечения вашего оптимального функционирования, - ответил Колумб.

Они беспрепятственно дошли до шлюза. Но не дальше. Открыть двери оказалось невозможно. Те были совершенно гладкие - ни ручки, ни кнопки, ни пульта управления. Понселет в раздражении стукнул по двери кулаком и несколько раз пнул ее.

- Не надо, Понс, - попросила Татьяна. - Это бессмысленно. Здесь все взаимосвязано. Если автомату нужно пройти внутрь, центральный процессор открывает двери. А мы не являемся частью системы, и поэтому она равнодушна к нашим желаниям.

Понселет снова пнул дверь.

- Мы здесь, как в клетке. Это неслыханно! Они нас поймали!

Татьяна покачала головой.

- Нет, ты не прав. Здесь нет злого умысла, нет охотника и жертвы. Мы просто не входим в систему. Центральный процессор разработал оптимальную программу исследования Ганимеда и оптимальную программу обеспечения нашей безопасности. Для того чтобы мы никому не мешали и нам ничто не угрожало, он поместил нас в изоляцию. Очевидно, с его точки зрения, это оптимальное решение.

- Проклятый Колумб!

- Не Колумб, Понс. Колумб - только посредник. Решения принимает Микрофакт-Мастер-Программа.

- Проклятая программа! Если бы я мог, то выдернул бы штекер к чертовой матери!

- Это бы нам не помогло. Процессор наверняка распределил управление по периферийным устройствам.

- Этого еще не хватало! Как такое могло случиться?

- Ты помнишь сбои программного обеспечения на нашем корабле?

- Разумеется.

- А слышал, как Джейн объясняла причины?

- Кажется, вирус?

- Да, точно. Мы подхватили его еще до старта, и в урочный час он активизировался. По тому же принципу, говорила Джейн, работает и эта система. Башня только осуществляет координацию всех автоматов, сами по себе роботы достаточно автономны, они имеют представление о целях всей программы и могут сами определять ближайшие задачи.

- И этот процессор сам пишет для них программное обеспечение?

- Да, он сам засылает в подвластные ему автоматы тест-программу как вирус и дает ему распространяться по общей сети. - Татьяна загнула большой палец. - Это первый шаг. Потом он собирает информацию и анализирует ее - второй шаг. - Она загнула указательный палец. - Затем рассылает всем автоматам патчи. - Средний палец. - Собирает новую информацию. - Четвертый палец. - И снова рассылает патчи. - Мизинец. - И так далее, сколько угодно циклов. - Она покрутила в воздухе кулаком. - Система постоянно обновляется и совершенствуется. Конечно, если бы ты каким-то чудом вырубил центр, процесс оптимизации, возможно, прервался бы. Но, может быть, и нет. Мы же не знаем, до какой степени уже развились периферийные устройства, насколько они сложны. Может, они смогут сообща выполнять функции центра.

- А меня гораздо больше беспокоит, что мы не знаем, как попасть в шаттл и связаться с кораблем. У тебя есть идеи на этот счет?

- Никаких.

- Подожди! Если бы мы попали в башню, смогли бы оттуда послать сигнал на «Дестини»?

- Теоретически это возможно, но не думаю, что нашей квалификации хватит. Здесь нет программного обеспечения, рассчитанного на обычных пользователей. Думаю, процессор общается с роботами в кодах. Джейн могла бы, наверное, разобраться - это ее вотчина. Хотела бы я, чтобы она оказалась на моем месте!

Понселет покачал головой, а затем, развернувшись, направил палец на Колумба.

- Эй ты, там! Нам нужны доступ в башню и свободный терминал!

- Для обеспечения вашей оптимальной безопасности, а также для беспрепятственной работы системы вы не должны покидать предназначенное вам пространство, пока не выберете формат функционирования, - меланхолично сообщила голограмма. - Пожалуйста, выберите желаемый формат.

Татьяна вернулась в жилое помещение и легла на койку. Понселет остался стоять у дверей шлюза и смотрел на них с такой яростью, словно мог их открыть, а еще лучше - испепелить взглядом.

- Как ты думаешь, - начал он, - если мы прорвемся через шлюз, сколько машин встретим снаружи?

- Думаю, очень много, - мягко ответила Татьяна.

- Но откуда их столько взялось? Машин больше, чем миссий?

- Можем спросить у Колумба, - предложила женщина.

Понселет нахмурился и с неудовольствием посмотрел на голограмму, висевшую в двух шагах от него.

- Эй ты, прозрачный! - начал он. - Откуда у вас столько машин?

- С момента начала функционирования система приняла еще четыре шаттла, не считая того, на котором прилетели вы, - ответил Колумб. - Все четыре шаттла успешно интегрированы. Два существа успешно интегрированы. Одно существо интегрировано частично. Одно - изолировано.

- Что еще за существа? - настороженно спросил Понселет.

- Существа, с которыми Микрофакт-Мастер-Программа установила межзвездную связь.

Понселет побледнел.

- Инопланетяне? Татьяна, слышишь? Он говорит, что они установили контакт с инопланетянами! С четырьмя цивилизациями! И на Земле об этом до сих пор не знают? Почему? Вы скрываете информацию?

- Микрофакт-Мастер-Программа располагает информацией о четырех инопланетных видах, - любезно поведал ему Колумб.

Понселет застонал и, вернувшись в каюту, упал на стул, закрыв лицо руками. Потом, облокотившись о стол, долго сидел неподвижно, водя пальцем по покрытому пятнами пластику, словно это его успокаивало.

- Нет, это невыносимо! - наконец сказал он. - Ты можешь поверить в подобное, Татьяна? Заговор роботов против человечества! Я словно в плохом фантастическом романе!

- Не думаю, что это заговор, - медленно произнесла Татьяна. - Зачем им лгать нам? Все получилось само собой. Очевидно, эти цивилизации обнаружили станцию и сами пошли на контакт. При наличии подпространственных двигателей межзвездные расстояния становятся преодолимы за сравнительно небольшие сроки. По крайней мере, если верить Джейн. Но мы не предусмотрели такой возможности и не прописали соответствующие протоколы. И теперь система просто не

знает, что должна оповестить человечество о долгожданной встрече. Но почему они обнаружили Ганимед и не обнаружили Землю? Как ты думаешь, Колумб, почему они вступили в контакт с вами, а не с нами?

- Микрофакт-Мастер-Программа представляет собой высокоорганизованную систему, функционирующую в оптимальном режиме.

- Точно! Земля, по сравнению с Ганимедом, должна была показаться инопланетянам царством хаоса. Наверняка они сочли ее периферийной планетой, а Ганимед - управляющим центром. Но почему программа не сообщила на Землю о контакте?

- Для обеспечения оптимального функционирования информационных потоков и необходимой защиты информации Микрофакт-Мастер-Программа актуализирует протоколы только по мере постановки задач. Данный протокол был актуализирован только один раз - в настоящий момент.

- То есть когда прилетели мы?.. Все понятно, Понс. Руководство не хотело, чтобы информация просочилась в открытый доступ. Система должна была докладывать нам. Что она и сделала, как только ты задал вопрос.

- Но как же мы поступим? Мы не, можем этого так оставить! Мы должны выбраться отсюда! Не понимаю, почему ты так спокойна. Как будто тебя все это не касается!

- Просто у меня нет выбора, Понс. И я это сознаю.

И пока француз пытался придумать какой-нибудь хитроумный план побега, она задала Колумбу еще один вопрос. И тот ответил:

- Для обеспечения вашего оптимального функционирования Микрофакт-Мастер-Программа произвела все необходимые приготовления к процессу интеграции. Прошу вас следовать за мной в башню.

Несколько часов спустя она вернулась. Понселет все еще сидел за столом и водил пальцем по пятнам на пластике, словно пытался стереть их. Когда он окликнул женщину по имени, она покачала головой:

- Я уже не та Татьяна, которую ты знал. Я все еще человек, но одновременно и часть общей системы. Я подключена к единому информационному бассейну. Благодаря моим знаниям Микрофакт-Мастер-Программа может исследовать Ганимед с большей эффективностью. Оптимизация проведена.

Она выглядела по-прежнему: пепельные волосы, лицо с тонкими чертами, серые глаза цвета пыли Ганимеда. Понселет не смог разглядеть на ее теле имплантатов или каких-нибудь устройств для подключения. Он спросил ее, почему она сделала такой выбор.

- Мой муж умер, и мне незачем возвращаться на Землю, - ответила Татьяна. - Голос Колумба напоминает мне его голос. Случайно это или

нарочно, я не знаю, да это и не важно. Машины отняли у меня моего мужа, и я имею право получить возмещение - шанс на новую жизнь, шанс узнать и испытать нечто большее.

И она рассказала Понселету все, что узнала. О Ганимеде, об инопланетных видах, с которыми Микрофакт-Мастер-Программа установила контакт, о том, как функционирует единый информационный бассейн, о работе центрального процессора. И потом она снова спросила, сделал ли он выбор. Ее голос звучал холодно и равнодушно, словно она была офицером и читала инструкцию новобранцу.

И Понселет ответил:

- Нет. Никогда. Не спрашивай меня больше.

Она согласилась.

У него было все, что необходимо для жизни, и почти ничего, что скрашивало бы эту жизнь. Еда не имела вкуса. Серая кашицеобразная масса содержала нужное число калорий, белки, жиры, углеводы, витамины и микроэлементы. Она насыщала и поддерживала силы, но не доставляла удовольствия. У него также было сколько угодно чистой и безвкусной воды и чистого воздуха. Единственным украшением каюты оказался флаг. Понселет повесил его над койкой.

Он не знал, что случилось с «Дестини»: Татьяна отказывалась отвечать на этот вопрос. И поскольку она не призналась, что корабль и команда были уничтожены, он все еще надеялся на спасение.

«Я на необитаемом острове, - говорил он. - Я колонист. И люди сюда еще придут. Обязательно придут!»

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Thomas Wawerka. Wir konnten kolumbus fragen. 2008. Печатается с разрешения автора.

ЭРИК ДЖЕЙМС СТОУН

ЭТОТ ЛЕВИАФАН, КОТОРОГО ТЫ СОТВОРИЛ...

Иллюстрация Майи КУРХУЛИ

Центральная станция плавала в плазменном водороде солнечного ядра, почти в 650 000 километров от поверхности нашего светила, защищенная лишь тонкой оболочкой энергетического поля, но не из-за этого моя ладонь оставляла потные следы на пластике кафедры мультikonфессиональной часовни. Мормон по рождению, я читал проповеди в церкви еще подростком, так что выступления перед публикой не нервировали меня: Однако на этот раз часть слушателей не являлась людьми - и такое было у меня впервые в жизни.

В приходе Центральная солнечная станция Церкви Иисуса Христа Святых последних дней было всего лишь шестеро прихожан-людей, включая меня и двух миссионеров, а вот свалов - сорок шесть. Существа из плазмы - свалы - естественно, не могли присутствовать на службе в часовне, но трехметровый широкоформатный экран, занимавший почти всю заднюю стену, показывал их магнитные силовые линии в псевдоцветах: сине-красные сплетения на фоне желтого, которые отображали внутреннее пространство Солнца. Экран не позволял судить о размерах свалов, но даже самый маленький из них (около шестидесяти метров) почти вдвое превосходил по длине синего кита. Как я слышал, самая крупная представительница свалов-мормонов, сестра Эмма, достигала едва ли не ста пятидесяти метров,

однако она и рядом не стояла с сорокакилометровым свалом.

- Мои возлюбленные братья и сестры... - начал я по привычке и тут же в замешательстве осекся. Традиционное приветствие к прихожанам-свалам не подходило, поскольку у них три пола. - И бесполое, - добавил я, понадеявшись, что моя заминка при трансляции прошла незамеченной. Было бы сущей катастрофой, если бы я в своей первой же проповеди в качестве настоятеля отверг треть населения свалов.

Через несколько минут после начала проповеди, темой которой было всепрощение, в моей речи снова возникла заминка, поскольку в проходе между рядами появилась женщина в коже-костюме. Последний писк моды, а не обычный станционный: с активной раскраской, изображавшей густые облака, плывущие через небеса на ее груди, и волны, плещущиеся о песчаный берег на бедрах. Она уселась во втором ряду и устремила на меня взор своих темно-карих глаз. Кольца на ее пальце я не заметил.

Я с трудом оторвал от нее взгляд и сосредоточился на записях по проповеди. Пытаясь отыскать то место, на котором прервался, я все же не мог не думать: возможно, она была ответом на мои молитвы. Единственной человеческой женщиной, числившейся в учетных записях моего прихода, была шестидесятичетырехлетняя особа. А в ближайших ста пятидесяти миллионах километров во всех направлениях незамужней женщины из мормонов не значилось, что накладывало весьма прискорбные ограничения на мои поиски потенциальных невест.

Может, эта женщина исповедовала мормонскую веру, но еще не состояла на учете, потому что, как и я, прибыла на Центральную солнечную совсем недавно. Увы, это представлялось маловероятным, ибо прихожанин наверняка оделся бы в церковь более подобающе. А может, она не была мормоном, но подумывала о принятии нашего Закона.

Только благодаря волевому усилию мне удалось сконцентрироваться на проповеди. Вполне достаточно, чтобы связно закончить. После заключительного гимна и молитвы я поправил галстук и сошел с трибуны, дабы предстать перед вновь прибывшей.

- Здравствуйте, - поздоровался я и протянул руку. - Меня зовут Гарри Малан. - Я уловил запах ее духов, отдававших клубникой.

Ее ладонь была сухой и прохладной, и я пожалел, что предварительно не вытер свою о костюм.

- Доктор Хуанита Мерсед, - представилась она. - Вы новый глава этой конгрегации?

Я почувствовал укол разочарования. Мормон спросил бы, являюсь ли я главой прихода.

- Да. Могу вам чем-нибудь помочь?

- Можете. Перестаньте вмешиваться в мои исследования. - Тон ее

был безразличным, но смотрела она вызывающе.

- Извините, боюсь, я понятия не имею, кто вы такая и каким вашим исследованиям я мог бы помешать.

- Я солсетолог. - Вид у меня, наверное, был озадаченным, ибо она добавила: - Я изучаю свалов.

- Ох. - Я знал о существовании ученых, противящихся тому, что, по их мнению, является вмешательством в культуру свалов, но полагал, что после предоставления законного права на обращение этих созданий два года назад всякие противоречия были сняты. Получается, я ошибался. - Мне очень жаль, доктор Мерсед, что вы считаете, будто ваши исследования поставлены под угрозу... но свалы - разумные существа со свободной волей, и я убежден, что у них есть право выбора религии.

- Вы нарушаете равновесие культуры, которая существовала дольше человеческой цивилизации, - объявила она, повысив голос. - Они путешествовали меж звезд по меньшей мере за сто тысяч лет до рождения Христа. А вы навязываете им человеческие мифы.

К нам подошли два миссионера - аккуратные юноши в темных костюмах при галстуках.

- Есть проблемы? - спросил старейшина Бекворт.

- Нет, - успокоил я его. - Доктор Мерсед, вы, конечно, вольны сообщить свалам, что наше учение ложно. Но свалы, которые приобщились к Церкви мормонов, поступили так потому, что принимают это учение, и я прошу вас уважать их выбор.

Она сверкнула на меня своими прекрасными глазами:

- Вы хотите сказать, что я их не уважаю? Но это ведь не я говорю им, что они погрязшие во грехе твари, которым для спасения нужен человек.

- Не собираюсь вступать с вами в спор, - парировал я. - И сейчас у нас начнутся занятия в воскресной школе, так что, боюсь, вынужден попросить вас покинуть помещение.

Она развернулась и вышла. Я смотрел ей вслед, не в силах отрицать, что мое тело желает ее, несмотря на все наши разногласия. Более того, меня всегда привлекал ум, и теперь я только сожалел, что эта женщина противостоит мне в интеллектуальном плане.

Да, к потенциальным невестам ее не отнесешь. Впрочем, я сомневался, что сей факт ее бы расстроил.

Старейшина Бекворт вел занятие класса воскресной школы, на этот раз темой было целомудрие. И я почувствовал себя весьма неудобно, когда он заговорил об учении Христа, что «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Поскольку служение в мормонстве безвозмездно и добровольно, мое президентство над приходом было результатом отправки на

Центральную Солнечную, а вовсе не причиной для него. Работал же я распорядителем фондов «Сити-Америка», и когда необходимо было действовать, сообразуясь с сигналами из других звездных систем, полученными через межзвездный портал в центре Солнца, то мое местопребывание давало преимущество перед другими распорядителями, находившимися на Земле, в целых восемь с половиной минут.

Насколько я понял, энергетические затраты на открытие портала столь неимоверно высоки, что подобное можно осуществить только внутри звезды. И хотя свалы создавали порталы столь долго, что, кажется, совсем позабыли, с какой же звезды они родом, Центральная Солнечная станция служила звеном межзвездной связи человеческой цивилизации, и пребывание на ней очень увлекало меня, порой заставляя забыть о весьма ограниченных возможностях обзавестись здесь семьей.

В понедельник после первой службы в церкви, когда я как раз изучал арбитражную сделку касательно перевозок из двух систем-колоний, раздался вызов по станционной связи.

- Гарри Малан, - ответил я.

- Президент Малан? - послышалось мелодичное контральто. - Это беспол Кимбалл из прихода. - Поскольку реальные имена свалов - это серии магнитных импульсов, при взаимодействии с нами они назывались человеческими именами. Приняв веру, мормоны-свалы зачастую подбирали себе имена из нашей истории. Беспол Кимбалл, очевидно, назвался в честь пророка Церкви двадцатого века^{*7}.

- Чем могу помочь, беспол Кимбалл?

После паузы, затянувшейся на несколько секунд, Кимбалл отозвался:

- Я хочу исповедаться во грехе.

С самого принятия президентства над приходом этого-то я как раз и страшился более всего: принимать на себя ответственность во вспоможении членам Церкви, кающимся в грехах. Исповедаться духовному наставнику необходимо только в серьезных проступках, так что я внутренне собрался и произнес скорую молитву о ниспослании наития при разговоре с бесполом Кимбаллом. Откинувшись во вращающемся кресле, я произнес:

- Продолжай, я слушаю.

- Самка слила свои репродуктивные комбинации с моими. - Хотя свалам и удалось научиться синтезировать и передавать человеческую речь, их понимание терминологии и грамматики не всегда согласовывалось с эмоциональной окраской. Зачастую интонации

⁷ * *Спенсер Вулли Кимбалл (1895-1985) - двенадцатый президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. (Здесь и далее прим. перев.)*

были одними и теми же, вне зависимости от темы.

Я подождал, но беспол Кимбалл не стал вдаваться в подробности.

Свалам для воспроизводства необходимы трое: самец, самка и беспол. Беспол служит лишь посредником, и в отличие от самца и самки его репродуктивные комбинации не передаются потомству. Относительно применения закона целомудрия к свалам учение Церкви гласит, что репродуктивная деятельность допустима только между состоящими в браке свалами, каковой должен представлять тройственный союз - по одному каждого пола.

- Ты не состоишь в браке с самкой, не так ли?

- Нет, не состою.

- Только ты и самка? Без самца?

- Да и да.

Согласно моим довольно скудным познаниям в биологии свалов, подобный акт окончиться воспроизводством не мог. Но ведь люди с легкостью совершают сексуальное грехопадение, совершенно не затрагивающее возможности воспроизводства, и я решил, что передо мной подобный случай.

- Почему ты это сделал? - спросил я.

- Она сделала это со мной.

- Она сделала с тобой? То есть заставила тебя? Без твоего согласия?

- Да, да и да.

- Тогда это не грех, - объявил я, испытывая одновременно ужас от совершенного изнасилования и облегчение, что беспол Кимбалл чист. - Если кто-то принудил тебя к половому акту, ты не виноват. Тебе не в чем каяться.

- Ты уверен?

- Абсолютно, - успокоил я его. - Тебе, быть может, следует сообщить властям о свале, которая совершила с тобой это, и она больше ни с кем не сделает подобного.

- Почему не сделает?

- Потому что ее накажут.

- Это человеческий закон, - объявил беспол.

Я был ошеломлен.

- Ты хочешь сказать, что это не закон свалов?

- У нас нет такого закона.

Цивилизация свалов старше самого существования человечества - и у них нет закона против изнасилования?

- Это ужасно, - только и сказал я. - Но самое главное все-таки то, что ты не совершил ничего дурного.

- Даже если я получил от этого удовольствие?

- Хм. - На какой-то миг я задался вопросом, почему служить сюда послали меня, а не какого-нибудь представителя высшей власти Церкви, сведущего в вероучении поболее моего. И у меня возникло

смутное подозрение, что сие было продиктовано тем, чтобы в случае моего провала Церковь могла с легкостью отречься от деяний неопытного священника. Свалы оказались единственными разумными инопланетянами, пока обнаруженными человечеством - да и сами они, судя по всему, никаких других тоже не знали, - и потому политика Церкви относительно нечеловеческих верующих пока не сформировалась.

Я отмахнулся от этих мыслей и сосредоточился на вопросе беспола Кимбалла.

- Чтобы совершить грех, у тебя должно было возникнуть намерение для этого. А если тебя к нему принудили, то, полагаю, не имеет значения, получал ты от этого удовольствие или нет.

После еще нескольких заверений беспол Кимбалл как будто убедился, что никакого греха не совершал, и закончил разговор.

Мне понадобилось еще несколько минут, чтобы отойти от стресса наставнической беседы. Но порыв к действиям во мне не остыл, и я отыскал телефонный номер доктора Мерсед.

* * *

Мы встретились в ее кабинете. Экран, схожий с тем, что стоял в часовне, показывал стада свалов, передвигавшихся в солнечных течениях.

Я уселся в кресло напротив ее стола, стараясь не таращиться на анимированные галактики, сталкивавшиеся на груди ее кожи-костюма.

- Спасибо, что пригласили меня, - поблагодарил я. - Вчера мы расстались не очень по-дружески.

Она пожала плечами:

- Я любопытна. Ваши предшественники даже не пытались меня отыскать. Чашечку кофе?

- Я не пью кофе.

- Чай? - Я увидел огонек в ее глазах и понял, что она просто издевается, предлагая мне напитки, которые, как она знала, запрещены моей религией.

- Нет, спасибо. Но если вы желаете сами, не стесняйтесь. Запреты Слова Мудрости касаются только членов Церкви.

Она взяла чашку кофе и отхлебнула большой глоток.

- М-м-м, как чудесно.

Я улыбнулся ей в ответ.

- Ладно, вообще-то, кофе здесь ужасный. Я пью его только из-за кофеина. Итак, что привело вас ко мне?

- Моего прихожанина изнасиловали, - объявил я.

У собеседницы округлились глаза:

- Что? Подождите-ка, вы ведь не имеете в виду свала?

- Именно его я имею в виду.

- У них нет понятия изнасилования, - возразила она.

- Есть у них понятие или нет, но самка-свал вовлекла в половой акт одного из моих бесполов-прихожан без его согласия. Лично для меня это звучит как изнасилование или, по крайней мере, как сексуальное нападение.

Она снова глотнула кофе.

- Может, это звучит так для нас, но свалы - не люди. Их культура другая...

- От этого изнасилование не перестает быть таковым.

- ...и психология тоже. Скажите-ка мне, ваш прихожанин как-то пострадал, испытывал боль?

- Нет, но он боялся, что согрешил.

Она устремила на меня указующий перст.

- Вы сами виноваты, что научили его, будто сексуальное поведение греховно. Но психологически половой контакт между ними неизменно приносит удовольствие всем, кто в нем участвует. А поскольку воспроизводство может осуществиться только в том случае, если все трое занимаются сексом именно с этой целью, случайная связь никогда не приводит к беременности. Поэтому у них не возникло запретов, которые существуют у людей.

- Значит, если бы у нас, людей, не появились запреты относительно секса и если бы вы гарантированно не беременели, то не возражали бы против принуждения вас к оргазму?

Ей хватило стыдливости покраснеть.

- Я не о том! Я имею в виду, что вы не можете судить о поведении чужаков, основываясь на человеческих культурных нормах. В конце концов, даже вашей Церкви пришлось адаптировать свое учение, чтобы отразить различия. Не говоря уж о том, что при крещении свала вам вряд ли удастся окунуть его в воду.

- «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие», - процитировал я. - Свалы, как вы заметили, не люди. Так что здесь нет противоречия. Однако вы уклоняетесь от темы. Любой, будь то свал или человек, имеет право отрицать нежелаемый секс. И если свалы до сих пор не признали этого права, самое время донести это до них.

Она поднялась, обошла вокруг стола и встала перед экраном. Затем дала увеличение одного особо примечательного свала. Он был помечен как Левиафан (10-й класс), с указанием длины - 38 400 метров. Он в сотни раз превосходил бесполо Кимбалла и даже сестру Эмму.

- Свалы растут в течение всей жизни, - сообщила она, повернувшись ко мне. - Соотношение между размером и возрастом не совсем строгое, но в целом - чем свал больше, тем он старше. Самые древние

состарились еще до того, как мы построили египетские пирамиды. Все прихожане вашей церкви очень молоды, в своем обществе они практически не имеют влияния. Старцы вроде Левиафана весьма уважаемы. Вы что, действительно думаете, будто сможете убедить создание более древнее, нежели человеческая цивилизация, измениться только потому, что человек считает нечто дурным? Время вашей жизни для него - всего лишь миг, если бы у него были глаза, чтоб мигать.

Я унял в себе трепет перед размерами Левиафана.

- Может, вы и правы. Но я верую в Господа, который старше Вселенной и который создал и людей, и свалов. Я обязан попытаться.

Она развернулась и посмотрела мне в глаза. Я выдерживал ее взгляд, пока она со вздохом не сказала:

- Выстоять против решительного человека мне никогда не удавалось.

- Она подошла к столу, написала что-то на листке бумаги и протянула мне. Там оказался безымянный адрес с персональным кодом вызова.

- Польщен, - сказал я. - Не то чтобы я считал себя непривлекательным, но...

Она закатила глаза:

- Это личный адрес Левиафана.

Мое лицо залилось краской.

- Э-э, спасибо. Я поговорю с ним.

- С ней. Это самка. И не очень рассчитывайте на взаимопонимание.

Она вот уж два года как не утруждает себя разговорами с нами, но пока еще никто не пытался потолковать с ней о религии, так что...

- Я постараюсь, - и с этими словами поспешно ретировался, дабы в одиночестве оправиться от своего позора.

- И не вздумайте ее задеть, - бросила она мне вслед.

* * *

В ответ на мое электронное письмо касательно возникшей ситуации президенту миссии, находившемуся в колонии L5, но которому мой крохотный приход Церкви был подведомственен, пришел лишь короткий ответ: «Действуй по собственному усмотрению и следуй Духа Святого».

Потратив все свое свободное время на изучение свалов и их культуры, а также на подготовку доводов в защиту права мормонов-свалов распоряжаться собственными телами, я все же не чувствовал себя готовым к разговору с Левиафаном. Но испытывал острую потребность что-то сделать.

Усевшись за стол в своих апартаментах, я набрал адрес, которым снабдила меня доктор Мерсед, и принялся ждать соединения.

Раздалось несколько гудков, а затем на линии послышался синтетический бесполой голос: «Абонент, с которым вы пытаетесь связаться, временно недоступен. Пожалуйста, оставьте сообщение после...».

Не дожидаясь сигнала, я положил трубку. Я не был готов оставлять голосовое сообщение, хотя мне и следовало догадаться: обладание личным кодом вызова Левиафана еще не является гарантией, что она вообще ответит на мой звонок. Посему я потратил добрых десять минут и записал текст, который решил оставить ей на голосовой почте.

Наконец, удовлетворившись результатом, в котором твердо, но уважительно излагалась моя позиция, я снова набрал номер.

Через два гудка низкий голос ответил:

- Кто это?

Я даже вздрогнул, поскольку ожидал снова услышать голос автоответчика, и, запинаясь, выдавил из себя:

- Это президент Малан Церкви... прихода Центральная Солнечная станция Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Доктор Мерсед дала мне этот адрес, чтобы я поговорил об одном из своих... о прихожанине-свале. - Низкий голос не особенно походил на женский, и потому я неуверенно добавил: - Вы Левиафан?

- Религия меня не интересует, - ее голосовой синтезатор был достаточно хорош, чтобы я уловил в ее тоне презрение.

- А права свалов в целом вас интересуют? - не сдавался я.

- Нет. Меньшие меня не заботят.

Я почувствовал, что все мои тщательно отточенные доводы разом рушатся. Да как я вообще мог помыслить о том, чтобы связаться с существом, которого совершенно не волнуют права меньших представителей ее же собственного вида?

Даже не продумав ответ, я брякнул:

- А большие вас заботят?

Несколько долгих секунд я думал, что обидел ее и она попросту прервала связь. Доктору Мерсед это не понравится.

Когда же ее глас зазвучал вновь, это был гром из динамика:

- Кто больше меня?

Подобный оборот не входил в мои планы, но, по крайней мере, она все еще разговаривала. Быть может, если мне удастся довести до ее сознания, что ей не понравилось бы, окажись она в роли унижаемого свалами покрупнее, то я сумею убедить ее и в необходимости с уважением относиться к правам меньших свалов.

- Насколько я понимаю, свалы с возрастом увеличиваются, - начал я. - Разве ваши родители не больше вас?

- У меня нет родителей. Нет никого старше меня, больше меня, величественнее меня. Я - источник, из которого появились остальные.

Пораженный, я несколько секунд не мог вымолвить ни слова. Наконец,

выдавил из себя:

- Вы первоначальный свал? - Поскольку они, кажется, не умирали от старости, это могло оказаться правдой.

- Я первоначальная жизнь. Я была, прежде чем появилась жизнь на всех планетах. После вечности одиночества я переродилась в свала и потом дала жизнь остальным. Где был твой бог, когда я создавала их?

Мне пришел на ум стих из книги Иова: «Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь».

Даже после всех своих исследований я оказался в тупике. Теории эволюции свалов большей частью сводились к тому, что они произошли от простых плазменных существ на другой звезде, поскольку на Солнце никаких иных форм обнаружено не было. Однако, если сказанное Левиафаном было правдой, то таковых и не существовало - она эволюционировала в одиночестве.

Это выше моего понимания, и я потряс головой, чтобы прояснить мысли. Все это не относилось к делу.

- Дело в том, что беспол... - Я осекся, едва не нарушив конфиденциальность. - Один из моих свалов-прихожан верует в Бога, запрещающего половую активность вне брака. Большие свалы не в праве принуждать меньших к сексу. Я обращаюсь к вам как к первому и величайшему свалу: запретите своему народу принудительные половые акты.

Потекли секунды молчания.

* * *

- Явитесь ко мне, - сказала она, - ты и твой свал-прихожанин.

Связь прервалась.

- «Явитесь ко мне?» - недоверчиво переспросила доктор Мерсед.

- Это звучало как приказ, - объяснял я, расположившись в кресле перед ее столом. - Полагаю, для свалов это довольно просто, но вот у меня доступа к солнечному шаттлу нет. - А у солсетологов он был, и я надеялся, что смогу уговорить ее на поездку.

- Новичкам везет, - раздраженно сказала Мерсед. - Я здесь уже пять лет, и мне еще ни разу не выдалась возможность увидеть вблизи свала десятого класса. - Она вздохнула. - Не то, конечно, чтобы мы могли видеть их воочию, но что-то все-таки есть в непосредственной близости по сравнению с принятием данных с расстояния.

- Ну вот, это как раз ваш шанс. Отвезите меня к Левиафану.

- Это не так-то просто. Наш разведочный шаттл расписан по проектам на месяцы вперед.

- Ох. - Вот тебе и идея. Откуда мне было знать...

- Левиафан пояснила, почему она хочет вас видеть?

- Нет, только велела прийти и отключилась.

Мерсед поджала губы, а потом сказала:

- Это очень необычно. Вообще-то, все, что Левиафан хочет сказать при личной встрече, она вполне могла бы сообщить и по связи.

- Я думал об этом и решил, что дело в ее размерах. Может, она думает, что если мой прихожанин увидит, как я мал по сравнению с Левиафаном, то отречется от мормонства.

- А что, теория неплохая. - Во взгляде доктора явно появилось уважение. - Для них размер имеет значение. А ваши прихожане - самые молодые и слабые, и поэтому весьма вероятно, что они благоговейно подчинятся Левиафану.

- Да, она самая большая.

Доктор Мерсед резко подалась вперед:

- Она вам это сказала?

- Да. К тому же она заявила, что является не только первоначальным свалом, но и первоначальной плазменной формой жизни. И стала свалом по собственному желанию.

Доктор Мерсед потрясенно помянула имя Господа всуе. Потом потянулась к коммуникатору и принялась ожесточенно набивать адрес. Когда ей ответили, она сказала:

- Таро, думаю, тебе необходимо прийти и услышать это. - Взглянув на меня, она пояснила: - Доктор Сасаки специализируется на теории эволюции свалов.

Когда появился доктор Сасаки, седовласый японец, я рассказал ему обо всем, что поведала мне Левиафан. Выслушав меня, он объявил:

- Вполне возможно. Я всегда подозревал, что десятый класс знает о своем происхождении гораздо больше, нежели они удосужились нам сообщить. Однако простите меня, господин Малан, откуда нам знать, что Левиафан и вправду сказала вам, будто она является первоначальной формой жизни? С какой стати она выбрала именно вас, а не кого-то из нас?

Я решил не обращать внимания на почти прямое оскорбление.

- Понятия не имею, что движет Левиафаном, но... У вас, ученых, исследующих свалов, есть строгие правила относительно вмешательства в их культуру, и вы стараетесь не задевать своих подопечных. По мне, такой подход отдает высокомерием: вы полагаете, будто культура свалов слаба и не выстоит перед каким-то внешним воздействием. Что ж, может, и свалы склонны думать о человеческой культуре то же самое, а потому избегают вмешательства и стараются нас не обижать.

Доктор Сасаки нахмурился:

- Я не согласен с вашей интерпретацией мотивов наших правил, касающихся вмешательства в культуру свалов. И не вижу прямой связи с нашим делом.

- Я, по-видимому, задел Левиафана. - Взглянув на доктора Мерсед, я продолжил: - Простите, но я не понимал, что предположение о существовании свалов более крупных размеров, чем она, окажется оскорблением. В ответ она заявила, что я ошибаюсь и больших свалов не существует. Тогда-то она и объяснила, что была первой. Поскольку я ее разозлил - чего вы тщательно избегали, - то Левиафан и ответила мне, не заботясь, обидит ли она меня, вмешается ли тем самым в человеческую культуру.

- И как эта информация может навредить человеческой культуре? - поинтересовалась доктор Мерсед.

- На Земле уже возникли кое-какие культы поклонения свалам. Только представьте, что произойдет, когда распространится весть о том, будто Левиафан является первоначальной формой жизни во Вселенной.

Оглядев меня с подозрением, доктор Сасаки заявил:

- Весть, которую, я уверен, вы были бы рады разнести повсюду. Есть только один Левиафан, и Гарри Малан пророк ее.

У меня челюсть так и отвисла:

- Что?!

- Ведь ради этого все и задумывалось, не так ли? - продолжал ученый.

- Вы летите и разговариваете с Левиафаном, а потом возвращаетесь с каким-нибудь «откровением» от...

- Нет! - вскочил я. - Абсолютно нет. У меня своя вера, и я совершенно не намерен превращаться в пророка Левиафана! Все, что мне надо: оградить свалов из моего прихода от посягательств. Вы просто завидуете, ведь я добыл информацию, которую, как вы тут мямлили, мечтали обнаружить сами!

Он тоже вскочил, но не успел и рта раскрыть, поскольку доктор Мерсед потребовала:

- Прекратите, оба!

Доктор Сасаки и я молча стояли, сверля друг друга взглядами.

- Таро, мне кажется, вы не справедливы к господину Малану. Я верю, что он действительно радеет о безопасности своих прихожан.

Я благодарно взглянул на Мерсед.

- Даже если он и заблуждается, - добавила она. - А что до вас, господин Малан, то незачем оскорблять доктора Сасаки.

Склонив голову, я произнес:

- Прошу прощения, доктор Сасаки.

- Извинения приняты, - произнес тот.

Сам он, как я заметил, извиняться и не подумал. Впрочем, через миг это уже не имело значения, ибо доктор Мерсед сказала:

- Теперь, когда мы снова друзья... Таро, вы позволите нам вне очереди воспользоваться следующим вылетом вашего шаттла, чтобы поговорить с Левиафаном?

* * *

Договорившись о полете на следующий день, я вернулся к себе, чтобы продумать детали. Мой директор из «Сити-Америка», обитавший на Земле, удовлетворил просьбу о двухдневном отпуске. Потом я набрал номер беспола Кимбалла.

- Привет, президент Малан, - отозвалось существо.

- Здравствуй, беспол Кимбалл. Помнишь наш разговор о том, дозволено ли свалам принуждать друг друга к половому акту?

- Конечно.

- Что ж, я потолковал об этом с Левиафаном, и она попросила нас о встрече.

Беспол Кимбалл не отвечал.

- Ты еще здесь? - заволновался я.

- Ты... рассказал Левиафану обо мне? - спросил он. Конечно, то был всего лишь синтезатор речи, но в его интонации мне послышался страх.

- Я не упомянул твоего имени, - успокоил я беспола, радуясь, что все-таки не сболтнул лишнего. - Но она просила меня привести тебя к ней. Мне кажется, это хорошая возможность убедить свала, обладающего реальной властью, остановить сексуальное насилие.

Немного помолчав, беспол Кимбалл поинтересовался:

- Почему ты говоришь, что у Левиафана реальная власть?

- Потому что она первая и величайшая из всех свалов. Разве это не так? - спросил я, внезапно обеспокоившись мыслью, что меня надула мошенница.

- Она так сказала? Вообще-то мы не должны посвящать в это людей, но если она позволила тебе узреть бога, то это ее собственный выбор.

- Бога? Левиафан не бог. Она лишь... - И тут я осекся. А что мне было сказать: «Древнее бессмертное существо, создавшее целую расу разумных существ»? Хотя определению бога это и не отвечало, но все же было достаточно близко. - Беспол Кимбалл, если ты считаешь, что Левиафан - бог, тогда почему же ты присоединился к Церкви мормонов?

- А я не хочу, чтобы она была моим богом.

- Почему?

Еще одна пауза.

- Возможно, мне не следовало говорить о ней.

Поначалу встреча с Левиафаном казалась мне отличной возможностью помочь таким, как беспол Кимбалл. Теперь моя уверенность поколебалась.

- Если ты считаешь, что Левиафан представляет для тебя опасность, тогда я снимаю свое предложение.

- А ты веришь, что Бог более велик, чем Левиафан? - В его контральто звучала печаль.

- Да, верю, - только и ответил я.

- Тогда я положусь на веру в Господа и пойду с тобой.

В отличие от более крупного солнечного шаттла, который доставил меня на Центральную Солнечную станцию, в шаттле-разведчике места хватало только для двух человек. Я пристегнулся на месте второго пилота рядом с доктором Мерсед, хотя, по сути, оба мы были пассажирами, поскольку пилотирование осуществлялось компьютером шаттла.

Получив разрешение от диспетчера, компьютер раскрутил сверхпроводящие магниты двигателя Хайма⁸, и мы покинули станцию.

Я наблюдал, как на мониторе сформированный компьютером образ нашего шаттла приближается к энергетическому щиту, укрывавшему нас от 15 000 000 °С и 340 миллиардов атмосфер давления. Затаив дыхание, я смотрел, как щит вытянулся, образовав выпуклость вокруг шаттла. Вскоре мы оказались как бы в пузыре, все еще связанном тонкой трубкой с щитом вокруг станции. Затем трубка оборвалась, и наш пузырь немного дрогнул, но быстро успокоился.

- Можете дышать, - разрешила доктор Мерсед, криво усмехнувшись. Я последовал ее совету.

- Это было так заметно?

Хихикнув, она просветила меня:

- Энергетический щит не может разрушиться. Это самоподдерживающаяся реакция, снабжаемая энергией окружающей солнечной плазмы.

- Ну да, однако на станции мне обычно удается не думать о том, что произойдет, если по какой-то причине он все-таки разрушится.

- Хорошая новость в том, что если подобное и произойдет, то вы этого даже не заметите.

- Есть дублирующая система? - обрадовался было я.

- Нет. - Она опять ухмыльнулась. - Просто вы умрете еще до того, как успеете что-то почувствовать.

- Спасибо, успокоили, доктор Мерсед.

- Послушайте, нам предстоит путешествовать вместе два дня. Почему бы вам не отбросить этого «доктора» и не называть меня просто Хуанита?

Я согласно кивнул.

- Спасибо, Хуанита. А вы можете называть меня ваше

⁸ * Буркхард Хайм (1925-2001) - немецкий физик, работавший над объединением квантовой механики и общей теории относительности, а также над принципом действия гипердвигателя.

превосходительство.

- М-да, поездочка короткой не покажется... О, как будто наш эскорт появился.

На мониторе волнообразными движениями к нам приблизился свал вдвое больше нашего энергетического пузыря. Он был подписан как «Кимбалл (1-й класс, беспол)».

- Давай-ка сделаем полный обзор, - предложила Хуанита и нажала несколько клавиш.

У меня перехватило дыхание, когда нас окружил полный голографический дисплей, как будто мы путешествовали в стеклянной сфере. На желтом фоне Солнца рядом с нами плыл гигантский оранжево-красный вихрь. На него были наложены темно-зеленые буквы - *Кимбалл*.

- Я могу с ним говорить? - спросил я.

- Компьютер, открой канал с Кимбаллом, - велела Хуанита.

- Канал открыт, - отозвалась машина.

- Привет, беспол Кимбалл. Рад наконец-то видеть тебя.

- Я тоже рад встрече с тобой, президент Малан. Надеюсь, ты простишь меня, что не пожимаю тебе руку.

Я улыбнулся.

- Прощаю. - Меня постоянно удивляло, сколь много свалы знают о наших традициях и культуре и сколь мало мы знаем о них. - А я здесь с доктором Мерсед, она ученый...

Хуанита засмеялась.

- Кимбалл знаком со мной гораздо дольше, чем с тобой.

- Привет, Хуанита, - поздоровался с ней беспол. - Приятно, что ты с нами.

- Когда я только начала работать здесь, - пустилась в объяснения моя спутница, - это был первый свал, которого я увидела лично. Тогда он назывался человеческим именем Пемберли.

- Один свал переслал мне «Гордость и предубеждение»^{*9}, и я решил поискать людей, чтобы понять, кто они такие, - пояснил беспол Кимбалл. - Вы очаровательная раса.

Мне подумалось, что, быть может, сейчас гордость и предубеждение стояли между мной и Хуанитой - возможно, ее раздражало то обстоятельство, что свал, который ей особенно нравился, стал мормоном. Впрочем, вдруг нам удастся преодолеть наши различия и... Я отмахнулся от следующей фантазии.

- Свалы тоже очаровательны. Надеюсь, когда-нибудь пойму вас также хорошо, как вы понимаете нас.

⁹ * «Гордость и предубеждение» (1797) - роман английской писательницы Джейн Остин (1775-1817); один из главных героев романа является владельцем поместья Пемберли.

- Кимбалл, наш шаттл держит курс на Левиафана, так что можешь просто следовать за нами, - сказала Хуанита. - Но держись по крайней мере в пятидесяти метрах от нас.

- Буду сохранять дистанцию, - отозвался беспол.

Должно быть, на моем лице отразилось замешательство, потому что Хуанита нажала клавишу блокировки связи и объяснила:

- Свалы и энергетические поля не очень-то ладят между собой. Несколько лет назад свал первого класса, примерно с Кимбалла, рисовался перед парой наблюдателей и задел энергетический щит шаттла. В результате поле оторвало от свала приличный кусок, на залечивание которого ушли месяцы.

- А с шаттлом что? И с людьми в нем? - Иногда мне казалось, что ее больше заботят чужаки, нежели соплеменники.

Немного помолчав, Хуанита ответила:

- Тот шаттл как раз и заменили нашим.

- Что произошло?

- Щит не разрушился, но часть свала прошла сквозь него - может, потому что щиты действуют почти так же, как и свалы сохраняют свои тела едиными, и вот щит как бы слился с кожей. Когда шаттл вернули, то обнаружилось, что плазма испарила часть корабля, включая отсек экипажа.

- Хорошо, что я не услышал этого до поездки, - признался я.

- Не волнуйся: у этого шаттла абляционная обшивка, специально для того чтобы выдерживать аварии подобного рода. Поэтому меня больше волнует, что произойдет с Кимбаллом, если он столкнется с нами.

- Или с Левиафаном?

- Левиафан такая огромная, что даже и не заметит.

* * *

Почти все шестнадцать часов путешествия я репетировал свою речь перед Левиафаном, дабы убедить ее запретить принудительные половые акты. По части дебатов я поднаторел еще в школе и колледже, поэтому в построении доводов ощущал себя мастером. Но в конце концов я дошел до точки, где уже казалось, что заготовленное обращение становится только хуже.

- Приближаемся к пункту назначения, - объявил компьютер.

Я несколько раз моргнул, чтобы прояснилось в глазах, выпрямился в кресле и принялся оглядываться по сторонам. Оранжево-красные формы беспола Кимбалла беззвучно двигались рядом с нами. Я просмотрел голографическое изображение, надеясь увидеть Левиафана, но ничего не обнаружил.

- Там, - указала вперед Хуанита. Она нажала клавишу, и выскочили темно-зеленые буквы: «Левиафан (10-й класс, самка)».

Тщательно вглядевшись, я заметил над буквами яркое пятно. По мере нашего приближения становились различимы белый, фиолетовый и синий цвета, закрученные в едином вихре.

- А она не оранжевая и не красная,

- В любом случае это псевдоцвета, - ответила Хуанита, - но данная система визуализации показывает в цветах энергетические уровни. И в действительности Левиафан горячее окружающей солнечной плазмы. Мы полагаем, внутри нее происходит ядерный синтез.

Левиафан росла прямо на глазах, постепенно заполняя весь голографический экран перед нами. Замысловатая пляска фиолетового и синего среди белого буквально завораживала. Наконец она засияла столь ярко, что пришлось сощуриться, чтобы приглушить ослепительный свет.

- Мы не слишком близко подошли? - поинтересовался я.

- Мы все еще в трех километрах от нее, - успокоила Хуанита, но добавила: - Компьютер, сохраняй дистанцию до Левиафана.

- Беспол Кимбалл, ты готов? - спросил я.

- Чувствую себя почти как Авинадей, идущий к царю Ною, - отозвался тот.

Отчасти согласившись, вслух я произнес:

- Старайся думать об Аммоне перед царем Ламонием.

- Так было бы лучше, но в любом случае я готов.

Хуанита оборвала связь:

- Что все это значит?

- Отсылки к Книге Мормона. Пророка Авинадея сожгли на костре после того, как он проповедовал перед царем Ноем; Аммону же удалось обратить царя Ламония.

Она только покачала головой, пробормотав что-то о сказках, а затем приказала:

- Компьютер, открой канал с Левиафаном.

- Канал открыт, - ответил компьютер.

- Левиафан, это президент Малан. Я пришел со своим прихожанином, бесполом Кимбаллом, как ты велела. Мы призываем тебя сказать своему народу...

- Молчание, человек, - громыхнул голос из динамика. - Твое время говорить еще не пришло.

Я заткнулся.

- Вы пойдете со мной, - объявила Левиафан. Ее образ стал еще ярче. Последовала ослепляющая вспышка, но затем голографическая система понизила яркость.

Прошло несколько секунд, прежде чем я наконец-то смог четко различить формы. Левиафан все так же маячила впереди, а беспол

оставался за нами.

- О-о, - вырвалось у Хуаниты.

- Что? - Я отчаянно щурился, чтобы хоть как-то разглядеть окружающее. Фон Солнца казался мне не желтым, а синим.

- Кажется, мы уже не в Канзасе*¹⁰. - Хуанита застучала по клавиатуре.

- Левиафан перенесла нас в другую звезду, чье ядро горячее, чем у Солнца. Щит вроде держит. Пока. - Она помянула имя Господа всуе, или, быть может, то была искренняя молитва о помощи, и добавила: - Если она не вернет нас назад, мы здесь застрянем.

- А беспол Кимбалл?

- Самостоятельно открывать портал имеет право только шестой класс и выше.

На экран неожиданно посыпались зеленые буквы: «Неизвестный (10-й класс, самец). Неизвестная (9-й класс, самка). Неизвестное (10-й класс, беспол). Неизвестный (8-й класс, самец)». Глаза мои уже достаточно пообвыкли, чтобы я мог различить их формы. Нас окружали десятки свалов, все помеченные восьмым классом и выше.

- Ну и во что ты нас втянул? - воскликнула Хуанита.

Я произнес про себя молитву и вознадеялся на лучшее.

- Это величайшая возможность для нас обоих. Только подумай, что тебе откроется.

Она глубоко вздохнула.

- Ты прав. Просто я приготовилась изучать Левиафана, а не шестьдесят свалов, среди которых нет ни одного ниже восьмого класса. Еще никто не видел более трех-четырех гигантов одновременно.

- А Левиафан здесь самая большая?

Проверив показания, Хуанита ответила:

- Да, но не намного. - Она указала на свала слева. - Вот этот уступает всего два процента.

- Похоже, о размерах она не лгала.

Хуанита согласно кивнула, потом спросила:

- А почему ты сказал, что это величайшая возможность и для тебя?

Я обвел экран рукой:

- Это наверняка самые влиятельные свалы, их лидеры. Если мне удастся поговорить с ними и убедить принять закон против изнасилования, тогда меньшие свалы подчинятся. Скорее всего, за этим Левиафан и привела сюда меня и бесполо Кимбалла.

- Ты ошибаешься, - раздался вдруг голос бесполо Кимбалла. Наверное, Хуанита в какой-то момент включила связь.

- Почему ты так думаешь?

¹⁰ * Хуанита цитирует Дороти из «Удивительного Волшебника из Страны Оз» Лаймена Фрэнка Баума.

- Это надзирающий за казнью совет, - ответило существо. - Они собрались посмотреть, как я умру, чтобы потом поведать всем свалам, что моя смерть была заслуженной.

- Что?! Что же такого ты совершил?

- Наверняка Левиафан будет...

Но тут его оборвал глас Левиафана:

- Это ничтожество отреклось от меня в пользу бога людей. Подобную ошибку я еще могла бы простить. Но от его имени человечешко пытается навязать нам свои нравственные нормы. Человеческий разум бесконечно мал по сравнению с нашим. Их жизнь коротка, их история - мгновение. Он ничто перед нами, но добивается власти.

- Я вовсе не добиваюсь власти... - запротестовал было я.

- Молчать! - прогремела Левиафан. - Человек должен увидеть свои заблуждения. Кимбалл!

- Да, Левиафан?

- Ты лишен жизни. Но я помилую тебя, если ты отвергнешь человеческую религию и вернешься ко мне.

Я читал о мученичестве в Писании и истории Церкви всю свою жизнь. Но в наши дни оно считается просто академическим ритуалом, проверкой собственной веры на стойкость: сможешь ли ты принять смерть за Евангелие Христа? Настоящие же убийства за религиозные взгляды канули в прошлое.

И тут я обнаружил, что самому-то мне веры не хватает, поскольку во мне теплилась надежда: вера беспола Кимбалла окажется слабой, и он отречется от нее ради жизни.

- И все-таки мне суждено стать Авинадеем, президент Малан, - провозгласил беспол Кимбалл. - Я выбрал жизнь мормона, им и умру, если на то воля Господня.

- Это моя воля, - взревела Левиафан, - и я единственный бог, кого занимает твоя судьба.

В сторону беспола Кимбалла потянулись усики белой плазмы.

- Я величайшая из всех, - вещала Левиафан. - Будьте свидетелями неминуемой кары.

Я ударил по клавише блокировки связи и сказал:

- Я намерен остановить казнь. Это моя вина.

Хуанита сверкнула глазами.

- А я предупреждала тебя о вмешательстве. Теперь уже поздно что-либо предпринимать.

- Нет. Если ты готова поставить эту штуку перед усиками Левиафана, то беспол Кимбалл получит шанс сбежать.

Она уставилась на меня.

- Шаттл может защитить от скользящего удара. Но прямого... Мы наверняка погибнем.

Усики уже почти смыкались вокруг Кимбалла.

- Я знаю, потому и прошу тебя. Я не могу заставить тебя рисковать своей жизнью, чтобы спасти чью-то другую. - Я надеялся, что мои предположения о том, насколько она беспокоится о свалах - и о бесполе Кимбалле в частности, - окажутся верны.

Она бросила взгляд на Кимбалла, потом на меня и приказала:

- Компьютер, режим ручного управления. - Хуанита схватилась за рычаги и направила шаттл к белым полоскам, связывающим Левиафана и бесполо Кимбалла.

Я отключил блокировку связи.

- Левиафан, ты утверждаешь, что ты величайшая. По размеру, может, так оно и есть. - Впереди нас все затянуло белым. - Но не по любви. - Я начал говорить быстро, не зная, сколько времени у меня осталось: - Иисус сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Он возжелал умереть за самого малого из нас, в то время как ты желаешь убить самого мал...

Меня оборвала вспышка яркого света и испепеляющего жара. Я почувствовал резкий толчок.

Потом - тьма.

И тошнота. Через несколько мгновений до меня дошло: тошнота означает, что я, быть может, все еще жив.

- Хуанита?

- Я здесь, - слышался голос.

Тьма была абсолютной. И еще я парил в невесомости. Может, я все-таки умер - хотя жизнь после смерти представлялась мне совсем не такой.

- Что произошло?

- Я скажу тебе, чего не произошло. Энергетический щит не разрушился. Абляционная обшивка не разрушилась. Мы не умерли.

- Так что случилось-то?

Хуанита медленно и протяжно выдохнула.

- Наилучший прогноз: электромагнитный импульс уничтожил всю нашу электронику. Двигатель мертв, искусственная гравитация накрылась, система жизнеобеспечения накрылась, система связи накрылась, всё накрылось.

- Какая-либо возможность...

- Никакой, - отрезала она.

- Ты даже не дала мне закончить...

- Никакой возможности ни для чего. Ремонт невозможен, а если бы и был возможен, то я понятия не имею, как починить хоть что-нибудь, даже если бы здесь не было так темно. А ты?

- Нет.

- И никакой помощи из Центральной Солнечной не будет, потому что они не только не знают, что мы в беде, но и где нас искать. Эта звезда может находиться на другом конце Галактики. Когда здесь закончится

воздух, мы умрем. Все просто.

- Ох. - Я понял правоту ее слов. - Как думаешь, может, нам удалось освободить беспола Кимбалла?

- Вполне вероятно. Но вообще-то было не очень похоже, что Кимбалл отчаянно пытается сбежать.

- Возможно, он подумал о том, что благодаря мученичеству Авинадия один из жрецов злого царя раскаялся и стал великим пророком... И Кимбалл верил, что нечто подобное произойдет и с одним из огромных свалов, который...

- Во что бы там беспол Кимбалл ни верил, - кисло оборвала она меня, - это произошло только потому, что ты и твоя Церковь забили его голову сказочками о мучениках.

Я сдержался, чтобы не рявкнуть ей в ответ. Какая-то часть меня все-таки осознавала, что она права. Ведь беспол Кимбалл как будто действительно принял роль мученика. Из-за чего это произошло, кроме как не из-за рассказов о мучениках в Писании?

И я больше не испытывал ни малейшего желания рисковать своей жизнью - теперь, перед лицом смерти, мне стало страшно.

Хуаните, казалось, моего ответа и не требовалось.

- Да и в чем смысл мученичества? По-настоящему великий Бог мог бы спасти своих приверженцев, а не позволять им умереть. И где теперь Бог, когда он тебе действительно нужен? Какой во всем этом смысл?

- Послушай, прости меня. Если бы не я, ты сидела бы себе дома и беспол Кимбалл был бы жив. Это я все затеял.

Прошли часы - плавая во тьме, трудно было сказать, сколько. Я занимался самоанализом и молился, подробно разбирая все свои промахи, приведшие меня сюда. Самым большим моим грехом была гордыня: мысль о том, что я, Гарри Малан, всего лишь силой воли да умелой речью изменю культуру, существовавшую миллиарды лет. Я вспомнил, чему меня учили, когда я девятнадцатилетним миссионером служил на Марсе: «Не ты обращаешь людей, но Дух Господень - и лишь тогда, когда они сами желают обратиться».

Заговорила Хуанита:

- Ты пытался сделать то, что считал правильным. Ты хотел защитить права меньших свалов. Я прощаю тебя.

- Спасибо, - ответил я.

Шаттл вздрогнул.

- Что это? - вскричал я. Мое тело упало в кресло.

- Звучало как...

Пронзительный визг с правого борта шаттла заглушил продолжение ее ответа. Я повернул голову в ту сторону и увидел искры, летящие от стены.

Затем отвалился кусок обшивки, и внутрь хлынул свет, на какое-то время ослепив меня.

- Они живы, - крикнул человек. - Скажите Кимбаллу, они еще живы.

* * *

Вот что мы узнали от спасателей: огромный свал оставил наш шаттл и беспола Кимбалла прямо у защитного поля Центральной Солнечной станции. Беспол связался со станцией, и они отбуксировали шаттл в док, где затем вскрыли обшивку, чтобы добраться до нас.

Поговорить с бесполом Кимбаллом мы смогли, только когда оказались в медицинском кабинете, где автодоктор сделал нам инъекции для лечения лучевых ожогов.

- Назад вас привела Левиафан, - объяснил он.

Я был потрясен.

- Но почему? И почему не убила тебя?

- Когда она увидела, что ради моего спасения вы готовы принять смерть, хотя я и не принадлежу к вашему виду, ей стало любопытно. Она спросила меня, почему вы пошли на это, и я переслал ей Библию и Книгу Мормона. Потом она доставила вас сюда, на тот случай, если вы еще живы.

- А тебе она не причинила вреда? - спросил я.

- Я поправлюсь, - заверил беспол Кимбалл. - Прежде чем уйти, Левиафан объявила, что с этого момента свалов-мормонов не должны принуждать к половым актам.

- Отличная новость.

Я победил. Нет, поправил я себя - победа была не моей. «Благодарю Тебя, Господи», - беззвучно вознес я молитву.

- Еще Левиафан оставила личное послание тебе, президент Малан. Она велела напомнить о словах, что царь Агриппа сказал Павлу.

Я кивнул:

- Понял. Спасибо.

Когда разговор закончился, Хуанита спросила:

- О чем это послание? Еще одна байка из Книги Мормона?

- Нет, это из Библии. Святой Павел проповедовал перед царем Агриппой, и тот ему ответил: «Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином». Нет, Левиафан не стала мормоном. Но Господь смягчил ее сердце, поэтому она не убила беспола Кимбалла. Или нас, если уж на то пошло. Тогда, в шаттле, ты не сомневалась в нашей скорой гибели. И ты спросила, где же Бог, когда он мне так нужен. Что ж, вот Бог и проявился.

Хуанита фыркнула.

- Типично.

- Что ты хочешь сказать? - спросил я, когда автодоктор просигнализировал, что лечение завершено.

- В одной истории проповедник обращает царя. В другой - царь убивает проповедника. А в третьей - ничего не происходит. Это не доказательство проявления Бога. - Она указала на меня. - Как мне представляется, это ты «проявился». Когда ты сказал про «большую любовь», ты ударил Левиафана там, где и рассчитывал: по ее гордыне, ведь она самая большая!

Я покачал головой:

- Не приписываю себе эту заслугу.

Когда мы вышли из медицинского кабинета, она крепко обняла меня, и я сразу вспомнил, как сильно меня к ней влечет. Но я знал, что у нас ничего не выйдет - уж слишком различались наши взгляды на мир.

Так что я остался холостяком-мормоном без каких-либо брачных перспектив в радиусе ста пятидесяти миллионов километров.

О нет, привлекательная и незамужняя женщина мормонской веры вовсе не прибыла на следующем солнечном шаттле. Какой смысл в жизни, если Бог будет разрешать все мои проблемы?

* * *

«Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих. Это море - великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими. Там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем».

Псалом 103:24-26

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Eric James Stone. The Leviathan, Whom Thou Hast Made. 2010.

Рассказ впервые опубликован в журнале Analog в 2010 году.

Видеодром

ХИТ СЕЗОНА

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В начале нашего тысячелетия у самого знаменитого и «народного» американского брэнда в области зрелищ - компании Уолта Диснея- творческие дела шли не блестяще.

Еще за несколько лет до того «Мышиный Дом» был на пике популярности - каждый год его мультфильмы о благородных Красавице и Чудовище, Аладдине и львенке Симбе побивали рекорды зрительской любви, выраженной в долларовом эквиваленте. Но в моду вошла компьютерная анимация во главе с «Пиксар» и зеленым огром Шреком. Флагман студии - рисованные полнометражные картины отходили на второй план, если не в историю.

Словно от отчаяния кому-то пришла в голову, на первый взгляд, не слишком удачная идея: превратить в кино... аттракцион Диснейленда. Да не какой-нибудь, а пиратский. Дело в том, что пиратские фильмы в коммерческом плане выходили как будто проклятыми. Подобные зрелища требовали серьезных затрат, и в течение десятилетий смельчаки режиссеры и продюсеры терпели на этом фронте одно фиаско за другим: «Пираты» Романа Полонского, «Остров головорезов» Ренни Харлина... Мало того, точно насмехаясь, новый фильм решили посвятить именно проклятию. Так перешедший на широкий экран аттракцион «Пираты Карибского моря» обзавелся подзаголовком «Проклятие «Черной жемчужины». И неожиданно сорвал банк, причем не только деньгами. Премия киноакадемии за специальные эффекты: все-таки «Дисней» - прежде всего сказки, и нестрашные скелетопираты пришлось ко двору, хотя сюжет мог вполне обойтись и без них. Музыкальная тема Клауса Баделъта стала не менее узнаваема, чем партитура «Звездных войн». Но все же настоящей «черной жемчужиной» стала неделимая пара «персонаж и жанр».

В первом из них слились актер и безупречно подобранный типаж. Джонни Депп благодаря образу капитана Джека Воробья превратился из просто звезды в суперзвезду, а откровенно клоунская роль вдруг оказалась выдвинутой на один из самых престижных «Оскаров». Что же касается жанра - «Пиратов Карибского моря» можно было бы отнести к авантюрной костюмированной комедии со сказочным элементом или редкому образцу «плутовской фэнтези». Ближайший

аналог - почти четвертьвековой давности «Принцесса-невеста» Роба Райнера: главный герой - пират, волшебство, эффектные поединки на шпагах и колоритные персонажи второго плана.

Однако истоки популярности, думается, глубже. Если перефразировать корифея «плутовской фэнтези» Роберта Асприна, это или колоссальная удача, или миф.

Большую часть двадцатого века героем американского кино был ковбой - от персонажей Джона Уэйна до Арнольда Шварценеггера, сменившего шляпу-«стетсон» на бронезилет, но не изменившего сути. Ковбою добавили интеллекта и самоиронии в лице доктора Индианы Джонса. Одновременно развивалась тема двойственности, соответствующая мифологической паре: к герою, выполнявшему функции блюстителя миропорядка, приставляли комического плутоватого спутника, так называемого трикстера. Например, суровый белый страж закона и его темнокожий пройдоха-напарник.

Но вот трикстер полностью заменил героя. Кто бороздил моря в пиратских фильмах? Либо голворезы, либо благородные разбойники. Как на смену рыцарям в европейской литературе явились плуты, так и на смену экранным рыцарям плаща и кинжала явился пират-прохвост, Вместо Морского Ястреба - Джек Воробей. Часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо. Вроде бы отрицательный персонаж, способный на неожиданное, в том числе для него самого, великодушие и джентльменство. Его обаяние - именно в непредсказуемости, эффектно переданной внешним обликом и даже манерой двигаться. Для пуцего контраста Воробью добавили «канонического» культурного героя - кузнеца, сыгранного Орландо Блумом. Получилась та же самая мифологическая пара, только вывернутая наизнанку.

Любопытно, что похожую задачу решили авторы знаменитого отечественного мультфильма «Остров сокровищ». Но пошли другим путем: сделали одноногого Сильвера нарочито серьезным и одиноким, зато «простебали» всех положительных персонажей, от хихикающего доктора Ливси до каратиста Джима Хокинса.

В случае «Пиратов Карибского моря», конечно, трудно сказать, сознательной была опора на миф, как в тех же «Звездных войнах», или получилось само. Но в дальнейшем парус стали держать по ветру и ковать железо, не отходя от билетной кассы. Съёмки двухсерийного продолжения начались даже без готового сценария. На конечном результате это не могло не отразиться. Трилогию стало бросать по жанровым волнам, как при хорошем шторме. Из обаятельной плутовской фэнтези она дрейфовала в фэнтези темную. В строку шло любое лыко - «классические» морские мифы смешивались с образами из Лавкрафта. Однако фирменные ужимки Джека Воробья, сложнейшие каскадерско-компьютерные сцены и красота морских

пейзажей сделали свое дело. «Пираты Карибского моря: Сундук мертвеца» стали вторым в истории фильмом-миллиардером. Утлая «Черная жемчужина» обогнала и потопила «Титаник». Третьей картине - «На краю света» - пришлось тяжелее всех: без внятного сценария сюжет трещал, как старая парусина, а дыры латались едва ли не галлюциногенными эпизодами. Знаменательно, что практически все герои стали плясать под дудку Воробья и зачастую плутовать похлестче самого Джека. Кроме всего прочего, лента оказалась прямо-таки одержимой темой смерти - гибель большинства сквозных персонажей, путешествие в загробный мир и обратно, наконец, превращение одного из центральных героев в подобие Харона.

Путь обещанной четвертой части на экраны тоже не обошелся без приключений. Проект добровольно покинул режиссер оригинальной трилогии Гор Вербински, а с его уходом едва не выбыл и Джонни Депп. В кресло постановщика сел Роб Маршалл, обладатель «Оскара» за криминально-плутовской мюзикл «Чикаго». А сюжет..., Его выстроили на некоторых мотивах из популярного романа Тима Пауэрса «На странных берегах» - и даже увенчали фильм таким подзаголовком. Хотя сходство, по большому счету, исчерпывается только источником молодости, пиратом Черной Бородой и зомби. Впрочем, для Голливуда в порядке вещей взять оригинальный роман и превратить его в сиквел кинохита, почти ничего не оставив от книги.

Зато все, что публика ценила в других «Пиратах Карибского моря», присутствует: Джек Воробей («Капитан Джек Воробей!» - не преминул бы он поправить), его вечный непотопляемый соперник Барбосса - мрачный харизматический антагонист со сверхчеловеческими возможностями, сабельные бои, комические трюки и даже неизменная мартышка. По легкости и сбалансированности действия Робу Маршаллу удалось приблизиться к первой серии куда лучше, чем двум предшествующим фильмам Вербински. Этому, конечно, способствовала и относительная законченность сюжета, где в то же время каждая линия, при желании, может быть продолжена - и появление новых сиквелов только вопрос времени.

А вот что касается образной системы, то здесь ближе всего «На краю света»: мы видим хоровод разного рода плутовства и обмана, бесконечную смену масок и моральный релятивизм. У Джека больше нет нравственно устойчивого напарника-кузнеца, а эпизодический персонаж-миссионер играет слишком небольшую роль в сюжете. Неужели найден еще один секрет успеха: чтобы зритель чувствовал себя не только умнее героев, как почти в любой комедии, но и благороднее?

Аркадий ШУШПАНОВ

рецензии

ДРЕВО ЖИЗНИ

(THE TREE OF LIFE)

Производство компаний Cottonwood Pictures, Plan B Entertainment и River Road Entertainment (США), 2011.

Режиссер Терренс Малик.

В ролях: Брэд Питт, Шон Пенн, Джессика Честейн, Хантер МакКракен, Ларами Эпплер, Ти Шеридан, Фиона Шоу, Джессика Фусельер, Николас Гонда, Уилл Уоллес и др. 2 ч. 18 мин.

Победитель последнего Каннского фестиваля картина «Древо жизни» могла бы стать эдакой «Космической одиссеей 2001 года» наших дней. Могла бы... Но не стала. Во-первых, потому что «Космическую одиссею...» уже сняли. Во-вторых, сняли ее намного искуснее, не пытаясь объять необъятное и постичь непостижимое.

«Древо жизни» - самая смелая и странная работа Терренса Малика.

Смелая, потому что в один фильм титулованный режиссер постарался уложить всю историю человечества. Даже нет - всю историю жизни во Вселенной. При этом пытаюсь ответить на вечные вопросы. Кто мы? Зачем мы здесь? Как мы живем? Что с нами будет? Что есть добро, а что - зло? Увы, двух часов оказалось слишком мало... И ближе к финалу картины это стало сильно заметно. А история взросления американского подростка, через которую Малик осмысливал вселенское бытие, так и осталась обычной историей взросления американского подростка.

Странная, потому что для изображения бытия, истинного процесса жизни Малик насытил картину таким количеством символов и богословских изречений, что для их расшифровки к фильму следовало бы прилагать отдельный шифровальный аппарат. Картина задыхается от бесконечных аллюзий, начиная от названия и заканчивая финальным призывом. Кроме того, для изображения истинной жизни, ее правды и течения порой были избраны довольно спорные методы. Детский радостный смех заглушает музыка фортепьяно, ссору двух героев показывают через стекло. Словом, все острые углы то сглаживаются, то приукрашиваются.

Нет, визуальная и музыкальная стороны «Древа жизни» действительно заслуживают бурных оваций. Но где ответы на

поднятые вопросы? Путь к счастью - любовь, а любовь - это Бог. И все? Ради этого режиссер большую часть фильма показывал процесс эволюции на зависть лучшим передачам канала «Discovery» и заставлял оператора творить невероятные чудеса?..

Степан Кайманов

ЛЮДИ ИКС: ПЕРВЫЙ КЛАСС

(X-MEN: FIRST CLASS)

Производство компаний Marv Films и Marvel Enterprises (США), 2011.

Режиссер Мэттью Вон.

В ролях: Джеймс Макэвой, Майкл Фассбендер, Кевин Бейкон, Калеб Лэндри Джонс, Дженнифер Лоуренс и др. 2 ч. 12 мин.

«Люди Икс: Первый класс», как ни странно звучит, - второй приквел к одноименной трилогии, поставленной по комиксам компании Marvel. Первый приквел «Люди Икс: Начало. Росомаха» вышел в 2009 году и на фоне трилогии выглядел весьма блекло. Простенький сюжет, серые и совершенно бескровные сцены с участием Росомахи... Картина существенно не хватало масштаба. Единственное, чем запомнился фильм, - он утек в сеть еще до того, как в нем обработали и смонтировали все спецэффекты. К счастью, во втором приквеле многие недочеты были устранены.

Британский режиссер и продюсер Мэттью Вон в который раз доказал, что является настоящим профессионалом и способен хорошо снять что угодно: от криминальной комедии «Карты, деньги, два ствола» (в качестве продюсера) до сумасбродного «Пипца» (как постановщик). И если в последнем были высмеяны и переосмыслены едва ли не все штампы кинокомиксов, то в новой работе талантливого британца все, абсолютно все, серьезно. Сюжет «Первого класса» крутится вокруг профессора Ксавье, основателя школы для детей-мутантов, и Магнито, главного злодея сериала. Картина отвечает на многие вопросы, которые оставались за кадром трилогии: откуда появилась школа для мутантов, как познакомились Ксавье и Магнито, почему стали друзьями и по каким причинам в итоге оказались по разные стороны баррикад. Помимо непростых взаимоотношений Ксавье и Магнито, в «Первом классе» есть и другая сюжетная линия - глобальная, с коварными мутантами, «плохими» русскими и большой политикой. При этом следить за развитием сюжета действительно интересно, несмотря на то что по всем признакам последний фильм Бона - стопроцентный летний блокбастер. Дорогие спецэффекты здесь лишь дополняют

картину, а не ставятся превыше всего.

Впрочем, «Первый класс» есть за что пожурить, В эпоху «темных рыцарей» некоторые мутанты, вроде стриптизерши со стрекозьими крыльями, вызывают лишь хохот. Юный, смазливый, смешной Ксавье совсем не похож на серьезного профессора из трилогии. А русские опять изображены дремучими варварами из далекой, холодной и дикой страны.

Алексей Старков

АСТРАЛ

(INSIDIOUS)

Производство компаний Automatik Entertainment и Blumhouse Productions (США), 2011.

Режиссер Джеймс Ван.

В ролях: Патрик Уилсон, Роуз Бирн, Ти Кигэн Симпкинс, Эндрю Эстор, Лин Шэй, Ли Уоннелл Энгус Сэмпсон и др. 1 ч. 43 мин.

Несмотря на мизерный бюджет, непримечательный актерский состав, безликие рекламные ролики, публика с интересом ждала выхода «Астрала». Дело в том, что в режиссерском кресле сидел Джеймс Ван, а сценарий писал Ли Уоннелл. Именно этот дуэт в 2003 году создал один из самых запомнившихся триллеров последнего десятилетия - «Пилу».

Популярность «Пилы» легко объяснима. Главным действующим лицом картины был благородный убийца-психопат, каждый кадр дрожал от напряжения, а испытания, придуманные маньяком для своих жертв, отличались фантастической изобретательностью. Но главное - в триллере Вана был действительно отличный сюжет с громадой тайн и интриг, подогревающий зрительский интерес вплоть до финальных титров.

К сожалению, «Астрал» подобным сюжетом похвастаться не может. Семья в составе пяти человек, из которых трое - дети, переезжает в новый дом. Ясное дело, сразу выясняется, что «с этим домом что-то не так!». Кто-то скрипит половицам по ночам, включает сигнализацию и зловещим голосом шепчет в радио-няню: «Отдай его мне». Чуть позже старший сын, упав с лестницы, впадает в кому. Врачи бессильны. После тестов выясняется, что мозг ребенка не поврежден и продолжает работать, как у здорового человека. Понимая, что с домом и вправду что-то не так, глава семейства решает вновь переехать. Но, как выясняется, темные силы перебираются вместе со всей семьей...

Ладно, бог с ним, с сюжетом. В конце концов, на мистические

триллеры и ужасы ходят не ради него, а, как правило, с целью пощекотать нервы. Но и тут Ван и Уоннелл оказываются несостоятельными, используя типовой набор создателей ужастиков. А чаще всего просто ограничиваются самым популярным приемом: вот играет тревожная музыка, и сейчас из темноты непременно выскочит какая-нибудь потусторонняя дрянь.

От полного провала «Астрал» уберегает исключительно актерская игра. При взгляде на персонажей картины невольно веришь, что им действительно жутко и страшно.

Степан Кайманов

адепты жанра

Сказки для зрителей изрядного возраста

В фильмографии британского режиссера Ника Уиллинга есть картины, снятые для большого экрана, но очевидно, что его родная стихия - телевидение. Именно работа на ТВ принесла ему славу мастера интерпретации классических сказочных сюжетов, признание коллег и любовь зрителей.

Прирожденный художник

Родители Ника - художники Виктор Уиллинг и Паола Рего - познакомились во время учебы в лондонской Школе изящных искусств Слейда. Однако тогда творческое содружество не переросло в нечто большее. Это случилось позже, когда, пережив крах первого брака, Виктор покинул Англию и уехал в Португалию - на родину Паолы.

Спустя три года художники поженились. Паола родила Виктору троих детей: Ника, Викторию и Каролину.

Само собой, в семье, где оба родителя - художники, ребенок просто не мог не полюбить рисование. Впрочем, это не единственное, что унаследовал Уиллинг. Достаточно взглянуть на такие работы его матери, как «Укусив отравленное яблоко» и «Белоснежка играет с

охотничьими трофеями отца», где сцены известной сказки показаны с «недетским» натурализмом, чтобы понять, у кого Ник перенял склонность к переосмыслению классических сюжетов, принесшую ему славу «сказочника-ревизиониста».

Но почему же он связал свою жизнь не с живописью, а с кино и телевидением? Уиллинг рассказывал, что полюбил телесериалы с самого детства. Английский язык он, росший в неанглоговорящей стране, учил по комедийному шпионскому сериалу «Напряги извилины», героиня которого - агент 99 в исполнении Барбары Фелдон - произвела на маленького Ника неизгладимое впечатление. «В пять лет я считал агента 99 самым прекрасным существом на Земле», - признался режиссер в одном из интервью. Но все же настоящей страстью юного Уиллинга стала мультипликация. Сам он связывает это с тем, что первым фильмом, увиденным им в жизни, был диснеевский «Пинокио». Ожившие рисунки потрясли ребенка. Едва научившись рисовать, Ник стал создавать первые мультики - сначала при помощи кинеографа (сшитых в книжку листов бумаги, на которые последовательно наносятся отдельные «кадры», при быстром пролистывании превращающиеся в анимационный фильм), а затем - и на целлулоиде.

В середине семидесятых семья Ника оставила сотрясаемую политическими катаклизмами Португалию и переехала в Великобританию.

В 1982 году Ник Уиллинг закончил Национальную школу кино и телевидения в Лондоне и стал дипломированным мультипликатором. Впечатления детства, проведенного среди живописных полотен, нашли отражение уже в одной из первых «взрослых» работ режиссера - анимационной короткометражке «Life Class». В ней рассказывается о том, как ожившие картины и скульптуры восстают против своих творцов.

Феи в кадре

В 1997 году на экраны вышел фильм «Photographing Fairies» (в российском прокате - «Фотофеи» / «С феями - шутки плохи»), снятый Уиллингом по собственному сценарию, написанному на основе одноименного романа Стива Шилаги.

Источником вдохновения для автора книги послужила реальная история «фей из Коттингли» - серии фотоснимков, якобы доказывающих существование «малого народа». Разоблачению подобных мистификаций посвятил свою жизнь главный герой фильма, молодой фотограф Чарлз Кастл. Но однажды в его руки попадают запечатлевшие фей фотографии, на которых невозможно найти никаких следов подделки. Чтобы разобраться, с чем же он имеет дело, Кастл отправляется в местечко Беркинвэлл, где сделаны снимки, и

оказывается втянутым в череду загадочных и смертельно опасных происшествий.

Фильм был восторженно встречен и критикой, и зрителями, завоевал приз критиков и специальный приз жюри на Международном фестивале фантастических фильмов в Жерардмере; на фестивале «Фанташпорту» в Португалии фильм получил премию «Серебряный Мельес», что означало автоматическую номинацию на Гран-при Федерации европейских фестивалей фантастических фильмов - «Золотой Мельес», которого и был удостоен. Церемония вручения «Золотого Мельеса» проходила в рамках итальянского «Фантафестиваля».

От Кэрролла до Уэллса

Уже в следующем году Уиллинг взялся за амбициозный проект - постановку для Hallmark и NBC телевизионной версии «Алисы в Стране Чудес». В картине с немаленьким для телевидения бюджетом - около 21 миллиона долларов - участвовали мировые звезды: Питер Устинов, Вупи Голдберг, Мартин Шорт, Кристофер Ллойд, Бен Кингсли, Джин Уайлдер. Алису сыграла тринадцатилетняя Тина Маджорино, за плечами которой, несмотря на юный возраст, было уже 11 ролей на телевидении и в кино (в том числе - в постапокалиптическом «Водном мире» Кевина Костнера).

Для того чтобы визуальный ряд Страны Чудес в фильме с максимальной точностью воспроизводил работы сэра Джона Тенниела - первого иллюстратора «Алисы», к работе привлекли специалистов из мастерской выдающегося кукольника Джима Хенсона, а также мастеров по компьютерной графике. Из созданных для картины 875 цифровых спецэффектов наиболее заметны живое лицо Вупи Голдберг на кукольном теле Чеширского кота и увеличенная в три раза голова Мартина Шорта, играющего роль Безумного Шляпника.

Усилия не пропали даром - в 1999 году визуальные эффекты, грим, костюмы и музыка «Алисы в Стране Чудес» были отмечены четырьмя премиями «Эмми».

Экранизация, выполненная в духе нестареющего «Волшебника страны Оз» 1939 года, стала классической, и ее до сих пор регулярно крутят по ТВ.

Вдохновленные «Алисой...», заказчики из Hallmark вскоре доверили режиссеру еще более масштабную постановку - мини-сериал по мотивам мифа о Золотом руне «Ясон и аргонавты».

По выразительности и яркости визуального решения новая работа Уиллинга могла соперничать с самыми зрелищными картинами, снятыми для большого экрана. Однако красивая картинка не была самоцелью, она лишь гармонично дополняла захватывающий сюжет о подвигах и предательстве, любви и ненависти, интригах и колдовстве,

через которые проходит герой, превращаясь из неопытного юноши в зрелого мужчину и мудрого правителя.

Кстати, оператором мини-сериала был обладатель двух премий «Ника», выпускник ВГИКа Сергей Козлов, много снимавший как в Америке (любителям жанра наверняка знакомы мини-сериалы «Мерлин» и «Одиссея»), так и в России (если говорить об отечественной фантастике, то стоит упомянуть «Параграф 78»). Работа Козлова в «Ясоне», отмеченная авторитетными критиками, в частности Майклом Спейером из «Вэрайети», была номинирована на получение награды Американского общества кинооператоров (ASC).

Очередное детище Уиллинга, мини-сериал из трех частей «Фантастические миры Герберта Уэллса», вышло на экраны в августе 2001 года, накануне 55-й годовщины со дня смерти писателя. На сей раз Уиллинг уступил кресло режиссера Роберту Янгу, взяв на себя роль автора идеи и сценариста.

Фильм начинается с того, что незадолго до смерти Уэллса посещает некая дама, выдающая себя за журналистку, а на самом деле - сотрудница военного ведомства, занимающаяся самыми передовыми научными исследованиями. В беседе с ней 80-летний писатель мысленно возвращается на полвека назад, во времена своей молодости, и вспоминает о таинственных событиях, которые легли в основу его рассказов. Всего в сериале экранизировано шесть произведений писателя: «Новейший ускоритель», «Газета Браунлоу», «Хрустальное яйцо», «Замечательный случай с глазами Дэвидсона», «Правда о Пайкрафте» и «Украденная бацилла». При этом авторы весьма вольно обошлись с фактами жизни Уэллса. Уиллинг объяснил это так: «Наш сериал - не биографический фильм. Уэллса мы использовали в качестве персонажа лишь потому, что многие из его рассказов написаны от первого лица, поэтому у нас это скорее литературный герой, чем реальный фантаст».

Режиссер человеческих душ

Летом 2001 года Ник Уиллинг начал съемки своей второй картины, предназначенной для большого экрана. На сей раз за основу был взят роман «Doctor Sleep» Мэдисона Белла (в одной из сцен в кадре появляется сам писатель в образе пациента, проходящего лечение гипнотерапией). Оригинальный англоязычный вариант ленты вышел под тремя разными названиями: «Doctor Sleep» - в Англии, «Close Your Eyes» - в США и «Hypnotic» - в международном прокате. В России фильм получил название «Под гипнозом».

В основе сюжета - история доктора Стразера, обладающего сверхъестественным даром: видеть образы, возникающие в мозгу пациентов, введенных им в гипнотический транс. Это его необычное умение - единственный шанс выйти на след серийного убийцы,

последней жертве которого, маленькой девочке по имени Хизер, удалось бежать. Но от пережитого она потеряла дар речи, и лишь доктор Стразер способен выяснить подробности произошедшего.

В отличие от телевизионных мини-сериалов, где Уиллинг давал волю фантазии, используя для создания фантастических миров самые причудливые образы, в фильме «Под гипнозом» ощущение ирреальности происходящего передается исподволь, тонкими, едва заметными штрихами: видом из окон, судя по которому офис главного героя расположен выше всех остальных зданий в Лондоне, необычайно пустыми для мегаполиса улицами...

Как и первый опыт Уиллинга в большом кино, «Под гипнозом» собрал солидный урожай кинонаград: Гран-при и премии за музыку и лучшую мужскую роль на Парижском кинофестивале, приз за лучшую режиссуру на Международном фестивале остросюжетных и приключенческих фильмов в Валансьене и второй «Серебряный Мельес» - на этот раз от любителей кинофантастики из Швеции.

На этом тему паранормальных явлений в обыденной жизни Уиллинг для себя не закрыл. В 2004 году он снял эпизод из двух частей для британского мистического сериала «Sea of Souls», известного в России как «Секретные материалы: Море душ». А в 2005-м использовал ее в своем третьем обращении к большому кино - экранизации романа Элис Хоффман «Король реки». В оригинале фильм носит то же название, что и книга, но наши прокатчики переименовали его в «Смерть на реке».

Возвращение в Страну Чудес по дороге из желтого кирпича

В 2006 году Ник Уиллинг принял участие в возрождении телевизионного шоу «Джеканори», история которого началась еще в 1965 году. Традиционно выпуски «Джеканори» выглядели так: какой-нибудь знаменитый актер, сидя в кресле, читал вслух детские книжки, периодически на экране возникали иллюстрирующие текст рисунки (как правило, их автором был Квентин Блейк).

Приход Уиллинга радикально изменил шоу. Теперь вместо кресла зрители видели постановку истории средствами 3D-анимации и с участием приглашенных актеров. Одно осталось неизменным: чтение книги единственным актером. Впрочем, и тут было исключение: в эпизоде, переносившем на экран пародию на «Властелина Колец» - «Muddle Earth» Пола Стюарта (в России издавалась под названием «Джо Варвар и Чвокая Шмарь»), реплики Джо Варвара в кадре произносил изображавший его юный актер Чарли Роу. Однако это вызвало упреки со стороны ревнителей традиций классического «Джеканори», и уже в следующей работе Уиллинга для шоу - экранизации «Колдуна из Самарканда» Алана Темперли - звучал исключительно голос рассказчика - Бена Кингсли.

В 2007 году RHI Entertainment (экс-Hallmark) и Sci-Fi Channel затеяли очередную адаптацию сказки Фрэнка Баума «Волшебник из страны Оз». Как объяснял Дэйв Хоу, глава Sci-Fi Channel: «Мы сочли, что для нового поколения эта классическая история должна быть пересказана». На роль пересказчика был приглашен Ник Уиллинг.

Получившийся в итоге мини-сериал «Tin Man» («Железный человек», в России вышел под названием «Заколдованное королевство») лишь отдаленно напоминал первоисточник. В новой истории причудливо сплелись фэнтези и научная фантастика, в ней на равных сосуществуют ведьмы и киборги, магические артефакты и технологические гаджеты, Главная героиня - официантка Ди Джи - переносится в страну OZ (в сериале это - аббревиатура выражения Outer Zone - Внешняя территория), где в компании персонажей, имеющих некоторое сходство с героями сказки Баума, раскрывает тайны своего прошлого (в частности, выясняет, что является потомком той самой Дороти Гейл из Канзаса) и избавляет волшебное королевство от власти злой ведьмы.

Уиллинг не просто изменил декорации старой истории, представив их более мрачными. Он сделал саму историю более взрослой, наполнив глубоким психологизмом. Зрители оценили проделанную работу - аудитория сериала во время премьерного показа составила 6,3 миллиона человек, что стали рекордом для Sci-Fi Channel.

Однако рекорд продержался недолго. В 2009 он был побит новым мини-сериалом Ника Уиллинга - «Алиса».

В интервью Ник признавался, что после звонка Рика Холми, продюсера из RHI Entertainment, предложившего ему вновь взяться за адаптацию «Алисы в Стране Чудес», но на сей раз - в духе его собственного «Железного человека», он, прежде чем согласиться, раздумывал около десяти минут. И затем сразу же взялся за написание сценария, замороженный идеей показать, во что превратились Страна Чудес и Зазеркалье спустя 150 лет после визита кэрролловской Алисы.

Героиня мини-сериала двадцатилетняя дзюдоистка Алиса Хэмилтон попадает в Страну Чудес, погнавшись за Белым Кроликом, похитившим ее парня Джека. Собственно, по этой завязке уже можно представить, что ожидает зрителя «Алисы»: Королева червей руководит организацией, похищающей людей из нашего мира, эмоции которых - основной ингредиент волшебных эликсиров; Мартовский заяц - профессиональный киллер с искусственной головой, приставленной взамен отрубленной; Труляля и Траляля - психиатры с садистскими наклонностями. И против всех этих злодеев борется Соппротивление во главе с Додо и Гусеницей. Что-то похожее позже показал Тим Бартон в своей версии продолжения рассказанной Кэрроллом истории, но, при всем уважении к мастеру, до отвязности, полета фантазии и загруженности интриги, продемонстрированным в мини-сериале,

работе Бартон далеко.

В декабре 2011 года SyFy (так теперь называется Sci-Fi Channel) обещает показать результат переосмысления Уиллингом еще одного произведения детской классики - «Питера Пэна» Джеймса Барри. И вновь это будет не прямая экранизация, правда, на сей раз - и не продолжение, а приквел. В представлении Уиллинга Питер - живущий в викторианском Лондоне беспризорный мальчишка-карманник из банды, возглавляемой Джеймсом Крюком. Однажды в руки малолетних воришек попадает магический артефакт, который переносит их в волшебную страну Нетинебудет, где пираты сражаются с индейцами, а дети не взрослеют...

...Кажется, скоро у канала SyFy будет новый сериал-рекордсмен по количеству зрителей.

Сергей ЦВЕТКОВ

СТИВЕН БАКСТЕР

ПРОЕКТ «ГАДЕС»

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

1.

*31 октября 1960 г.,
воскресенье,
22:10*

Клер остановила мотоцикл у «Приюта конокрада» и заглушила двигатель. Потом она сняла шлем и надела полицейскую фуражку. Осенний вечер был холодным и темным, как чернила; с пустошей со стоном налетали порывы пронизывающего ветра. Когда она толкнула дверь паба, ее на мгновение ослепил яркий свет. В лицо ударила волна густого, теплого воздуха, в который вплетались запахи, пота, табачного дыма и кислая вонь пролитого пива. Стены слегка вибрировали от басовых гитарных аккордов, пущенных через включенный на полную мощность усилитель, - сегодня посетителей развлекали Джонни Кидд и его «Пираты». Клер решительно выдохнула и вошла.

Тотчас навстречу ей бросился один из клиентов; в одной руке он держал полупустую пивную, кружку, другая была вытянута в направлении груди Клер.

- Эй, парни, берегитесь! Здесь женщина-полицейский! - завопил он.

- Полегче на поворотах, Бонни, - осадил его Клер. - И убери свою ручонку, иначе я засуну ее тебе так глубоко, что ты сможешь достать до собственных миндалин.

Пьянчуга попятился.

- Прошу прощения, мисс. Я не имел в виду ничего такого!..

- Ладно, вали... - Клер огляделась и тотчас заметила знакомую фигуру. Раздвигая толпу, к ней шагал Уинстон Стаббинс - высокий, худой, серьезный молодой человек, одетый в куртку с капюшоном и тяжелые башмаки.

- Привет, Клер. Я бы угостил тебя пинтой ньюкаслского темного, но ты, наверное, откажешься?

- Я...

- ...На службе. Это мы видим.

- Надеюсь, вы не собираетесь устраивать мне неприятности, Уинстон? Ни ты, ни твои полупьяные фрондирующие приятели... Я здесь для того, чтобы обеспечивать спокойствие и порядок.

- Спокойствие и порядок? Да ты что, смеешься?! О каком спокойствии может идти речь, если сегодня ночью буквально в одной миле от этого чертова паба рванет самая мощная ядерная бомба из всех, что когда-либо испытывали в Европе?

- На инструктаже нам говорили, что это совершенно безопасно.
- Безопасно? А тебе известно, что залегающие в нашей местности геологические пласты...
- ...Отличаются некоторой нестабильностью? Да. - Клер кивнула.
- Значит, ты читала мои письма и обращения?
- Мой сержант меня заставил. Я, правда, ничего в них не поняла. А главное, мне до сих пор не ясно, с чего ты взял, будто превзошел всех этих яйцеголовых умников - правительственных экспертов?
- Они далеко, а я здесь. Вот в чем дело. И кроме того, эта военная база - американская, а американцы говорят нам далеко не все. Высокий, худой мужчина в форме американской армии протиснулся к ним сквозь толпу.
- Мне слышалось, здесь кто-то упоминал моих соотечественников? - осведомился он. - Добрый вечер, Клер.
- Для тебя, Бакс, я - полицейский констебль Бейнс. Уинстон вытаращил глаза.
- Бакс? Вас и вправду зовут Бакс, сержант Грейди?
- Точно так же, как тебя вправду зовут Уинстон Кристофер Стаббинс. Честно говоря, я тоже не в восторге от ваших английских имен. Клер рассказывала мне о тебе: давний бойфренд с шилом в заднице, недоверчивый и подозрительный, так?
- Уинстон никогда не был моим бойфрендом, - поправила Клер. - И я только что пыталась объяснить ему: испытания совершенно безопасны.
- Так и есть, Уинстон. Быть может, Олдмур - *американская* база, но проект «Гадес» - *британская* военная программа и по замыслу, и по управлению. Во всяком случае, в руководстве проекта ваших и моих соотечественников примерно поровну.
- Чепуха.
- Извини, Бакс, но у Уинстона зуб на американцев. Во время войны его мать была «американской невестой», - снова пояснила Клер.
- Это здесь абсолютно ни при чем! - с горячностью возразил Уинстон.
- Послушай, Уинстон, - сказал Бакс, - я здесь вроде агента по связям с британской общественностью. Вот почему я сижу не на базе, а в пабе. И поверь, я делаю это вовсе не ради пива... Возьми мою визитную карточку и позвони завтра утром, о'кей?
- А какой смысл? К утру бомба будет уже взорвана.
- Вот упрямый-то, а, Клер? - сказал Бакс.
- Просто целеустремленный, всецело преданный одной идее человек. Это большая разница, - ответила констебль.
- Бакс Грейди покачал головой.
- Ну и толпу ты собрал, Уинстон. Кто они? Олдермастонцы? Активисты

Движения за ядерное разоружение?*¹¹

- Есть и они, но в основном здесь собрались местные. Их, как вы понимаете, последствия испытаний особенно беспокоят.

- И кажется, вашего полку прибыло. Вон там, за дверями, еще одна парочка. Видишь их, Клер? Старикан в древнем макинтоше и роскошная молодая девица... Что-то они не похожи на местных. Может, это репортеры?

- Репортеров мне только не хватало! - вздохнула Клер.

* * *

Чепмен Джонс захлопнул дверцу министерского автомобиля. Где-то кричала сова, завывал ветер. Автомобиль отъедал, и его задние фонари растаяли во мраке. Джонс вздрогнул и плотнее закутался в свой теплый, но старомодный макинтош с поясом.

- Значит, это и есть Олдмур. Да еще в канун Дня всех святых. Странное место и странное время.

Тельма Беннет заглянула в окно паба.

- Они там все одеты в черное. Это, наверное, похороны?

- Нет, просто мода такая. Не обижайтесь, Тельма, но ваши сверстники, все ваше поколение, до старости обречены носить черные джемпера с высоким воротом. Я даже рад, что мне далеко за пятьдесят.

- Значит, и здесь, в Нортумберленде, местные жители следуют моде... Может, мы вообще напрасно сюда приехали?

Джонс покачал головой.

- Сообщения об аномальных явлениях, поступившие из этого района, показались мне достаточно интересными, а главное - заслуживающими доверия. Именно поэтому я и притащил вас сюда из Лондона.

Над их головами с грохотом пролетел военный вертолет. Он шел так низко, что оба невольно вздрогнули. Джонс проводил взглядом исчезающие в ночи проблесковые огни.

- Я думаю, это тоже как-то связано с происходящим, - негромко сказал он. - На самом деле через эту тихую сельскую местность проходит один из фронтов холодной войны. Понятно, что люди нервничают и боятся.

¹¹ * «Движение за ядерное разоружение» - организация английских сторонников мира; ее основное требование - запрещение испытаний и применения ядерного оружия; члены организации принимают участие в Олдермастонских походах по маршруту Лондон - Олдермастон, где находится научно-исследовательский центр атомного оружия. (Здесь и далее прим. перев.)

С неба донесся еще один громкий, резкий звук. На этот раз он походил на пронзительный вопль, и оба снова поморщились. Подняв голову, Джонс разглядел в вышине странное облако почти правильной округлой формы, плавно, но быстро скользившее по небосводу.

- Вы видите? - спросила Тельма. - Что это? Оно, кажется, светится...

- И похоже, следует за вертолетом.

- Какое-то инверсионное явление?

- Сомнительно. - Джонс снова покачал головой. - Может быть, шаровая молния или что-то, связанное с плазмой? Вы заметили, оно имело форму слегка приплюснутой сферы?

- Да. И еще мне показалось, что в центре облако было плотнее, чем по краям. Наверное, у него слоистая структура, как у луковицы. А вообще, оно смахивает на большой глаз.

- Этакий небесный соглядатай?.. Странно. Впрочем, именно так эти объекты описывали в сообщениях. Что ж, по крайней мере у нас есть чем заняться. А теперь пошли внутрь...

* * *

В дверях паба их поджидала молодая женщина-констебль - не слишком высокая, но аккуратно причесанная, подтянутая, с четкими, уверенными движениями. Приветливо улыбнувшись вошедшим, она сказала:

- Здравствуйте, проходите. Чем могу служить?

Джонс ухмыльнулся.

- Не припомню, чтобы сотрудник полиции приглашал меня в паб. Как правило, полицейские предлагали мне побыстрее выметаться...

- Кажется, сейчас не время для шуток, Джонс, - вмешалась Тельма. - Добрый вечер, мисс. Меня зовут Тельма Беннет, а это - доктор Чепмен Джонс. А вы?..

- Констебль Бейнс, жетон номер 534. Вы приехали для участия в манифестации протеста?

- О нет, - отозвался Джонс. - Мы из Министерства обороны, проверяем сообщения о различных аномальных явлениях.

Бейнс ухмыльнулась:

- Вы имеете в виду «летающие блюдца»?

Джонс вздохнул.

- Что за манифестация протеста? - поинтересовалась Тельма.

Тем временем к ним приблизился долговязый молодой парень, за ним - мужчина постарше в форме американской армии.

- Против испытания ядерной бомбы, - резко выступил парень. С

женщиной-констеблем его объединял выговор типичного джорди*¹² - местного уроженца. Джонсу показалось, что он чем-то взволнован.

- Проект «Гадес», - подсказал американец. - Так окрестили международную программу подземных термоядерных взрывов.

- Одну из этих бомб собираются взорвать буквально в двух шагах отсюда, в старой заброшенной шахте в долине, которую у нас окрестили Могилей Люцифера. Подходящее название, верно?

- Простите, нас, кажется, не представили, - напомнила Тельма.

Солдат слегка поклонился.

- Сержант Бакс Грейди, армия Соединенных Штатов. А это - Уинстон... э-э-э...

- Уинстон Стаббинс.

Тельма снова назвала себя и Джонса.

Бакс улыбнулся.

- Итак, доктор Джонс, вы проделали столь долгий путь и приехали сюда, в северную Англию, чтобы...

- Хотите знать, не доставлю ли я вам неприятностей, сержант?

- Каких неприятностей?! - вмешался Уинстон. - Всем этим людям вовсе не хочется, чтобы сверхмощная мегабомба взорвалась буквально у них под ногами. Фермерские овцы на будущий год будут ягниться; шахтеров беспокоит безопасность в шахтах, да и остальные...

Бакс ухмыльнулся еще шире.

- Наш юный друг, похоже, считает, что если мы взорвем эту бомбу, вся планета лопнет, как воздушный шарик. Я прав, Уинстон?

Уинстон нехорошо оскалился.

- Глубинные геологические пласты в этом районе крайне нестабильны. Вы не ведаете, что творите!

- А вы ведаете? - осведомился Джонс. - Вы геолог, Уинстон?

- Он шахтер, - ответила за юношу Клер. - И геолог. Геолог-самоучка. Оставьте его в покое, Бакс, слышишь?

- Ничего не имею против самоучек, - заметил Джонс. - Я и сам много занимался самообразованием. Скажите пожалуйста, Уинстон, как далеко отсюда находится эта ваша Могила Люцифера?

- Недалеко. Можно идти пешком.

- А когда начнутся испытания?

- Взрыв назначен на полночь.

Джонс бросил взгляд на часы.

- В таком случае, время у нас есть. Не могли бы вы, Уинстон, подробнее рассказать мне о том, что вам известно?

- И вы готовы меня выслушать? Шутите!

¹² * *Джорди* - прозвище жителя или уроженца графства Нортумберленд, особенно Тайнсайда; шахтер-угольщик.

- Вовсе нет. Я серьезен как никогда. Мы, собственно, и приехали сюда, чтобы исследовать все необычное.
- Я, пожалуй, останусь здесь, в тепле, - сказала Тельма и добавила: - Если вы не против, доктор.
- В таком случае, мэм, позвольте угостить вас стаканчиком хереса, - галантно предложил Бакс.
- С удовольствием соглашусь.

* * *

Командный центр проекта «Гадес» был погребен глубоко под казармами, спортивными площадками и взлетно-посадочными полосами Олдмурской военной базы. Сегодня в бункере было особенно шумно. Гудение многочисленных вентиляторов и насосов эхом отражалось от металлических стен, в него вплетались писк осциллоскопов, стрекот телетайпов, шипение прерываемых статикой радиоголосов.

Пятидесятилетий Джон Тримейн, одетый в поношенный твидовый костюм, выглядел на редкость неуместно в этом стальном убежище среди военных мундиров и перемигивающихся пультов, за которыми сидели солдаты-операторы, и тем не менее все вокруг было воплощением именно его замысла, его мечты.

Коммодор Королевских военно-воздушных сил Великобритании*¹³ Альфред Годвин наклонился к монитору, чтобы расслышать, что передавали спрятанные в пабе крошечные телекамеры. Высокий, по-военному прямой, с благородным, мужественным лицом и гладко зачесанными назад черными волосами, он был немного моложе Тримейна.

- По крайней мере, картинка достаточно отчетливая, - констатировал Годвин. - Поллюбитесь-ка хотя бы на этого клоуна в музейном макинтоше, который только что вышел из паба. Из него уже песок сыплется, а туда же!..

- Эти люди просто хотят выразить свой протест, коммодор, - сказал Тримейн. - Они беспокоятся, и такая реакция вполне понятна. Кстати, это законно - подглядывать и подслушивать в английском пабе?

- Быть может, это и американская база, но я - высший офицер британских ВВС, что в соответствии с командной структурой НАТО автоматически делает меня старшим командиром. Я обязан обеспечить безопасность объекта и ради этого могу делать все, что

¹³ * Коммодор - воинское звание в Королевских военно-воздушных силах и флоте Великобритании (промежуточное между полковником и генерал-майором), примерно соответствует бригадному генералу.

сочту нужным.

В зал вошел Джозеф Краун с планшеткой под мышкой.

- Демонстранты не ворвутся на базу, коммодор. И близко не подойдут, - сообщил он почти весело. Майор армии США Краун командовал американским персоналом базы, в том числе охранявшим ее батальоном пехоты, а также был основным посредником между Годвином и американским командованием.

Коммодор нахмурился.

- Разве ваши люди патрулируют территорию вокруг ограждения?

- Нет, сэр, но снаружи периметр охраняет подразделение регулярной армии Великобритании. Кроме того, с демонстрантами работает и местная полиция.

- Видел я эту «местную полицию», - проворчал Годвин. - Прислали какую-то соплячку!.. Зато командир британского подразделения капитан Филлипс производит впечатление человека стойкого и дисциплинированного. Думаю, он со своей задачей действительно справится. У него довольно большие полномочия.

- Большие полномочия? - вмешался Тримейн. - Насколько большие, хотел бы я знать? Имейте в виду, коммодор, я начал это дело вовсе не для того, чтобы кто-то пострадал. И если остановить демонстрантов без насилия будет невозможно, я предпочел бы...

- И что бы вы сделали? Сейчас любая отсрочка отбросит нас на месяцы назад. Это ваше детище, Тримейн, и вы не имеете права колебаться. Проект «Гадес» способен положить конец холодной войне и открыть перед человечеством невиданные доселе перспективы. Так, во всяком случае, вы всегда говорили. Я же только стараюсь, чтобы ни вам, ни нам ничто не мешало.

- Я уверен, джентльмены, все обойдется мирно, - вставил Краун. - Никто не пострадает.

- Кто знает... - Годвин показал на экран. - По-моему, мистер Макинтош направляется сейчас напрямик к Могиле Люцифера. А ведь именно там находится наша бомба.

* * *

Пространство пустошей оказалось довольно неровным, и Джонс был рад, что Уинстон захватил фонарик. Они довольно быстро шагали на запад, держа курс на едва заметное желтоватое свечение натриевых фонарей, отмечавших местоположение Олдмурской базы. Чуть ближе и правее Джонс заметил несколько ярко горящих прожекторов; очевидно, решил он, это и есть штольня с бомбой.

- Мне показалось, констебль Бейнс к вам равнодушна, - заметил Джонс. - Во всяком случае, в пабе она за вас вступилась.

- Клер? Мы вместе выросли. Она очень милая девушка, даже несмотря на ее работу, но сейчас мы находимся по разные стороны баррикад.

- Я так не думаю. Насколько я успел заметить, вы оба пытаетесь предотвратить любые возможные неприятности и... Просто у каждого из вас свои методы. Расскажите мне лучше о Могиле Люцифера, Уинстон.

- Видите вон те прожектора? Американцы заложили бомбу прямо в Могиле - в старой, но очень глубокой шахте. Сама Могила представляет собой довольно глубокую долину, заполненную острыми каменными глыбами. Местные легенды гласят, что именно сюда упал низвергнутый с Небес денница.

- Гм-м... На мой взгляд, больше похоже на ледниковую морену.

- Так и есть. Именно здесь, кстати, проходит стык между шотландскими базальтами и нортумберийскими песчаниками.

- Ты... Можно на «ты», Уинстон? Ты, я вижу, свое дело знаешь. Действительно, именно в этом районе Шотландия когда-то врезалась в Англию, что породило значительные напряжения глубинных пластов. Но почему ты решил, что этот район геологически нестабилен?

- Сейсмоактивность, - коротко пояснил Уинстон. - Я уже много лет провожу наблюдения.

Джонс с сомнением покосился на него.

- Много лет?.. А на вид тебе не больше двадцати!

- Мне девятнадцать, но... Просто я увлекся геологией, с тех пор как мой дядя впервые взял меня с собой в шахту. Мне тогда исполнилось четырнадцать.

- Дядя? Не отец?

- Я рос без отца.

- А где ты взял сейсмограф?

- Сделал.

- Сделал? Сам?!

Уинстон засмеялся.

- Это было нетрудно. Пьезоэлектрический кристалл из проигрывателя улавливал колебания, а барабан вращал механизм старого будильника. Кстати, в качестве регистрационной ленты я использовал туалетную бумагу. Пришлось, конечно, повозиться, чтобы сделать прибор достаточно чувствительным, но потом я додумался смастерить несколько сейсмографов и расположить их так, чтобы охватить район побольше.

- И все это одновременно с учебой и работой в шахте?

Уинстон пожал плечами.

- Я даже не сдал экзамены по программе средней школы - меня выперли раньше. Мама считает меня человеком конченным. - Он бросил на спутника неуверенный взгляд. - Вы смеетесь надо мной,

доктор Джонс?

- И не думаю. Напротив, я считаю, что ты во многих отношениях весьма необычный молодой человек. Однако давай вернемся к Могиле Люцифера...

- В данных, полученных с помощью моих сейсмографов, я заметил любопытные закономерности. Такое ощущение, что Могила является своего рода центром, от которого исходят какие-то колебания. Как будто там, под землей, ворочается что-то живое, только я понятия не имею, что именно.

- Но ты считаешь, что этот вопрос стоило бы выяснить, прежде чем взрывать супербомбу?

- Вы совершенно правы, доктор.

За разговором они добрались до края долины и вскоре уже вступили на освещенное светом прожекторов пространство. Мгновение, и им в лица ударил яркий луч еще одного фонаря.

- Стой!

Доктор Джонс заслонил лицо рукой.

- Кто вы такие? Уберите ради всего святого ваш фонарь! И пусть ваш солдат перестанет в меня целиться!

- Уберите пистолет, сержант. Прошу прощения, сэр, я - капитан Роберт Филлипс, Колдстримский гвардейский полк. А кто вы такой?

* * *

Собравшиеся в «Приюте конокрада» местные жители шумели все громче, и Бакс Грейди с усмешкой сказал:

- Похоже, ваши парни достаточно разогрелись; того и гляди устроят марш протеста.

- Да, сейчас мы все пойдем к Олдмурской базе и хором споем там «Блейдонские скачки»^{*14}. После этого водородная бомба, конечно, не взорвется.

Тельма улыбнулась.

- Я уверена, вы справитесь, констебль Бейнс. Можно мне пойти с вами?

- Сделайте одолжение. Возможно, в вашем присутствии шахтеры станут меньше дышать мне в лицо пивом и хватать за задницу.

Впрочем, когда собравшиеся вышли на улицу, не по-осеннему холодный ночной воздух слегка остудил даже самые хмельные головы. Надвинув пониже шапки и плотнее закутавшись в пальто,

¹⁴ * «Блейдонские скачки» - неофициальный гимн Тайнсайда, в т. ч. местных футбольных и регбийных команд, а также марш полка Нортумберлендских стрелков.

демонстранты построились в некое подобие колонны и зашагали на запад. Громкие разговоры постепенно стихали, и только пар от дыхания десятков людей поднимался над идущими.

* * *

Ветер донес до Джонса слова команд, усиленные громкоговорителем. Рядом встрепенулся Уинстон.

- Испытания начнутся совсем скоро. Нам нужно...

- Нет. - Капитан Филлипс заступил ему дорогу. - Прошу прощения, джентльмены, но дальше вам нельзя. - Какой-то новый звук отвлек его, и капитан поднял голову.

Протяжный вопль, напоминающий вой ветра в телеграфных проводах декабрьской ночью, разнесся над пустошью, и в туманной мгле над их головами быстро скользнул какой-то шарообразный предмет, странно похожий на огромный глаз.

- Доктор Джонс! - почти выкрикнул Уинстон. - Вы видите это? Видите?!

- Разумеется. Больше того, я уже наблюдал подобную штуку совсем недавно. И слышал тоже. У меня сложилось впечатление, - чисто субъективное, конечно, - будто она патрулирует долину и окрестности. Собственно говоря, ради нее я и приехал. За последние годы из вашей местности поступило немало сообщений о появлении в небе неопознанных летающих объектов, причем сообщений не от специалистов или от психов, а от рядовых граждан. Да, многие из них боялись выставить себя в глупом виде и тем не менее сообщили об увиденном в полицию или в местные газеты, считая это своим долгом. Впоследствии подобные сообщения - отсортированные и просеянные - легли на мой стол на Уайтхолл*¹⁵, и вот я здесь. - Джонс немного помедлил, - Вы тоже видите *это*, Капитан Боб?

- Возможно, это просто рудничный газ, метан. Говорят, он светится в темноте.

- Ну-ну, капитан! - фыркнул Джонс. - Все официальные объяснения я знаю наизусть, и получше вашего.

- Вы сказали, что уже наблюдали такую штуку раньше, - вмешался Уинстон. - Когда именно?

- Вскоре после своего приезда сюда. - Джонс бросил взгляд на часы: до полуночи оставалось совсем немного. - Это было примерно полтора час назад.

- Я так и думал!

- Вот как? А можно узнать почему? Или ты наблюдал и за НЛО тоже?

¹⁵ * Уайтхолл - улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения.

- Об этих летающих штуках в наших краях сложено немало легенд. Местные называют их Гренделями.

- По имени чудовища из «Беовульфа»?

- У меня такое чувство, что это название даже древнее, чем сама поэма. Люди видят Гренделей уже много веков. И появляются они достаточно регулярно, причем с периодичностью в девяносто минут, не больше и не меньше.

- Ты уверен? Но почему именно девяносто минут?

- Космические корабли! - неожиданно выпалил Филлипс.

- Что вы сказали, Капитан Боб?

Роберту Филлипсу было на вид не больше тридцати; он был высок ростом и казался немного неуклюжим. Его узкое, бледное лицо украшали большие закрученные усы. Сейчас он, похоже, жалел о том, что вообще заговорил.

- Я, видите ли, давно интересуюсь всем космическим - спутниками и тому подобным... По-любительски, конечно, - смущенно пояснил он. - В Кембридже мы все увлекались Отважным Дэном и профессором Куотермесом*¹⁶, так что...

- О боже!..

- Вот почему, как только вы сказали - девяносто минут, я сразу подумал о космических кораблях. Разве не столько времени требуется, чтобы облететь Землю по орбите?

- Вы совершенно правы. Что ж, будем считать вашу догадку... одной из вероятных гипотез.

- Но что это значит? - спросил Уинстон.

- Этого я не знаю, пока не знаю. И тем не менее ты был прав: что бы здесь ни происходило, Олдмурская военная база - не самое удачное место для экспериментов с термоядерным оружием.

- Подобные разговоры, доктор Джонс, могут довести до беды, - предупредил капитан Филлипс. - И я думаю, было бы гораздо лучше, если бы вы... гм-м... вернулись туда, откуда приехали.

Но Джонс пропустил эти слова мимо ушей. До его слуха донеслись какие-то голоса, и, обернувшись, он увидел приближающуюся толпу людей с фонариками в руках.

Уинстон ухмыльнулся.

- Слишком поздно, капитан, вам не кажется?

* * *

¹⁶ * *Отважный Дэн, профессор Куотермес, а также Капитан Боб - герои популярных в 1950-х гг. британских научно-фантастических комиксов и телесериалов.*

Голоса демонстрантов, доносящиеся из динамиков в подземном командном центре, обладали неприятным «жестяным» тембром, но слова разобрать было можно.

- Вы уже начали обратный отсчет, Тримейн? - спросил Годвин.

- Да, коммодор, все в порядке. Но происходящее снаружи меня очень беспокоит.

- Я уверен, британские власти сумеют предупредить любые неприятные неожиданности.

- Я не об этом. Ведь нам здесь ничто не грозит, даже если с бомбой что-то пойдет не так, но эти люди...

- Не нужно становиться на пути науки, - сердито бросил Годвин. - Кроме того, позвольте вам напомнить, профессор, что сегодняшние испытания как раз и проводятся для того, чтобы защитить этот сброд в случае нападения коммунистов или китайцев.

- Защитить? - Тримейн поднялся, резким движением отодвинув стул. - Защитить любой ценой, пусть даже для этого придется убить некоторых из них?!

- Куда это вы собрались, профессор?

- Я хочу попробовать убедить бунтовщиков в важности нашего проекта. Быть может, тогда они разойдутся сами. - Тримейн шагнул к двери. - А вы делайте, что должны, коммодор.

- Он довольно упрям, этот ваш профессор, - заметил Краун, до сих пор хранивший молчание.

- Ох уж мне эти ученые гуманисты-утописты! Скорей бы их всех заменили компьютерами. Выпустите его наружу, иначе он не успокоится, но обратный отсчет не останавливайте. Вы поняли, майор?

- Хорошо, хорошо, но, мне кажется, будет лучше, если я пойду с ним.

* * *

Обстановка у периметра базы быстро накалялась. Так, во всяком случае, подумал Джонс. Мельтешащие во тьме лучи карманных фонариков мешали ему сосредоточиться, где-то высоко над толпой раздавался далекий стрекот вертолета, но Джонсу вдруг показалось, что он слышал донесшийся из рупоров системы наружного оповещения базы обрывок фразы:

- ...Десять минут.

Неожиданно рядом с ним оказалась Тельма, следом подошли Клер Бейнс и сержант Грейди.

- А-а, Тельма... Неужели в пабе закончился «Бейбишэм»?*¹⁷

¹⁷ * «Бейбишэм» - фирменное название газированного грушевого сидра.

- Я так и знала, Джонс, что вас кто-нибудь арестует.
 - Меня пока никто не арестовывал, но до утра еще полно времени.
 - Я вижу, Уинстон тоже здесь, - сказала Клер. - Надеюсь, капитан Филлипс, он вел себя прилично?
 - Вы знакомы? - Казалось, Уинстон был неприятно удивлен. - Как это удобно...
 - При чем здесь удобно - не удобно? Просто сегодня мы работаем вместе - обеспечиваем порядок в проблемном районе. - Клер слегка нахмурилась. - Нравится тебе это или нет, но здесь твой игрушечный марш протеста заканчивается. Дальше никто из вас и шагу не сделает.
 - Что теперь, Джонс? - спросила Тельма.
 - Этот молодой человек - Уинстон - проделал просто потрясающую работу и собрал интереснейшие материалы, но нам по-прежнему необходимо узнать, что происходит здесь на самом деле. Здесь - это значит и на земле, и под землей. А для этого мы в первую очередь должны помешать взорваться этой чертовой бомбе - если сумеем, конечно.
 - И как вы предлагаете это сделать?
 - Можно попробовать пройти на базу и использовать мой авторитет...
 - Должен предупредить вас, сэр, что как только вы пересечете внешний периметр базы, я вынужден буду арестовать вас за попытку проникновения на объект Министерства обороны, - сказал капитан.
 - Вы говорите - «попытка проникновения» и совсем не думаете о мощном термоядерном устройстве, которое вот-вот взорвется прямо у вас под ногами?! Черт побери, как это по-британски! Кроме того, Капитан Боб, я сам работаю в Министерстве обороны.
 - Но охрану объекта несет американская армия. Один шаг за ограждение - и вам просто-напросто задницу отстреляют. Правда, это будет уже не по-британски, не так ли? - сказал Грейди.
- Уинстон усмехнулся.
- Не бойтесь его, доктор Джонс. Вы здесь не один. Эй, парни, вперед!..
- В ответ на его призыв из толпы послышались крики, и демонстранты снова зашагали по направлению к базе.
- Ну, довольно! - воскликнул Филлипс. - Да уберите же пистолет, сержант, что вы размахиваете им, словно волшебной палочкой?! Вы, Джонс, попадете на территорию базы, только если велите всем этим людям отойти на пятьдесят ярдов от проволочного ограждения и остановиться. А вам, констебль Бейнс, я бы рекомендовал вызвать подкрепление. Ну, готовы? Шагом марш!..

* * *

Краун и Тримейн стояли сразу за забором базы. Ропот толпы уже

перекрывал и шум вертолетных винтов наверху, и доносящийся из громкоговорителей голос, отсчитывавший оставшиеся до взрыва минуты.

- Надеюсь, вы отвечаете за свои действия, профессор, - сказал майор.

- В цивилизованном обществе, Краун, главными всегда были и остаются диалог и здравый смысл.

- Ну, как хотите, профессор. Я тоже не прочь предоставить решение этой проблемы британским властям, но если они не справятся, мои парни тут же вмешаются. И тогда мы будем действовать в соответствии с приказом. Это ясно?

- Абсолютно, майор.

- Ну вот, к нам уже идут. Черт побери, это еще кто?..

Джонс, шагая быстро и решительно, приблизился к ограде. Дерзость и напор он всегда считал наилучшей тактикой.

- Кто здесь главный? - спросил он, всматриваясь в лица стоящих перед ним мужчин.

Один из них, тот, что был постарше и в гражданской одежде, выступил вперед.

- Это непростой вопрос - с философской точки зрения, разумеется.

- С философской, говорите?.. Я доктор Чепмен Джонс. А вы?..

- Профессор Джон Тримейн, сотрудничаю с Управлением новейших разработок Министерства обороны.

- Мы тоже работаем в министерстве, профессор, - сказала Тельма, подходя ближе. - В Восьмом отделе. Слышали, наверное?..

Тримейн уставился на нее.

- «Охотники за летающими блюдами»? О, только не это!

- Подземный термоядерный взрыв - это ваша идея, профессор? - раздраженно перебил Джонс.

- Можно сказать и так. Я разрабатывал проект совместно с...

- Так вот, вы должны немедленно остановить испытания. Если, конечно, еще не поздно.

- Могу я узнать почему?

- Потому что геологическое строение Земли в этом районе не отличается достаточной стабильностью. Сейчас оно находится в некотором подобии равновесия, но его очень легко нарушить, и тогда... Никто не знает, что случится тогда, но одно очевидно: прямо под нашими ногами находится потенциальный очаг сейсмической активности.

- И вы, несомненно, можете как-то подтвердить ваше неожиданное заявление?

- Конечно. Уинстон, иди сюда!

Уинстон рысцой приблизился. Он тяжело дышал, но скорее от волнения, чем от бега. Губы его расплывались в глуповато-счастливой

улыбке.

- Кто этот молодой человек? - спросил Тримейн.

- Уинстон Стаббинс к вашим услугам, сэра.

- Ваше имя меня мало интересует, юноша. Откуда вы и какую научную школу представляете? Кембридж, Лондон или, может быть, Геологический институт?

- В настоящий момент Уинстон работает со мной, - вмешался Джонс. - А вообще он... гм-м... независимый эксперт и, похоже, очень неплохой. У него есть неоспоримые доказательства того, что...

- Предъявите мне эти доказательства! - перебил Тримейн.

- Они у меня дома, - сказал Уинстон, неловко переминаясь с ноги на ногу. - Целый сундук доказательств. Правда, они записаны на рулонах туалетной бумаги, но...

- На туалетной бумаге? Это что, шутка? - холодно осведомился Тримейн.

Вибрирующий вой в очередной раз разнесся над долиной, и в темном небе мелькнул тусклый светящийся шар.

- Еще один! - воскликнула Тельма. - Хотела бы я знать, что это такое!

- Посмотрите наверх, профессор, - поддержал ее Джонс. - Вам известно это явление? Не может ли случиться, чтобы кто-то крайне интересовался вашей базой и вашими экспериментами?

- Понятия не имею. - Тримейн пожал плечами. - А вам что-то известно?

- К сожалению, нет. Пока нет. Но ведь не я собираюсь взрывать эту бомбу.

- Все это чушь, - отрезал Тримейн. - Что вы мне бормочете о какой-то сейсмической активности, да еще ссылаетесь на знамения с неба? Молодой человек, вероятно, начитался научной фантастики, но вы-то...

- Хорошо, - вздохнул Джонс, начиная терять терпение. - Но ведь можете же вы подождать, пока мы не добудем вам другие доказательства?

- Я-то могу подождать, Джонс, но прогресс ждать не станет. У него свое расписание.

- И вы готовы рискнуть жизнями всех этих людей ради прогресса?.. Ага, Тримейн, я вижу, в вас проснулась совесть. Как ни странно, у вас подобных почти всегда есть совесть или, по крайней мере, какие-то понятия о порядочности. Вечная дилемма: ученый и война. Архимед, Леонардо, Оппенгеймер и... Тримейн. Я угадал?

- Я не стану останавливать обратный отсчет, сэра. С вами я только теряю время. - Тримейн с разочарованным видом повернулся и зашагал к воротам.

Уинстон тоже был недоволен и обеспокоен. Люди позади него начинали терять терпение; на холоде многие успели протрезветь, и на смену эйфории пришла угрюмая подавленность. Британские солдаты

нервно ощупывали оружие, не зная, как будут разворачиваться события дальше.

- До взрыва осталась одна минута! - донеслось из громкоговорителей системы наружного оповещения. - Повторяю, до взрыва осталась одна минута. Начинаем посекундный отсчет. Пятьдесят девять... Пятьдесят восемь...

Джонс бросил взгляд на часы.

- Одна минута до полуночи!.. Как символично, что кто-то решил вскрыть могилу дьявола в канун Дня всех святых!

- Что будем делать, Джонс? - спросила Тельма.

- Нам нужна дополнительная информация. Где здесь ближайшая библиотека?

- В Ньюкасле, я думаю. А что?

- Возьмите Уинстона и поезжайте туда. Найдите мне все, что только можно, по геологии района, в особенности сейсмические данные, отчеты, графики и прочее. У Уинстона есть свои собственные сейсмограммы за несколько лет - захватите и их тоже. Кроме того, меня интересуют сообщения, легенды, сказки об этих Гренделях. Словом, все, что попадется, все тащите сюда.

- И как, интересно, мы попадем отсюда в Ньюкасл, да еще в такую поздноту?

Уинстон ухмыльнулся.

- Я что-нибудь придумаю.

- После того как эта проклятая бомба взорвется, у нас, я думаю, будет еще полтора часа, прежде чем оно - что бы это ни было - отреагирует. Постарайтесь вернуться до этого срока.

- Полномасштабный исследовательский проект - и всего-то за девяносто минут минус время на дорогу? - пробормотала Тельма. - А что в это время будете делать вы, Джонс?

- Я останусь здесь и постараюсь собрать как можно больше информации на месте. То есть придется каким-то образом проникнуть на эту идиотскую базу, точнее - в бункер.

- Но, Джонс...

- Не тратьте время, отправляйтесь! - И Джонс, скрываясь в тени, побежал следом за удаляющимся Тримейном. Почти сразу он услышал, как кто-то окликает его по имени, и узнал голос Клер. Она бежала быстрее и догнала его почти сразу.

- Тримейн, именем закона остановитесь!

- *Ноль!* - донеслось из репродуктора.

Грохот ядерного взрыва был похож на хлопок двери где-то глубоко под землей.

2.

1 ноября 1960 г.,
понедельник,
00:12

Джонса и Клер провели между наземными постройками базы (Джонсу показалось, что он различает в полумраке даже корт для софтбола) и заставили спуститься по длинной железной лестнице в подземный бункер - огромную стальную пещеру, между толстыми стенами которой метались звуки сирен и звонков, вздохи тяжелых механизмов и глухое эхо недавнего взрыва. Типичное противоядерное убежище, подумал Джонс, шагая вслед за провожатыми (конвоирами?) по длинным, хорошо освещенным коридорам. Наконец их ввели в какую-то небольшую комнату с голыми стенами, и Бакс Грейди встал у дверей, положив руку на кобуру.

Джонс вздохнул.

- Веселенький Хэллоуин получается. Эй, у кого-нибудь найдется пирог с тыквой?

- Не лезьте на рожон, Джонс, - предостерег его Грейди.

Тот хотел что-то ответить, но тут в комнату вошел рослый офицер - коммодор, судя по обилию золотых нашивок и прочих знаков различия. За ним появились Тримейн и незнакомый американец в форме.

- А-а, Тримейн! - окликнул ученого Джонс. - Кто это с вами? И чего ради этот парень навешал на себя столько золотой мишуры? До Рождества, кажется, еще далеко.

- Это коммодор Годвин. Он здесь всем командует, так что держите ваши шуточки при себе, Джонс.

- Майор Джозеф Краун, армия США, - сказал американец. - Представитель американского командования на Олдмурской базе. А вы, сэр?

- Это доктор Чепмен Джонс... - сказала Клер.

- Из Восьмого отдела Министерства обороны, - закончил Джонс.

- И что вам здесь понадобилось? - поинтересовался Годвин.

- Я намерен выяснить, что вы затеваете, коммодор, - сказал Джонс. - И если понадобится, остановить ваши испытания,

Тримейн немедленно ошетинился.

- По какому праву, доктор?! - спросил он.

Коммодор покачал головой.

- Достаньте оружие, сержант, - велел он Грейди.

Бакс заколебался.

- Но, сэр, его удостоверение в порядке...

- Не рассуждать. Делайте, как вам приказано.

Бакс бросил быстрый взгляд на Крауна.

- Выполняйте приказ, - подтвердил майор, и Грейди нехотя достал пистолет.

- В этом нет необходимости, коммодор Годвин, - вмешалась Клер. - Я представляю британскую полицию. Доктор Джонс задержан мною по обвинению в нарушении общественного порядка.

- Такая необходимость есть, - парировал Годвин. - Этот человек только что во всеуслышание признался в намерении помешать нормальному функционированию вверенного мне военного объекта.

- Я полицейский, - повторила Клер, - и не позволю вам угрожать гражданскому лицу.

- Милая девушка, на территорию базы ваши полномочия не распространяются, так что отойдите в сторонку и не мешайте. В противном случае мне придется арестовать и вас тоже.

- Не вмешивайтесь, Клер, прошу вас, - сказал Джонс.

- Я никуда не пойду, - упрямо возразила она.

- Отведите обоих в камеру, - резко скомандовал Годвин, теряя терпение.

И снова Грейди заколебался, но Краун кивком подтвердил приказ.

- Все в порядке, Бакс, исполняйте.

- Прошу прощения, доктор Джонс, извините, Клер... - пробормотал Грейди. - А теперь следуйте за мной.

У порога комнаты Джонс обернулся.

- Похоже, у нас с вами есть о чем поговорить, коммодор. Буду с нетерпением ждать вашего визита.

- Вы превысили свои полномочия, Годвин! - воскликнул Тримейн, когда входная дверь командного пункта затворилась. - Я вынужден буду доложить об этом своему руководству в министерстве.

- Ваше право, - равнодушно пожал плечами Годвин. - А сейчас меня ждут другие дела.

* * *

Тельма Беннет никогда в жизни не ездила на мотоцикле, и пока тяжелая машина с грохотом неслась по темной дороге, она прижималась к Уинстону, словно младенец к матери.

- До Ньюкасла еще минут пятнадцать! - крикнул Уинстон, оборачиваясь через плечо. - Как вы там, Тельма? Нормально?

- Не очень. Кто научил вас водить полицейский мотоцикл?

- Клер когда-то дала мне несколько уроков. Теперь она мне голову оторвет, ведь я угнал ее служебную машину.

- Вы с ней очень близки?

- Клер для меня слишком хороша.

- Напрасно вы так говорите. Кстати, неужели это Клер научила вас

запускать двигатель без ключа зажигания?

- Не совсем.

- Как это понять? Впрочем, я кажется, догадываюсь... Вы непростой человек, Уинстон...

- Жизнь не простая штука, вот в чем дело. Ой!..

Мотоцикл резко вильнул в сторону, всего на несколько дюймов разминувшись со встречным грузовиком, и Тельма ахнула.

- Смотрите лучше на дорогу, Уинстон!

- Извините, мисс.

- Куда мы поедем в первую очередь?

- Ко мне домой, в Гейтшед. Это на другом берегу Тайна. Я должен забрать свои бумажные рулоны. Заодно познакомлю вас с мамой.

* * *

Вокруг базы все как будто успокоилось, хотя Филлипс видел, что демонстранты так и не разошлись. Стремительно трезвея, они собрались небольшими группами и стояли, время от времени дыша в замерзшие ладони.

Вытаскивая на ходу сигареты, к Филлипсу подошел Бакс Грейди.

- Это вы, сержант?

- Да, сэ.р. Здесь все в порядке?

- До известной степени. Не угостите сигареткой, сержант? Благодарю.

- Филлипс вынул сигарету из пачки Бакса, нашарил в кармане спички и с наслаждением закурил. - Отлично! Свои-то я раздал, чтобы немного задобрить местных. Здесь по большей части собрались подвыпившие фермеры, чужих почти нет, но я считаю, они имеют право волноваться. А как вы думаете, сержант? Все дело, по-моему, в ощущении собственного бессилия и невозможности что-то изменить, хотя формально проект осуществляется под британским контролем.

- Да, я уже заметил, что янки в ваших краях не очень-то жалуют.

- Ну, я-то этих предрассудков не разделяю - помню войну с Гитлером, - хотя кое-что меня беспокоит. Те двое гражданских, которые прорвались на базу...

- Я прослежу, чтобы им не причинили вреда, - пообещал Грейди.

- Именно это мне и хотелось услышать, сержант, спасибо. А сейчас спокойной ночи.

- Надеюсь, ночь действительно будет спокойной для нас обоих, капитан.

* * *

Джонс расхаживал по камере из стороны в сторону, и звук его шагов эхом отдавался от стен. Это была именно тюремная камера - крошечная комнатка с алюминиевыми стенами («Все-таки космический век на дворе», - заметил Джонс) и массивной дверью, но вот замок на ней был не слишком сложным.

- Попробую-ка заслужить лавры Чарли Писа*¹⁸, - задумчиво сказал доктор, разглядывая замок.

- Не забывайте, Джонс: вы находитесь под арестом. Только попробуйте прикоснуться к замку, и я буду вынуждена надеть на вас наручники, - предупредила Клер.

- И вы туда же? - Джонс покачал головой. - Извините, мисс, уж вы-то точно не заслужили заточения в подземной тюрьме на американской военной базе. По крайней мере здешнее начальство могло бы обеспечить вас отдельным ведром для отправления естественных надобностей.

Клер поморщилась.

- Успокойтесь, доктор. И пожалуйста, перестаньте расхаживать из стороны в сторону.

- Не могу, констебль. Какое тут может быть спокойствие, когда я буквально чувствую, как уходит драгоценное время!

В замке загремел ключ, и в камеру вошел Тримейн. Дверь за ним тотчас заперли.

- Это кто же такой к нам пожаловал? Коридорная служба? - насмешливо осведомился Джонс и прищурился.

- Знаете, доктор, ваши шутки вовсе не так смешны, как вам кажется, - парировал Тримейн. - И тем не менее я считаю своим долгом извиниться, в особенности перед вами, констебль. Вы были абсолютно правы, настаивая на своем, но... - Он опустил на одну из двух коек. - Но вы, к сожалению, не понимаете, сколь многое в данном случае поставлено на карту.

- А я должен это понимать? - спросил Джонс.

- Честно говоря, не знаю, - ответил Тримейн. - И в первую очередь я продолжаю теряться в догадках, как вы вообще сюда попали.

- Вы имеете в виду, что делает здесь представитель специфического отдела министерства, «охотник за летающими тарелочками»?

- Что-то в этом роде. Ведь вы же человек науки - и вдруг занимаетесь таким... э-э-э... несерьезным делом!

- Несмотря на «несерьезность» моих занятий, Тримейн, я действительно считаю себя человеком науки. - Джонс бросил быстрый взгляд на Клер, которая явно понимала еще меньше, чем профессор. -

¹⁸ * Чарлз Фредерик Пис (1832-1879) - знаменитый английский вор и убийца, прославился умением проникать в любые закрытые и надежно охраняемые помещения.

Да, Восьмой отдел Министерства обороты действительно занимается сбором и проверкой сообщений о появлении неопознанных летающих объектов. Именно так, кстати, нам стало известно, что в окрестностях Могилы Люцифера происходит нечто странное. Я, правда, только консультирую отдел, но мисс Беннет состоит в штате и является гражданским сотрудником министерства, поэтому мне хотелось бы, чтобы вы проявляли к ней больше уважения. Да, ее прикомандировали к Восьмому отделу, что с вашей точки зрения является чем-то вроде позорного пятна в биографии, однако мисс Беннет ставит выше всего научную истину и отдает работе все свои силы и способности.

Вы назвали поиск НЛО несерьезным делом, однако, как вам, безусловно, известно, наблюдение явлений, выходящих за рамки нормального, имеет историю даже более давнюю, чем сама наука. Прочтите Библию, первую главу книги пророка Иезекииля - и наткнетесь на сведения, которые можно считать сообщениями о наблюдении неопознанных летающих объектов. Район Олдмурской базы тоже имеет свою историю. В Англо-саксонских хрониках упоминается о появлении в здешнем небе «огненных драконов», которых местные жители замечали еще в VIII веке. Иными словами, наши Грендели уже давно облюбовали эти места, и это наверняка неспроста.

Великие умы прошлого - в том числе и те, кто основал в 1660 году Королевское научное общество, занимавшееся так называемой «экспериментальной философией», - сочли необходимым создать внутри него секретное отделение, специализировавшееся на явлениях, которые тогдашние ученые считали парадоксальными: ведь даже если какой-то феномен нельзя понять и объяснить, его можно, по крайней мере, описать. Великий Линней, фактический создатель современной биологической классификации, разделил все живое на классы, отряды, семейства, роды, виды, подвиды и так далее. Когда все известные тогдашним ученым животные и растения были надлежащим образом сгруппированы, Линней добавил к своей системе еще один класс под названием *Paradoxa*, объединивший животных, существование которых оставалось под вопросом: единорогов, драконов, фениксов, сатиров и пеликанов. Насчет последних Линней, правда, ошибся, но каков подход!.. Какая широта взглядов!

Ныне одним из приоритетов правительства является национальная безопасность, поэтому наш Восьмой отдел потихоньку работает с архивами Королевского общества и с другими источниками. Разумеется, подобная деятельность не афишируется, поскольку стоит только министру публично признать факт существования летающих тарелок или других непонятных явлений, как правительству тут же придется конец.

- Гм-м... Значит, именно эти «непонятные явления» привели вас в

Олдмур?

- Да. В особенности нас интересуют летающие шары, которые Уинстон Стаббинс назвал Гренделями, однако интуиция мне подсказывает, что я вовсе не случайно наткнулся на вашу базу и проект «Гадес». Не могли бы вы рассказать мне о нем чуть больше, Тримейн?

- Мне удалось создать новое поколение термоядерного оружия, - просто сказал Тримейн. - Это оружие более мощное, более компактное и более «чистое», если можно так выразиться. Подземные испытания подобных устройств проводятся сейчас во многих странах свободного мира.

- Значит, вы продолжаете строить новые, еще более мощные бомбы? Когда же вы остановитесь?

- Сначала я хочу продемонстрировать всему миру, насколько ужасно это оружие, и чем мощнее получится взрыв, тем лучше. В то же время я намерен показать, что даже термоядерное оружие можно использовать с пользой для человечества. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Эдвард Теллер?

- Проект «Плуг»?

- Понятия не имею, о чем вы говорите! - вставила Клер.

- Речь идет об использовании ядерной энергии в прикладных, преобразовательных целях, Клер. С помощью атомной бомбы можно скрыть гору, пробить канал, вывести на поверхность нефтяное месторождение... Вы что-то подобное имеете в виду, Тримейн?

- Мы называем это географическим инжинирингом, но возможности новой системы куда шире. Быть может, однажды мы сможем полететь к другим планетам, используя мощь ядерного огня. Люди недалёковидны и глупы, им нужно наглядно показать, чем они рискуют, когда создают оружие, и как можно обернуть это оружие на пользу всему человечеству.

- Это вы глупец, Тримейн. На самом деле проект «Плуг» представляет собой не что иное, как попытку захвата власти, предпринятую кликой циничных политиканов и ученых. Вас просто обманули. Почему вы так уверены, что коллеги действительно разделяют ваши взгляды на перспективы использования термоядерного оружия в мирных целях? Тот же Годвин не произвел на меня впечатления пацифиста.

Тримейн поднялся.

- Вы разочаровали меня, Джонс. Вы работаете в довольно... экзотической области знаний, тем более удивительной мне кажется узость ваших взглядов и зашоренность ума. К сожалению, я только зря потерял с вами время. Охрана, сюда!..

Когда Джонс и Клер снова остались одни, констебль со вздохом сказала:

- Что ж, это было неплохо. Попытаться в любом случае стоило.

- Угу, - согласился Джонс. - Кстати, вы заметили, как легко было вывести его из себя? Мы не получили даже по чашечке чаю!
- И что дальше?
- Я думаю, от сидения в этой камере пользы не будет. У меня есть к вам один серьезный разговор, констебль Клер...

* * *

Уинстон жил в ничем не примечательном стандартном городском домишке. Отперев замок своим ключом, он отворил дверь и позвал:

- Мам, ты дома? Это я... У нас гости.

На его голос со второго этажа, прихрамывая, спустилась полная женщина в вылинявшем ситцевом халате и поношенных шлепанцах. На вид ей было лет сорок пять - пятьдесят.

- Ты хоть знаешь, который час? - проворчала она. - И кто это с тобой? Надеюсь, не твой «испытательный инспектор»?^{*19}

- Познакомься, мама, это Тельма Беннет. Мы по делу.

- Ну тогда ладно... Приятно познакомиться с вами, Тельма.

- И мне, миссис Стаббинс.

- Зовите меня Хоуп. Готова спорить на что угодно, вы не прочь выпить чашечку чаю. Пойду поставлю чайник.

- Может, вам помочь?

- Ничего, справлюсь. У меня ведь есть моя волшебная палка. - Тяжело опираясь на металлическую трость, выданную муниципальными органами здравоохранения, миссис Стаббинс отправилась на кухню, а Уинстон бросился вверх по лестнице.

- Мам, где мой рюкзак? - крикнул он.

- Там, куда ты его положил, - последовал невозмутимый ответ. - Кстати, зачем он тебе понадобился?

- Я хочу сложить туда мою туалетную бумагу с записями.

Хоуп Стаббинс тяжело вздохнула.

- Опять он за свое! Носится со своими рулонами, как дурень с писаной торбой. Однажды у нас кончилась бумага, и я взяла один из его драгоценных рулонов. Мало того что я вся перемазалась чернилами, так Уинстон устроил мне грандиозный скандал. Я, дескать, уничтожила ценные научные данные.

- Ваш сын очень способный молодой человек, - сказала Тельма.

- Уинстон неплохой парень, - согласилась Хоуп. - Просто ему тяжело пришлось - тяжелее, чем другим. Начать с того, что он рос без отца, и

¹⁹ * *Инспектор системы «испытания» - сотрудник суда, который наблюдает за поведением условно осужденного, помогает ему советами, способствует трудоустройству и т. д.*

все из-за меня, если вы понимаете, о чем я... Рядовой американской армии подарил мне пару шелковых чулок, а взамен забрал мое сердце. Впрочем, по тем временам и это был неплохой обмен, вот только чулки оказались сплошь с затяжками. С тех пор я больше не видела этого сукиного сына.

- Это очень печально.

- Прошедшая война дорого мне обошлась. Американцы украли мое сердце, немцы лишили меня ноги, зато я приобрела отличного сына. Правда, мне пришлось долго бороться, чтобы его не забрали у меня и не отдали на усыновление, но все обошлось.

Стуча по ступенькам каблуками, сверху спустился Уинстон.

- Ну вот, кажется, все собрал. Извините, Тельма, каждый раз, когда мама видит свежего человека, она начинает рассказывать ему историю моей жизни. Вы не против взять рюкзак, Тельма? Пока, мам... - Он расцеловал мать в обе щеки.

- Куда это вы собрались? А чай? У меня как раз есть хорошее печенье.

- Извините, миссис Стаббинс, - сказала Тельма, - но нам нужно спешить.

Уинстон уже выбежал наружу и завел мотоцикл, и Тельма поспешила сесть в седло.

* * *

Джонс сидел на койке, привалившись спиной к твердой металлической стене.

- Мне очень понравилось, что вы заступились за Уинстона, когда Бакс Грейди начал его дразнить. Потом вы пытались защитить меня от вооруженных солдат Годвина...

- Это было правильно, только и всего.

- Не каждый на вашем месте поступил бы так же. Впрочем... Вы ведь поэтому и пошли в полицию, верно?

Клер усмехнулась.

- Я еще в школе отличалась примерным поведением: мирила спорщиков и разнимала драки, вместо того чтобы начинать их. Я терпеть не могла, когда сильный обижал слабого и вообще любила порядок.

- Порядок?

- Ну да. Ведь что такое преступление, как не нарушение естественного порядка вещей? А я ненавижу хаос, особенно хаос в общественных отношениях, и мне приятно, когда мои усилия помогают исправить положение.

- Молодцом, Клер, так и надо.

- Вы просто подлизываетесь.

- И это тоже, но... Дело в том, что встав на мою защиту, вы сделали очень важный выбор, и теперь я прошу вас решиться на... следующий шаг.

- На какой же?

- Вы сами видели, что здесь происходит, и я не сомневаюсь - сделаете правильные выводы. Тримеровская идея «географического инжиниринга» безумна сама по себе, но ситуация усугубляется еще и тем, что средства для ее осуществления находятся в руках коммодора Годвина, а он кажется мне довольно опасным типом.

- Я понимаю, о чем вы. - Клер медленно кивнула.

- А тут еще эти аномальные явления, которые обнаружил Уинстон. Как будто в глубине земли что-то шевелится - что-то большое и... не совсем проснувшееся. Но если это «что-то» разбудить, последствия могут оказаться непредсказуемыми.

- Иными словами, вы просите меня помочь вам выбраться отсюда?

- Иными словами, да. - Джонс кивнул. - Мне очень важно узнать, что здесь происходит, и как можно скорее.

- Между прочим, вы находитесь под арестом.

- Я помню. Как вам кажется, Клер, сколько времени вам потребуется, чтобы справиться с этой дверью?

Она улыбнулась, вынула что-то из кармана и приложила к замку. Послышался щелчок.

- Немного.

- Тогда вперед, констебль Клер. Показывайте дорогу.

* * *

На территории университетского кампуса, застроенного унылыми прямоугольными зданиями, никого не было - только ветер гулял, и ложились на дорожки длинные тени. Тельма бросила взгляд на часы: час пополночи.

- Кажется, библиотека здесь. - С этими словами Уинстон обмотал кулак шарфом и выбил стекло в окне первого этажа.

- Уинстон!

- Надеюсь, вы не против того, чтобы войти через окно?

- Мне случалось делать вещи и похуже.

Уинстон выдернул из рамы торчащие острые осколки, и, помогая друг другу, они пробрались внутрь.

- Нужно найти отдел геологии, - сказал он. Тельма огляделась в поисках указателей.

- Естественные науки - туда. - Она взмахнула рукой, показывая направление.

Звук их шагов по натертому паркету будил гулкое эхо.

- Где ты научился этому трюку с шарфом?

- Я никогда не был примерным ребенком.

- Ты рос без отца. Тебе, наверное, доставалось в школе?

- Конечно, но я был не один такой. Проблема в том, что в школе мне было скучно.

- Скучно?

- Видишь ли, Тельма... - Сами того не заметив, оба перешли на «ты». - В школе я всегда задавал слишком много вопросов и в конце концов очутился в классе для отстающих. Потом меня и вовсе выперли, я связался с дурной компанией и попал в исправительную колонию для несовершеннолетних.

- Ох, Уинстон...

- Мне хватило ума больше туда не возвращаться, но в колонии я кое-чему научился. Сейчас я работаю в шахте, но это не слишком интересно. Там, внизу, мозги просто отключаются.

- Похоже, жизнь и вправду обошлась с тобой неласково.

- Я не жалею. Как говорится, человек - сам кузнец своего счастья. Ага, вот и геологическая секция...

- Хорошо. Ты начни отсюда, а я пороюсь в краеведческих архивах и попытаюсь собрать все интересное, что касается Могилы Люцифера. Так от меня будет гораздо больше пользы - когда-то я была историком, и такая работа мне хорошо знакома. У нас есть еще полчаса до истечения следующего девяностоминутного цикла. Вернуться на базу мы, конечно, не успеем, но попробуем туда хотя бы позвонить. - С этими словами она пошла куда-то в глубь библиотечного зала, бормоча себе под нос:

- Мифология, сказки, местные легенды...

* * *

Джонс и Клер крались вдоль бесконечных металлических коридоров, заглядывая в открытые двери или в застекленные окошки на них. Где-то играла музыка, раздавались взрывы смеха, щелкали бильярдные шары.

- У них здесь есть даже кинозал! - прошептала Клер. - Просто не верится... Я, конечно, знала, что американцы любят устраиваться со всеми удобствами, но такое...

- Кто бы мог подумать, а? - усмехнулся Джонс. - Ладно, я, кажется, разобрался в местной топографии. На западе находятся жилые комнаты, склады и прочие помещения бытового назначения. В центре, разумеется, сосредоточены командный пункт, центр регистрации и контроля и комната связи. Туннель, уходящий на восток, несомненно

связывает бункер со старой шахтой под долиной.

- С той, куда они заложили бомбу?

- Именно так. Думаю, кстати, что туннель здесь не один: старые штреки могут вести куда угодно. Что мне хотелось бы найти, так это архивы - хранилища, где сложены использованные катушки с магнитной лентой и перфокарты. Скорее всего, они находятся рядом с командным пунктом, в информационно-вычислительном центре или под ним. Ага, кажется, нам сюда...

- Я даже не представляла, что этот бункер может быть таким большим. То есть я хочу сказать: я простой полицейский и плохо разбираюсь в подобных вещах. А ведь даже проволочного ограждения вокруг базы нет ни на одной нашей карте.

- Боюсь, что в послевоенном мире Великобритания вовсе не так независима и суверенна, как хотелось бы ее гражданам. А это еще что такое?!.. - Джонс склонился над люком в полу. Достав из кармана трехпенсовик, он вывинтил два винта и откинул крышку. Под ней оказался узкий колодец с металлической лестницей, ведущей в какое-то ярко освещенное помещение.

Джонс первым спустился вниз, Клер последовала за ним.

- Боже мой, ну и холодно здесь! Как в морозильнике! - воскликнула она.

- Это информационно-вычислительный центр базы; здесь установлены специальные кондиционеры, поддерживающие постоянную температуру и низкую влажность. Взгляните на эти огромные блоки, похожие на монолиты Стоунхенджа... Это и есть электронно-вычислительные машины.

- Бр-р... А что мы здесь ищем?

- Сейсмические данные. Они должны быть в шкафах с использованными пленками. Начните отсюда, констебль, а я попробую с того конца.

* * *

Вернувшись в секцию геологии, Тельма застала Уинстона склонившимся над столом, на котором горела яркая лампа.

- Ну и ну! - воскликнул он, бросая взгляд на охапку книг у нее в руках. - Сколько ты накопила!

Тельма бросила книги на стол и с облегчением выдохнула.

- Теперь я жалею, что не дождалась чая, который предлагала твоя мама. А как твои дела?

- Превосходно. Здесь столько замечательных, умных книг! Я и представить себе не мог, что такое богатство может быть собрано в одном месте. Будь моя воля, я бы отсюда до утра не выходил.

Тельма придвинула стул и села.

- Знаешь, Уинстон, даже среди моих студентов еще никогда не было столь... многообещающего молодого человека.

- Разве ты преподавала?

- Я занималась исследовательской работой в Оксфорде. Преподавание входило в круг моих обязанностей.

- Значит, там ты и живешь? В Оксфорде, я имею в виду?

- Жила когда-то. Я оставила университет, чтобы работать с доктором Джонсом. Это была очень необычная работа, и мне захотелось попробовать. Я не жалею о том, что пришлось оставить исследования, но вот моих студентов мне иногда не хватает. Особенно сейчас, когда я встретила тебя - человека целеустремленного, жадно тянущегося к знаниям. Но хватит болтать, нужно работать. Как включается эта настольная лампа?

* * *

Джонс достал из кармана очки для чтения в проволочной оправе и впился взглядом в экран.

- Я так и думал! - воскликнул он негромко. - Просто предчувствовал, что столкнусь с чем-то в этом роде. Посмотрите-ка сюда, Клер.

- Нет, сначала вы взгляните. Тут...

- Что бы вы ни обнаружили, это может подождать. Смотрите, какая четкая периодичность. Это просто... великолепно!

Клер подошла к нему.

- Ладно, доктор, будь по-вашему. На что я должна посмотреть?

- Да на это же!.. По-моему, все совершенно очевидно. Вот, здесь и здесь сигнал достигает своего максимума. Ну?..

- Просто скажите мне, что означают эти кривульки, хорошо?

- Специалисты базы проводили сейсмический мониторинг окрестностей, регистрируя сейсмические волны.

- Совсем как Уинстон.

- Именно. И, как и он, они наткнулись на нечто непонятное и странное. Вот оно, в их собственных записях... Все дело в том, что ученые не обратили внимания на эту странность. Попросту не заметили ее!

- А что тут такого странного?

- Во-первых, Уинстон был абсолютно прав, когда установил, что периодичность сейсмических сигналов составляет девяносто минут. Вот, смотрите: эти пики означают максимальную, мощность сигнала. Временной интервал между ними равняется полутора часам, а это может означать только одно: что-то действительно движется по орбите глубоко внизу, сквозь мощные слои коренных пород.

- Двигается? - удивленно переспросила Клер.

- Да, но это не главное. Существует еще одна, более общая периодичность. Обратите внимание вот на эти два пика мощности. Они намного больше остальных. Ну, это вам что-нибудь говорит?

Клер быстро подсчитала малые пики.

- Если промежуток между малыми пиками составляет девяносто минут, больший период равняется примерно одним суткам.

- Bravo, констебль Клер. Но на самом деле он несколько меньше суток, и это по-настоящему важно. Скажите, что вам известно о строении Земли?

- Только то, что Земля круглая.

- Гм-м, это уже кое-что. Так вот, должен вам сказать: наша Земля представляет собой каменный шар, причем в глубине породы пребывают по большей части в расплавленном состоянии. Это так называемая магма. Твердая земная кора, на которой мы находимся, покрывает ее как тонкая скорлупа или, лучше сказать, как кожура абрикоса.

- Абрикоса?

- Да, причем с косточкой в самом центре. Ядро Земли представляет собой железный шар размером примерно с Луну. Иными словами, внутри нашей планеты есть еще одна планета, которая тоже вращается вокруг своей оси. Только периоды обращения Земли и ее ядра немного разные, поэтому «день» на внутреннем ядре и отличается от нашего.

- И сейсмографы регистрируют эти сигналы в соответствии с периодом обращения ядра?

- Именно так.

- Но что происходит там, в глубине? И что производит сигналы, которые мы ощущаем здесь, возле Могилы Люцифера?

- Я бы сказал, это происходит потому, что в течение периода обращения ядра вокруг своей оси - назовем этот период «внутренними сутками» - нечто поднимается к поверхности нашей планеты. Нечто всплывает из глубины, словно... словно ему любопытно, что творится у нас здесь, наверху. Оно и производит эти сейсмические волны.

- Вы говорите так, будто это нечто - живое. Но что может плавать в расплавленной магме?

- Что-то, сделанное из более прочного материала, разумеется. И самое интересное - эти гости из бездны начали приближаться к земной коре вскоре после того, как здесь была построена база с подземным бункером.

- А вы знаете, что это за штуки?

- У меня есть гипотеза, которая многое объясняет.

- Но что предпримут эти... гм-м... существа после того, как Тримейн и компания взорвали здесь свою бомбу?

- Почему-то мне кажется, что мы узнаем это, как только истечет

очередной полуторачасовой промежуток времени. - Джонс посмотрел на часы. - То есть меньше чем через тридцать минут. Так что вы хотели мне показать?

- Я кое-что нашла. Там, под ковром. Еще один люк, который ведет вниз.

- Еще один потайной люк? Дело становится все любопытственнее и любопытственнее. Вы не находите, констебль?

* * *

Выгороженная в дальнем углу командного пункта крошечная кухня, на которой сгрудились небольшой электрический чайник, жестянка с заваркой и несколько невымытых кружек армейского образца, была для Тримейна естественным укрытием, где он чувствовал себя более или менее уверенно.

- Нет, - резко ответил Годвин, шагая из стороны в сторону перед управляющими консолями. - Мы пока не выяснили, куда подевались Джонс и Бейнс.

- Бедный, бедный коммодор!.. - вздохнул профессор, делая глоток из своей чашки.

- Мне не до шуток, Тримейн.

- Выпейте лучше чаю и успокойтесь. Ведь все закончилось, не так ли? Испытания успешно завершены, мы собрали немало ценной научной информации. Теперь, пожалуй, можно и вздремнуть.

- Ничего не закончилось, пока эти двое рыщут по базе, точно крысы!

- Крысы? Выбирайте слова, тем более что речь идет о ваших соотечественниках, земляках! Ведь вы и сами выросли в этих краях, не так ли?

Годвин смерил ученого мрачным взглядом.

- Ну и что с того?

- Странно, что вы говорите по-английски без малейшего намека на местный выговор. Я ведь навел о вас справки, Годвин.

- Это еще зачем?

- Затем, что над этим проектом мы работаем вместе. Обычно я обращаю мало внимания на людей, предпочитая сосредоточиться на работе, но на этот раз отступил от своего правила. И похоже, вы не совсем тот человек, которого я ожидал здесь встретить.

- И что же я, по-вашему, за человек?

- Государственная школа, второразрядный технический колледж, потом - служба в военно-воздушных силах...

- У вас, конечно, все было по-другому. - Годвин усмехнулся. - Учились, наверное, сначала в Хэрроу, потом - в Оксфорде?

- В Винчестере^{*20} и в Кембридже, - уточнил Тримейн, - но в данном случае это не имеет существенного значения. В армии не служил, но во время последней войны работал над созданием радарных систем.

- Неплохо вам жилось, как я погляжу. Все небось так само в руки и валялось?

- Гм-м... Если вы считаете, что в английской привилегированной частной школе-интернате тихому, близорукому отличнику легко жилось, то вы сильно ошибаетесь. Дело, впрочем, не в этом. Мне хочется узнать, что движет вами, коммодор. Зависть? Желание отомстить за то, как с вами обошлись? Насколько я знаю, в военной иерархии вы стояли довольно высоко, но после Суэца, когда наши пилоты сели в калошу на глазах у всего мира, вас отозвали домой и отправили в этот медвежий угол. Ну-ну, коммодор, не хмурьтесь - это ни для кого не тайна... Каждый, с кем я о вас заговаривал, в первую очередь упоминал об этом фиаско.

- Кое-кто из нас называет случившееся предательством.

- Ну да, ну да... Последняя колониальная авантюра, которая с треском провалилась, когда янки нас не поддержали. Наверное, вы получаете изрядное удовольствие, командуя военной базой, на которой полно америкашек?

- Вы несете чушь, профессор. У меня есть работа, и я ее выполняю. Все.

Тримейн покачал головой.

- Напрасно вы носите обиду в себе, коммодор. Вам нужно чаще с кем-то беседовать, тогда вы бы не взрывались так, как сейчас. И это, кстати, уже не первый случай - я заметил. Сначала все тихо, спокойно, потом - ба-бах!

Годвин круто повернулся и решительно зашагал прочь.

- Вызовите меня, если появятся какие-то новости! - бросил он через плечо.

- Ба-бах! - крикнул ему вслед Тримейн.

* * *

Тельма закрыла лежащий перед ней на столе том.

- Ну, кажется, достаточно. Бедные мои глаза!.. - Она покачала головой. - Как бы там ни было, я сумела найти немало сведений о духах или призраках, которые регулярно появлялись над Могилой

²⁰ * *Хэрроу и Винчестер-Колледж - две из девяти старейших престижных мужских привилегированных частных средних школ; учащиеся - дети аристократов, крупных бизнесменов, высших чиновников.*

Люцифера на протяжении двенадцати последних веков, фактически с дономанских времен. А у тебя что?

Уинстон взмахнул в воздухе стопкой каких-то бумажных листков.

- Это - данные о сейсмоактивности нашего района за много десятилетий. К сожалению, мы все равно не смогли бы взять все нужные книги с собой, поэтому пришлось вырвать из них самые важные графики. Теперь я чувствую себя вандалом, но... Взгляни-ка на эти кривые!

- Очень похоже на речевые сигналы.

- Вот именно. Я почти уверен: в них закодирована важная информация. И последнее время сигналы стали повторяться с большей регулярностью.

- Ты хочешь сказать, в те годы, пока американцы строили здесь свою базу?

- Похоже на то. Ну а ты что думаешь? Что, по-твоему, все это может означать?

- Даже не знаю. - Тельма пожала плечами. - Быть может, доктор Джонс сумеет как-то в этом разобраться. Нужно срочно ему позвонить - наше время почти истекло.

Стены библиотеки содрогнулись, с полок посыпались книги, а откуда-то снизу донесся глухой гул.

Уинстон вздрогнул и резко выпрямился.

- Этого я не ожидал! Во всяком случае, не здесь.

- Надо выбираться отсюда, да поскорее. Не забудь свои графики. Где рюкзак?..

* * *

Еще один зал с металлическими стенами, спрятанный под информационно-вычислительным центром, был столь же ярко освещен и заставлен разным оборудованием.

- Поглядите на эти трубы, доктор Джонс! - сказала Клер. - И на эти провода!

- Да, - кивнул тот. - Секретный командный пункт - вот где мы находимся. Трубы подключены к водопроводу и вентиляционной системе, а кабели - к компьютерной сети базы. Можно спрятаться здесь и захватить весь бункер - и никто не спохватится, пока не будет слишком поздно. Как это предсказуемо и как печально.

- Захватить бункер? Зачем?

- Я пока не уверен, Клер, но мне кажется... Ведь это все-таки база, где испытывается ядерное оружие. Взгляните на эти контрольные пульта, на огромную карту мира на стене - почему-то все это не будит во мне оптимизма и не наполняет хорошими предчувствиями. Скорее,

наоборот. - Джонс посмотрел на часы. - У нас осталось еще десять минут из девяноста, и я хочу, чтобы вы внимательно меня выслушали. Просто на случай, если я не выйду отсюда.

- Не надо так говорить, доктор.

- Вы сами видели, сколько здесь вооруженных людей. Сейчас они взволнованы, перевозбуждены... Словом, может случиться все, что угодно, поэтому вы должны запомнить следующее. Во-первых, передайте Уинстону, что он был прав насчет девяностоминутного периода и насчет всего остального тоже. Быть может, ему удастся поговорить с Тримейном. А Тельме скажите только одно слово: «магмиды».

- И что оно означает?

- Тельма тоже этого не знает, но, я думаю, прибегнув к помощи нашего Восьмого отдела, она сумеет это выяснить.

- Что-то я ничего не понимаю, ну да ладно... Впрочем, вы пока живы. Что будем делать?

- Боюсь, выбора нет. - Джонс нашарил на одной из консолей микрофон на длинном шнуре, поднес к губам и нажал кнопку включения.

- Алло, коммодор! Мы сдаемся. Вы слышите нас, Годвин? Идите сюда, надо поговорить.

* * *

Следующий толчок произошел, когда Уинстон и Тельма мчались на мотоцикле по одной из городских улиц. Битое стекло и осколки кирпичей так и посыпались на мостовую.

- Гляди, Тельма! - крикнул Уинстон. - Кухонную плиту в витрине лавки Фенвика расплющило в лепешку, а ведь она стоит целую кучу денег!.. Ты как там?

- Пока нормально, только рюкзак очень тяжелый. Не беспокойся обо мне, ищи лучше телефон. Нужно срочно связаться с Джонсом.

- Кажется, в конце этого переулка была будка...

- Эй, берегись!..

На дорогу перед ними обрушилась целая лавина кирпичей и шифера.

* * *

Когда Бакс Грейди ввел Джонса и Клер в командный пункт «Гадеса», Годвин и Тримейн уже ждали их там. У стены переминался с ноги на ногу майор Краун, вид у него был растерянный. Джонс тоже нервничал, но постарался скрыть свое состояние.

- Ну?! - грозно начал Годвин. - Назовите хоть одну причину, которая помешала бы мне пристрелить вас обоих на месте.

Краун выступил вперед.

- Прошу вас, сэр...

- Да-да, коммодор, - кивнул Джонс. - Вдохните поглубже, успокойтесь и расскажите нам, для чего вам понадобился секретный командный пункт под компьютерным залом.

- Секретный командный пункт? - изумился Тримейн. - Но зачем, ради всего святого?!..

- Почему-то тот факт, что вы о нем ничего не знаете, несколько меня не удивляет, - бодро сообщил Джонс. - И боюсь, вашим мечтам о «географическом инжиниринге» не суждено осуществиться, во всяком случае в обозримом будущем.

Бакс, внимательно разглядывавший зеленые кривые на экранах осциллографов, неожиданно подал голос:

- Сэр, майор, взгляните-ка на это! Сейсмические сигналы! Приборы продолжают их фиксировать!

Тримейн тоже повернулся к приборам.

- Дайте-ка мне посмотреть... А он прав, коммодор!

- Это просто сейсмическое эхо после взрыва, - презрительно бросил Годвин.

- Вы ошибаетесь, коммодор. Посмотрите сюда и сюда... Никакое это не эхо - у данных сейсмических волн слишком четко выраженная временная периодичность. Это явление совершенно иной природы.

- А ведь я вас предупреждал, помните? - сказал Джонс. - После того как вы весьма безответственно привели в действие ваше ядерное устройство, у нас было полтора часа отсрочки. Они почти истекли, пора пожинать плоды.

- Полтора часа?

- Да, девяносто минут, подаренных нам законами планетарного движения.

- Планетарного движения? - удивился Тримейн. - О чем вы?!

- Внутри Земли что-то есть. Не только расплавленная магма и железное ядро - что-то живое. Оно спало, но теперь вы его разбудили. И теперь оно вот-вот поднимется к поверхности Земли.

Годвин без предупреждения ударил Джонса в зубы. Тот пошатнулся и невольно зашипел от боли.

- Что вы делаете, коммодор? - воскликнул Краун.

- Вы опять, Годвин? Сначала - тихо, спокойно, потом - бабах! - проговорил Тримейн, брезгливо скривив губы.

Джонс перевел дух и вытер ладонью окровавленный рот.

- Будь у Кассиуса Клея такой удар, он стал бы уже двукратным чемпионом мира, - проговорил он чуть дрожащим голосом. - Значит, таков ваш ответ, коммодор? Решили прибегнуть к силе, потому что вам

нечего сказать?

- Что вы от нас-то хотите, Джонс? - вмешался Тримейн.

- Для начала я бы эвакуировал персонал базы...

- Персонал останется на своих местах, даже если мне придется собственноручно запереть все выходы, - перебил Годвин. - Проект имеет важное военное и научное значение, его нельзя бросать на полпути. Остановить испытания только потому, что какой-то шарлатан...

- Одну минутку, коммодор, - остановил его Джонс движением руки. - Одно маленькое уточнение: о каком проекте идет речь. Или о чьем?

- Кажется, магнитуда сейсмических колебаний снижается, - снова заговорил Бакс. - Что бы это ни было, оно понемногу успокаивается.

- Ага! - торжествующе воскликнул Годвин. - Что вы на это скажете, Джонс? Как же ваши предсказания конца света?

- Я не возьму назад ни одного слова, - отрезал Джонс. - Дайте-ка мне взглянуть... Да отпустите же меня, сержант! Ага, ясно... А что вы скажете на это, Тримейн? - Он потряс лентой со сводными сейсмическими данными, найденной в информационном центре.

Профессор быстро сравнил вычерченные на ней кривые с данными на экране осциллографа.

- В окрестностях базы сейсмические волны действительно затухают, - сказал он. - Но вот этот пик... Я никак не пойму, что он означает...

- Он означает, что ответный толчок произошел ровно через девяносто минут и что его эпицентр находится не здесь, как я думал раньше, а милях в тридцати к юго-востоку отсюда.

Зазвонил телефон. Грейди снял трубку, немного послушал, потом повернулся к Джонсу.

- Это вас, доктор.

- Что за?!... - начал было Годвин, но Джонс уже схватил трубку.

- Алло?..

Голос Тельмы был едва слышен, к тому же связь сильно осложняли какие-то странные помехи.

- Это вы, доктор Джонс?

- Да, я. Вас плохо слышно, Тельма! Вы где?

- Мы в... - В трубке раздалось несколько коротких гудков, потом Тельма сказала в сторону: - Боже мой, Уинстон, у тебя есть еще шестипенсовик? Мы все еще в городе, - добавила она уже в микрофон.

- У нас есть все необходимые данные, но выбраться отсюда будет нелегко. Тут такое... Земля трясется и трескается, дома рушатся, на дорогах Бог знает что творится...

- Это эпицентр, Джонс, - подсказал Тримейн, внимательно следивший за разговором через селектор громкой связи. - Посмотрите на карту..., В тридцати милях к юго-востоку отсюда расположен Ньюкасл.

- Господи боже мой! - воскликнул Джонс. - Это они! Они напали не на

базу, как я думал. Вместо этого они атаковали ближайший населенный пункт. Тельма, вы слышите меня? Выбирайтесь из города во что бы то ни стало! Плевать на информацию, главное - постарайтесь покинуть Ньюкасл как можно скорее!

Сквозь искаженный динамиками глухой грохот прорвался голос Тельмы:

- Джонс? Я думаю...
Связь прервалась.

3.

01:35

- Уинстон!

- Я здесь, Тельма. Просто меня слегка завалило кирпичами.

- Не двигайся! Я сейчас... - Тельма принялась голыми руками раскидывать груды кирпичей, и вскоре из-под них показались голова и плечи Уинстона. Он пошевелился, потом приподнялся и сел.

- Ты не пострадал?

- Нет, то есть почти нет. Меня просто засыпало. А как ты?

- Я завалилась вместе с телефонной будкой, она меня и спасла. К сожалению, линия повреждена: связи нет. Ну вот и все... Можешь встать?

Уинстон с трудом поднялся на ноги.

- Черт, я весь в пыли и известке... А где мотоцикл? Клер меня убьет!

- Я думаю, он там, где мы его оставили. Рюкзак по-прежнему у меня.

- Ага, вижу... Кажется, мотоциклу досталось даже меньше, чем нам.

Вдали раздался новый гул, и оба одновременно поморщились. Потом Уинстон сказал:

- Послушай, Тельма, я все понимаю... Конечно, наше задание очень важное, и все-таки...

- Ты беспокоишься о маме?

- Ты сама видела: она уже немолода и к тому же инвалид. Ей самой не справиться...

- Тогда давай поедem и заберем ее.

- Ты и правда не против? Я-то думал, ты будешь спорить.

Тельма улыбнулась.

- Только не я. Сначала спасем твою маму, потом - весь остальной мир. Кроме того, я не умею водить мотоцикл. Надеюсь, он заведется? - Она закинула рюкзак за спину. - Ну, давай же, Уинстон, что ты стоишь?!

Уинстон пнул педаль стартера, и двигатель послушно взревел в ответ.

* * *

Атмосфера в командном центре проекта «Гадес» сгустилась до предела, казалось, напряжение разлилось в воздухе. Свежая информация то и дело поступала по телефону, радио, телетайпным линиям.

- Из Ньюкасла ничего нового, - отчеканил майор Краун.

- Вы дозвонились в центральную полицейскую службу? - спросила Клер.

- Все аварийные службы уже подняты по тревоге. Несомненно, в городе произошла какая-то катастрофа...

- Я же вас предупреждал! - воскликнул Джонс.

- Заткнитесь, - перебил Годвин. - Какие сообщения поступают из Ньюкасла?

- Информация довольно отрывочная и неполная, но можно предположить, что пострадали многие системы жизнеобеспечения. Понадобится немало времени, чтобы восстановить их хотя бы частично.

- Мне кажется, Джонс, вы говорили, что у нас есть еще девяносто минут, - подал голос Тримейн.

- Именно так. Ровным счетом девяносто минут... до следующей атаки.

- Атаки? - переспросил Годвин. - Но ведь мы имеем дело не с противником, а с природным явлением.

- Вы действительно в этом уверены?

- Не исключено, что он в чем-то прав, коммодор, - сказал Тримейн. - Поэтому будет благоразумнее приостановить осуществление нашей программы по крайней мере до тех пор, пока мы не выясним, с чем именно нам пришлось столкнуться. И если есть какая-то связь между взрывом и этими сейсмическими колебаниями...

- Это мне решать, продолжать программу или нет.

- Тогда решайте скорее, - поторопил Джонс, - да не ошибитесь.

Тримейн вздохнул.

- А как бы вы поступили на нашем месте, Джонс?

- На вашем месте, Тримейн, я поступил бы, как все нормальные ученые, - начал со сбора информации. Во-первых, необходимо выяснить, что именно произошло в Ньюкасле, потом выявить другие проблемные области в стране, а если понадобится - то и во всем мире. Думаю, сосредоточенные в бункере средства связи это позволяют. Во-вторых, вам и мне нужно как следует поработать с сейсмическими данными, которые вы собрали в своем информационно-вычислительном центре, но так и не дали себе труда правильно интерпретировать. Я почти уверен: моя гипотеза верна, и мы имеем дело вовсе не с отраженными сейсмическими волнами. И в-третьих,

мне нужны Тельма и Уинстон со всей информацией, которую им удалось собрать. Она гораздо полнее и охватывает куда больший временной период, чем данные, собранные вами.

- Хорошо, Джонс, будем действовать по вашему плану.

- Я не стану вам препятствовать, - добавил Годвин, - если вы не будете мешать осуществлению проекта. Тем не менее я продолжаю держаться мнения, что вы - два идиота, которые только зря тратят время и государственные средства.

- Другого я от вас и не ожидал, - парировал Джонс.

- Насчет ваших друзей, доктор Джонс, - сказал Краун. - Если хотите, я могу отправить за ними сержанта Грейди.

Тримейн кивнул.

- Хорошая мысль. Свяжитесь с капитаном Филлипсом, сержант; думаю, он тоже захочет вам помочь.

- Но как я их найду? - удивился Грейди. - По-моему, там, наверху, творится черт знает что, и...

- У Уинстона есть семья? - спросил Джонс у Клер.

- Только мать. Она живет в Гейтшеде.

- Объясните сержанту Грейди, как туда добраться, потом прикиньте самый короткий и безопасный маршрут от Гейтшеда до базы. Я знаю Тельму, думаю, она и Уинстон находятся сейчас где-то на этой воображаемой линии. Ну а вы, Тримейн... Доставайте вашу логарифмическую линейку - и за дело!

* * *

Входную дверь наполовину сорвало с петель и частично завалило кирпичами и свалившейся с крыши черепицей. Где-то вдали раздавался вой сирен.

Уинстон на четвереньках перебрался через завал.

- Мама, ты где?! - звал он. - Черт, Тельма, от дома почти ничего не осталось.

- Ты знаешь расположение комнат, Где она могла быть, когда произошел толчок?

- Уже довольно поздно. Скорее всего, мама спала в комнате на втором этаже.

- Но в доме больше нет никакого второго этажа, - напомнила Тельма. - Где же?..

- О боже, нет! Только не это!

- Спокойно! Думай, Уинстон, думай! Где *была* ее спальня?

- Над гостиной. Я... Ага, кажется, сюда... - Он продрался сквозь завалы досок, штукатурки и дранки. - Мама, ты здесь? Отзовись!

- Уинстон? - донесся слабый голос откуда-то снизу. - Это ты? Что

произошло? Неужели нацисты снова начали нас бомбить?

- Ты не ранена, мама?

- Мне раздробило ногу. К счастью, не здоровую, а деревянную. Кроме того, моя кровать вдруг провалилась сквозь пол, а это не очень-то приятно, особенно когда ничего подобного не ожидаешь. Впрочем, посадка была сравнительно мягкой. Мне снова повезло.

- Держитесь, миссис Стаббинс! - крикнула Тельма. - Мы сейчас вас вытащим и увезем в безопасное место.

Было слышно, как Хоуп смеется.

- На чем? На этом вашем мотоцикле? Я же не рокер и не стилига*²¹.

- Если хочешь, Тельма, поезжай на базу одна, - серьезно сказал Уинстон. - Оставь нас, мы справимся.

- Не дожدهшься, - отрезала она. - Мы возьмем твою маму с собой, и плевать, что у нее нет ноги. Что-нибудь да придумаем.

* * *

Тримейн сам отвел Джонса и Клер в информационно-вычислительный центр.

- Ну хорошо, доктор, это ваше шоу. С чего начнем?

Джонс огляделся.

- Нужно собрать все имеющиеся у вас данные о сейсмической активности, пропустить через центральную ЭВМ и вывести результат на экран в виде графической схемы. Клер, вы знаете, где хранятся магнитные пленки и перфоленты, давайте помогайте.

- Что вы подразумеваете под «графической схемой»? - уточнил Тримейн.

- Я подразумеваю изображение участка Земли в разрезе - на любую глубину, хоть до самого ядра. На это изображение должны быть спроецированы очаги сейсмических возмущений. Я хочу наглядно представить, как именно распространяются зафиксированные вами волны.

- Вы слишком многого хотите, - покачал головой Тримейн. - Наша база - единственный в данной местности наблюдательный пункт, а здесь нужна триангуляционная проекция.

- Я сумею построить такую проекцию, если у меня будет информация, собранная Тельмой и Уинстоном. Но при некоторой изворотливости ума можно кое-что выжать и из того, что есть у вас.

Тримейн с рассеянным видом потер подбородок. При всех своих недостатках он был человеком, который любил и умел решать научные

²¹ * *Рокеры и стилиги - неформальные молодежные группировки 1960-х годов; ездили на мотоциклах и мотороллерах.*

загадки.

- Гм-м... Можно измерить ослабление уровня сигнала по мере удаления от эпицентра, его искажения при отражении от глубинных мантийных слоев. Вы это имеете в виду?

- Совершенно верно.

Дверь распахнулась, в машинный зал ворвался Краун.

- Последние новости с поверхности, джентльмены. Связь по-прежнему работает неустойчиво, но уже ясно: Ньюкасл серьезно пострадал. Сильные подземные толчки продолжаются, сейсмические волны достигают подножия Чевииот-Хиллс. Геологи в растерянности.

- Ничуть не удивлен, - заметил Джонс.

- А в других местах? - уточнил Тримейн.

- В других местах тоже неспокойно. Землетрясения, местами даже вулканическая активность... И это происходит по всему миру.

- Где именно? - быстро спросил Джонс. - Сможете показать? Клер, принесите снизу карту мира.

- Ищите пленки, принесите карту... может быть, вам еще и чаю заварить, доктор Джонс? Не забывайте, вы все еще под арестом!

- Скорее, Клер!

Когда Клер принесла карту, Краун вооружился мягким черным карандашом и отметил на ней несколько точек.

- Вот здесь - три района на территории континентальных Соединенных Штатов, потом в Западной Европе, Турции, Австралии, Японии...

- Я что-то не вижу никакой явной корреляции с традиционными сейсмоактивными районами, - задумчиво пробормотал Джонс. - Разве что Япония с Турцией... А вы, Тримейн?

- По-моему, никакой связи просто нет. Вы что-то хотели сказать, майор?

- Да. - Краун кивнул. - Именно в этих местах находятся американские военные базы, непосредственно связанные с проектом «Гадес».

- Я так и подумал. - Джонс мрачно кивнул, - Не одна бомба, а несколько. Вот она, ваша связь, Тримейн.

- Боже мой!.. - ахнул профессор. - Боже мой! Теперь я даже не знаю, во что верить!

- В таком случае, давайте поскорее закончим обработку данных, Тримейн. Это рассеет ваши последние сомнения.

* * *

Бакс Грейди сидел за рулем большого армейского грузовика. Минуту спустя в кабину поднялся капитан Филлипс.,

- Ну, сержант, поехали.

- Слушаюсь, сэр. - Американец включил двигатель и тронул машину с места. - Вы уверены, сэр, что нас двоих будет достаточно?

- Полагаю, да. Обстановка сейчас более или менее спокойная, мои люди отдыхают. Пусть набираются сил, кто знает, с чем нам придется столкнуться утром? Кроме того, наша вылазка вряд ли окажется слишком долгой. Нам ведь надо только вывезти из города двух гражданских, не так ли?

- Их сначала нужно найти, а это может быть непросто.

- Ваша правда, сержант.

- Хотите еще сигарету, капитан Филлипс?

- Спасибо большое. Правда, ваши американские сигареты - порядочная дрянь, уж извините.

- В следующий раз постараюсь заготовить английский табачком. У вас есть семья, капитан?

- Да, жена и две девочки. Они живут в Суссексе, довольно далеко отсюда. Перед отъездом я пытался им дозвониться, но, наверное, где-то оборвана линия. А вы женаты?

- У меня есть невеста, она живет в Лонг-Бич, в Калифорнии. Говорят, там тоже проблемы.

- Правда?

- По некоторым сведениям, поблизости от тех мест ни с того ни с сего проснулись давно потухшие вулканы, но это еще не точно. Я, конечно, звонил в Лонг-Бич, но меня так и не соединили.

- Попробуем позвонить еще раз, когда вернемся.

- Да, было бы неплохо узнать, что и как. Впрочем, я не особенно волнуюсь за Тину - она у меня отважная девчонка.

- Еще бы. У такого парня, как вы, должна быть очень смелая невеста.

- Пожалуй, вы правы, капитан. Смотрите, что это за розовое зарево впереди? До рассвета вроде бы еще далеко.

- Боюсь, никакой это не рассвет, сержант. Это горит Ньюкасл. Ну-ка, прибавьте газу, посмотрим, на что способна эта старая керосинка.

Двигатель взревел громче, и грузовик помчался вперед.

* * *

- О'кей, мам, давай я тебя подсажу, - предложил Уинстон.

- Ты что, издеваться над матерью вздумал? Это же детская коляска! Тельма улыбнулась.

- Вовсе нет, миссис Стаббинс, теперь это мотоциклетная коляска. Правда, не заводская, но вполне крепкая, не беспокойтесь. Мы прикрепили ее очень надежно - видите эту проволоку и черенки от метел? Да и вы в ней вполне поместитесь - вы достаточно миниатюрная женщина.

- Особенно без моей деревянной ноги... - проворчала Хоуп. - Ладно, рискнем. Уинстон, малыш, сходи-ка в сарай старого Порки Харриса, покопайся...

- Зачем?

- Он держит там канистру бензина для своего «пузыря»^{*22}. Сейчас Порки уехал в отпуск, так что, я думаю, он не станет возражать.

- Это очень разумное предложение, миссис Стаббинс, - похвалила Тельма.

- Ну вот, Тельма, милочка, пока его нет, помогите мне сходить в туалет. Не стоит заставлять мальчика лишний раз краснеть. У нас в доме не было туалета, только во дворе. Надеюсь, он еще стоит...

* * *

Примерно после часа напряженной работы Джонс, Тримейн и Клер вернулись на командный пункт. Годвин все еще был здесь. Прохаживаясь по залу из стороны в сторону, коммодор бросал мрачные взгляды на спины сидевших за консолями военных операторов.

- Вам не надоело бездельничать, господа? - осведомился он.

Джонс пропустил его слова мимо ушей.

- Я думаю, мы выжали из вашей обрывочной информации все, что могли, Тримейн. Теперь было бы неплохо взглянуть на результаты. У вас все готово?

- Я распорядился, чтобы ЭВМ подключили к этому экрану. - Тримейн показал на большой экран над главной консолью. - Думаю, здесь нам будет лучше видно.

- Главное, смотрите внимательнее! - предупредил Джонс. Он нажал кнопку, и экран с громким щелчком включился и загудел, разогреваясь. Спустя пару секунд на нем проступило изображение.

- Я вижу какой-то большой круг, - сказала Клер, всматриваясь в экран.

- Это наша Земля? Немного похоже на изображение на радаре. Но что это за смазанные темные пятна над ней?

- Это - устройство Земли в разрезе, Клер. Мир внутри нашего мира. Вот ядро, вокруг него залегают мантийные слои.

- Но где же земная кора? Где земные континенты?

- Они слишком тонки, чтобы их можно было отобразить на нашей схеме.

- А что за движущиеся пятна? Помехи?

Тримейн наклонился, чтобы посмотреть!

²² * «Пузырь», «пузырек» - микролитражный автомобиль с прозрачной куполообразной крышей

- Такое впечатление, что они стартуют с ядра и движутся к коре. Как... как баллистические ракеты.

- Очень удачное сравнение, Тримейн, - заметил Джонс. - Только они не просто поднимаются к поверхности - к нашей поверхности, я имею в виду. Обратите внимание, как на самом верху они замедляются, словно принохиваются, и только потом опускаются обратно. Разумеется, в действительности это происходит не так быстро, ведь изображение ускорено в несколько раз.

Годвин неприятно рассмеялся.

- Баллистические ракеты? Что за чушь!

- Как бы там ни было, движутся они весьма целенаправленно, в этом не может быть никаких сомнений, - заметил Тримейн. - Можно подумать, что они... разумные или, по крайней мере, живые.

Джонс хлопнул его по спине.

- Наконец-то вы прозрели!

- И их движению предшествует некий спутный сейсмический поток!

- Это сигналы, Тримейн. Они общаются при помощи модулированных сейсмических волн, которые проникают сквозь горные породы - совсем как мы с вами разговариваем при помощи акустических волн, способных свободно распространяться в воздушной среде.

- Что это за существа, доктор Джонс? - спросила Клер.

- Наш Восьмой отдел отыскал немало сведений, в том числе и в трудах первых геологов, указывающих на возможность существования подобных существ. К примеру, сам сэръ Чарлз Лайелл*²³, вернувшись из путешествия на Сицилию, создал довольно смелую гипотезу, которую, однако, так и не удалось подтвердить. Очевидно, эти существа населяют поверхность ядра Земли. Расплавленная магма для них все равно что наш воздух. В этой среде они способны двигаться и даже летать. Мы назвали их магмоидами.

- Магмоидами?! - удивленно воскликнул Тримейн.

- Нужно же было их как-то назвать! Как бы там ни было, Тримейн, эти существа прекрасно вписываются в линнеевский класс *Paradoxa*. До сих пор у нас не было доказательств того, что они существуют, но и доказать обратное - доказать так, чтобы ни у кого не возникало никаких сомнений, - мы тоже не могли. Нашему Восьмому отделу, как и предшествовавшей ему секретной группе в составе министерства, оставалось только продолжать самые внимательные наблюдения. Магмоиды, со своей стороны, по-видимому не подозревали о существовании человечества, но только до недавнего времени. И когда люди начали взрывать высоко в их атмосфере свои атомные бомбы, когда началось осуществление проекта «Гадес»... Для них

²³ * Чарлз Лайелл (1797-1875) - английский геолог и естествоиспытатель.

ваши бомбы, разумеется, просто хлопушки, однако они все же производят достаточно много шума, чтобы привлечь внимание магмоидов.

- Вот откуда взялся этот период в девяносто минут! - проговорил Тримейн.

- Да. - Джонс кивнул. - Что касается летающих объектов, которые местные жители прозвали Гренделями, то это, очевидно, исследовательские зонды магмоидов. Скорее всего, они автоматические, как наши спутники, и точно так же движутся по орбитам, только внутри Земли, которые, безусловно, обладают значительно меньшей плотностью, так что для магмоидов они все равно что для нас вакуум. Я, правда, пока не знаю, что именно влечет их сюда - ведь Грендели достаточно часто являлись людям на протяжении нескольких веков, но могу предположить, что все дело в каких-то геологических аномалиях, о которых мы пока ничего не знаем. Во всяком случае, Могила Люцифера, как удалось выяснить Уинстону Стаббинсу, представляет собой одну сложнейшую геологическую аномалию, целый конгломерат таких аномалий, если угодно.

Тримейн продолжал изумленно смотреть на экран.

- Это нечто потрясающее! - пробормотал он. - Мы считали, что одиноки во Вселенной. Мы всматривались в звезды, а чужой разум оказался куда ближе - в буквальном смысле у нас под ногами.

- Вы правы, Тримейн. - Джонс кивнул. - Речь идет о первом контакте, не больше и не меньше.

* * *

Мотоцикл с ревом несся по улицам, заваленным обломками кирпичей и битым стеклом. На дороге стали появляться жители Ньюкасла - те, кто остался в живых, один за другим выбирались из разрушенных домов. Над развалинами проносились вертолеты, завывали сирены, откуда-то доносилось зловещее потрескивание разгоравшегося пожара.

- Хорошо, что мы на мотоцикле, - сказала Тельма. - Машина здесь ни за что бы не прошла. Впрочем, шоссе, которое ведет из города, должно быть посвободнее. Жаль, мы ничего не можем сделать для этих людей - ведь они пострадали ни за что!

- Не волнуйся, дочка, - сказала Хоуп. - Ты и так делаешь все, что в твоих силах. - Мотоцикл подскочил на гряде кирпича, и миссис Стаббинс добродушно добавила: - Эй, Уинстон, поосторожнее! Если бы я знала, что ты повезешь меня кататься на «русских горках», я бы надела свою лучшую шляпку.

- Извини, мам.

- Куда ведет этот переулок? - спросила Тельма. - Не на главную дорогу?

- Туда, но проехать будет нелегко. Держись крепче, мама.

Через пять минут они уже оказались на шоссе, но здесь Уинстону пришлось остановиться.

- Боже мой!

Шоссе заполнили люди. Сплошной поток их двигался прочь из города, так что даже выехать на асфальтовую мостовую было невозможно.

- Что там такое? - окликнула сына миссис Стаббинс. - Мне с галерки ничего не видно.

- Это люди, мама. Сотни и тысячи людей. Они покидают город.

- Мужчины и женщины, - подхватила Тельма. - Старики в инвалидных креслах, дети в колясках и в рюкзаках за спинами родителей. Вон там катят даже больничные кровати на колесиках.

- То же самое было и в прошлую войну, - сказала Хоуп. - Когда стали падать бомбы, немало людей ушли из городов в деревни, в холмы, причем некоторые прямо в пижамах, босиком. В военных фильмах такого не показывают.

- Но как же мы проберемся сквозь толпу?

- Это будет ужасно, - с чувством сказал Уинстон.

- Зато впереди шоссе должно быть свободно, - уверенно сказала Тельма. - Вы готовы, миссис Стаббинс?

- Всегда готова.

- Тогда поехали, - отозвался Уинстон и тронул мотоцикл с места. Люди неохотно расступались перед машиной, и они пусть медленно, но все же продвигались вперед. Потом земля снова вздрогнула.

- Вы это тоже почувствовали? - крикнул Уинстон.

- Боюсь, что да, - ответила Тельма. - Новый толчок. - Она посмотрела на часы: стрелки приближались к трем пополудни. - Ну да, только что истекли очередные полтора часа.

- Мы движемся со скоростью пешехода.

- Вы бы ехали куда быстрее, если бы отцепили дурацкую коляску, - заметила Хоуп.

- Мы никогда этого не сделаем, - ответила Тельма, упрямо тряхнув головой.

Откуда-то спереди раздался усиленный мегафоном голос - далекий, но вполне различимый:

- Тельма Беннет! Уинстон Стаббинс! Тельма Беннет! Если вы здесь, дайте о себе знать!..

- Ты слышала? - спросил Уинстон.

- Да. Нас зовут. Я думаю, это капитан Филлипс. Джонс послал его за нами.

- Вперед, седьмой номер, пора спасти игру!.. - пробормотала Хоуп.

- Тише, мама! - поморщился Уинстон и добавил, обращаясь к Тельме:
 - Мне кажется, зовут вон из того грузовика. Видишь, у него фары горят?
 - Останови, - ответила она. - Я сбегая туда и все разуюзнаю.
 - Но...
 - Пешком будет быстрее.
 - Возвращайся скорее, ладно?
- Тельма соскочила с мотоцикла и стала проталкиваться сквозь толпу.
- Извините... извините, пожалуйста. Пропустите! Мне нужно срочно пройти!

* * *

- Вопрос в том, что теперь со всем этим делать, - вздохнул Тримейн. - Лично я не имею ни малейшего представления!..
- Годвин холодно улыбнулся.
- Люди вроде вас способны видеть во всем одни сплошные проблемы,
 - сказал он. - Я же, напротив, вижу лишь новые возможности. При условии, разумеется, что все, о чем вы тут говорили, правда.
 - Хотел бы я знать, почему меня это так сильно пугает? - пробормотал Джонс.
- Зазвонил телефон, и коммодор снял трубку.
- Алло, кто это? Снова вас, Джонс.
 - Дайте сюда... Алло?
 - Джонс?
 - Тельма? Ну наконец-то! С вами все в порядке?
 - Да. Я с капитаном Филлипсом. Уинстон тоже здесь, так что успокойте Клер. Правда, у нас тут, кажется, все начинается снова.
 - Я знаю. У нас толчки тоже ощущаются, хотя и слабее.
 - Мы собрали всю информацию, которая вам нужна.
 - Отлично. Вы молодчина, Тельма.
 - Надеюсь, мы не зря старались. Вы уже поняли, с чем мы имеем дело?
 - С магмоидами, мне кажется. Скорее всего, они атакуют земную кору изнутри. Приезжайте скорее и привозите вашу информацию. И будьте осторожны, конечно.
- Он дал отбой и, положив трубку на рычаг, перевел дух. Облегчение, которое Джонс испытал, когда узнал, что Тельме не грозит непосредственная опасность, оказалось куда сильнее, чем он готов был признать. Впрочем, Джонс довольно скоро пришел в себя и снова стал замечать окружающее: приглушенный звук множества голосов, отдающихся от стен командного пункта, телефонные звонки, стрекот телетайпов и перфораторов, резкий запах озона и нагретого пластика, исходящий от электронных устройств. Доктор очень устал, глаза у него

буквально слипались, но ему было ясно, что уснуть он все равно не сможет, даже если у него появится такая возможность.

Пол под ногами снова содрогнулся, стальные стены жалобно скрипнули.

- Поступают еще сообщения, - доложил майор Краун. - В Ньюкасле новые разрушения. Зарегистрированы сильные подземные толчки близ баз проекта «Гадес» в испанской Севилье и турецкой Анкаре.

- Потери? - быстро спросил Годвин.

- По-видимому, есть жертвы среди мирного населения. К сожалению, связь по-прежнему работает крайне неустойчиво, ситуацию наверху никак не удается взять под контроль.

- У вас есть какие-нибудь предложения, Джонс? - спросил Тримейн.

Ученый пожал плечами.

- Мы мало что можем сделать, пока не вернется Тельма с информацией. Впрочем, у вас, вероятно, есть связь - пошлите предупреждение по своим каналам. Пусть власти приготовятся к повторению толчков через каждые девяносто минут, причем толчки, вероятно, будут усиливаться. Если что-то изменится, мы сообщим им дополнительно. Хочется верить, что мы еще можем выбраться из этой ситуации без особого ущерба. Для магмоидов люди не враги; я думаю, они рассматривают нас как источник мелких неприятностей - ну, вроде грозы или неожиданного дождя, который вдруг пролился на них с их каменных небес. Но если будут взорваны еще бомбы, вот тогда они с нами разберутся, поэтому вам, Тримейн, необходимо в первую очередь позаботиться о том, чтобы остановить испытания. Краун повернулся к Тримейну.

- Вы согласны с этим предложением, профессор?

- Откровенно говоря, - растерянно признался Тримейн, - я далек от того, чтобы безоговорочно согласиться с гипотезой коллеги Джонса, однако между моментом взрыва нашей бомбы и местонахождением других баз проекта «Гадес» с одной стороны и временем и локализацией подземных толчков - с другой несомненно существует какая-то связь. Думаю, было бы разумно прислушаться к его рекомендациям.

- Очень хорошо... - начал было Краун, но Годвин не дал ему договорить.

- Отставить, майор! - резко приказал он, вытаскивая револьвер.

- Коммодор!

- Что вы задумали, Годвин?! - воскликнул Тримейн.

- Я принимаю командование проектом «Гадес» на себя. Если магмоиды действительно существуют - а я все еще в этом не уверен, - следовательно, нам грозит глобальный кризис. В этих условиях найти приемлемое решение можно, только если мыслить категориями ответного удара. Ваши пацифистские штучки здесь не пройдут.

- Ответного удара?! - переспросил Джонс. - Да вы что, с ума сошли?
- Извините, коммодор, - твердо сказал Краун, - но я все-таки должен передать предупреждение доктора Джонса своему правительству.
- Зачем?! Магмиды атакуют Ньюкасл, а не Вашингтон. Вся ключевая информация стекается ко мне, и поэтому никто, кроме меня, не может достаточно квалифицированно принимать решения по важнейшим проблемам, которые встают сейчас перед человечеством. Отойдите от консоли, майор, это приказ.

Прежде чем ответить, Краун набрал полную грудь воздуха.

- Прошу прощения, коммодор, но вы не имеете права отдавать мне подобные приказы. На базе я представляю американскую армию, и мой верховный главнокомандующий - президент Эйзенхауэр, а не вы. Да, мы работаем вместе как союзники, но в данном случае я склонен больше доверять своим собственным выводам. Это диктует мне долг перед моей страной. Нет, сэр, я не допущу, чтобы Олдмурская база вышла из-под контроля моего военного командования.

Годвин нажал на спуск. Грохот выстрела в закрытом помещении прозвучал с особенной силой. Краун покачнулся, упал - и больше не шевелился.

- Майор! - Клер опустилась на колени рядом с американцем и попыталась нащупать пульс у него на шее. - Вы убили его, Годвин!

- Ради всего святого, коммодор! - проговорил Тримейн дрожащим голосом. - Что вы натворили? Неужели вы забыли о присяге, о вашей клятве служить стране и королеве?

- Я служу более высоким целям, Тримейн.

Операторы командного пункта (все как один военнослужащие, вспомнил Джонс) обернулись на звук выстрела и теперь, потрясенные, взирали на мертвое тело, но Годвин быстро овладел ситуацией.

- Я убил предателя! - прорычал он. - За работу! Ну, живо!

Этого оказалось достаточно, чтобы солдаты снова уставились в свои экраны, и Годвин обратился к ученым.

- Я не сомневаюсь, что американский персонал базы будет подчиняться мне, как и раньше, - сказал он. - Остается решить, как быть с вами. Вы либо со мной, либо против меня, третьего не дано. Вас, Джонс, придется снова посадить под замок - так мне будет спокойнее. Что касается вас, констебль Бейнс...

- Вы меня не запугаете, коммодор.

- Я восхищен вашим мужеством, констебль. Что ж, придется арестовать и вас... Остается один профессор Тримейн. Надеюсь, вы не откажетесь от сотрудничества? В конце концов, проект «Гадес» - ваше детище. Вы сами сконструировали бомбы, которые нам предстоит испытывать.

- Но я... я не хотел ничьей гибели...

- Интересно, на что вы рассчитывали, когда посвятили свою жизнь

созданию оружия массового поражения? - презрительно бросил Джонс.

- Я всегда верил в здравый смысл! - вспыхнул Тримейн. - В здравый смысл и добрую волю. Можете спрятать свой револьвер, коммодор, я буду сотрудничать. И рано или поздно я сумею убедить вас в своей... в нашей правоте.

- Дежурный! - позвал Годвин. - Уведите этих двоих и запирайте на гауптвахте. И пришлите кого-нибудь... гм-м... прибраться. Идемте со мной, профессор Тримейн, нас ждет работа.

Когда Джонса и Клер повели к дверям, зал снова содрогнулся.

- Ну вот, опять... - пробормотала Клер и нахмурилась.

* * *

По темной улице скользило пятно странного света, следом неся пронзительный вопль, похожий на крик огромной птицы. Люди, запрудившие проезжую часть, бросились врассыпную, спеша укрыться в тени уцелевших зданий. Многие были напуганы и не знали, что еще может случиться с ними этой страшной ночью.

- Ух ты! - воскликнул Бакс Грейди. - Вы видите?!

- Да, конечно! - отозвался Уинстон. - Это просто фантастика! Я еще никогда не видел Гренделя так близко. Он и впрямь похож на глаз - так и кажется, будто он смотрит на нас с небес. Не удивительно, что люди всегда считали их живыми.

- Подъезжаем к мосту!.. - крикнул стоящий на подножке Филлипс.

- Слава богу, он еще цел... - отозвался Грейди сквозь зубы. Где-то впереди раздался взрыв, и сразу же громко закричали люди.

- Чертов дым! - выругался Грейди. - Что это было? Они взорвали мост? Я ничего не вижу.

- Мост на месте, - отозвался Филлипс. - Держи левее, вот так...

Грузовик подпрыгнул и въехал на мост. С неба раздался еще один вопль.

- Что это там такое? - спросила Хоуп. - Ангелы?

- Нет, мама. Эти штуки называют Гренделями, - пояснил Уинстон.

- Боже мой! - воскликнул капитан. - Смотрите! Они заняли всю длину моста!

Тельма наклонилась к ветровому стеклу, чтобы лучше видеть. Приплюснутые шары Гренделей висели над настилом моста, словно рождественская иллюминация, освещающая движущийся по нему плотный поток беженцев.

- Чувствуете, пахнет серой? - спросил Грейди.

- Я так вспотела, что сейчас растаю, - проворчала Хоуп.

Бакс выглянул из окна и посмотрел на реку внизу.

- Смотрите-ка, вода светится!

Тельма тоже посмотрела на багровый, дымящийся поток вниз.

- Это не вода, сержант. Это лава. Все русло Тайна заполнено расплавленной вулканической лавой.

4.

03:09

И снова Клер и Джонс оказались в камере. На этот раз их сковали наручниками спина к спине и усадили на койку.

- Очаровательная обстановка, - пошутил Джонс. - Похоже, в этом году шаровой*²⁴ цвет окончательно войдет в моду.

- Не смешно, - мрачно заметила Клер.

- Вы правы, разумеется. Простите, что втянул вас в это дело. Еще пара часов такого сидения, и наши плечи начнут буквально отваливаться.

- Жаль, я не успела отговорить Тримейна от сотрудничества с Годвином. Профессор был... как мешком по голове стукнутый.

- Да, крушение всех надежд сильно на него подействовало. Впрочем, пожалуй даже хорошо, что сейчас Тримейн там, с коммодором, а не здесь, с нами. В конце концов, профессор - наш союзник, хотя и не особенно решительный. Он же не знал про секретный командный пункт, так что...

- И что теперь, доктор Джонс?

- Я бы сказал: наша первейшая задача как можно скорее вернуться в этот секретный командный пункт и выяснить, что задумал Годвин.

- И как мы это сделаем? Я не сумею справиться с наручниками голыми руками. Перед тем как поместить нас в/камеру, меня заставили вытряхнуть из карманов все полезные мелочи.

- Что-нибудь придумаем... Сымпровизируем. Скажите, Клер, если я развернусь вот так, сможете вы сунуть руку в карман моего пиджака?

- Это будет нелегко.

- Все-таки попробуйте... Вот так. А теперь покопайтесь там.

- Ну, я вижу - вам тоже не много оставили. Визитные карточки... спички... очки...

- Возьмите очки. Превосходно! У них проволочная оправа, она очень легко расходится, стоит только потянуть как следует.

- Кажется, я начинаю понимать... Признайтесь, доктор, вы ведь не

²⁴ * Шаровой - голубовато-серый. Краска такого оттенка часто используется для окраски надводной части корпусов военных кораблей.

случайно носите именно такие очки?

- В прошлом мне приходилось бывать в переделках. А теперь возьмите проволочную дужку и попробуйте что-нибудь сделать с этим замком.

- Готово. - Раздался двойной щелчок, и обе пары наручников, соединявших их запястья, открылись. Со вздохом облегчения Джонс и Клер отпрянули друг от друга.

- И что дальше? - спросила констебль, бросая наручники на койку. - Боюсь, с этой дверью мне не справиться - на ней стоит магнитный замок.

- Мне кажется, это не понадобится, - сказал Джонс. - Если мое умение ориентироваться на местности мне не изменяет, мы сейчас должны находиться где-то рядом с информационно-вычислительным центром. Ну а эти стенные панели на винтах должны легко поддаться еще одной безделице, которую оставили мне наши тюремщики. - С этими словами он порылся в кармане и достал уже знакомый Клер трехпенсовик. - Сезам, откройся! - громко провозгласил Джонс и принялся за работу.

* * *

За городской чертой в потоке беженцев стали попадаться легковушки, грузовички, микроавтобусы, велосипеды и даже тракторы. Скорость движения оставалась, однако, по-прежнему невысокой, и все же капитан Филлипс считал: они не должны рисковать, съезжая с шоссе на целину. На полях, пропитанных влагой, легко было завязнуть, и Тельма это отлично понимала, однако ее тревога и нетерпение от этого только усиливались.

Милях в пятнадцати от города движение на шоссе замедлилось еще больше, теперь они не ехали, а плелись. Грузовик со всех сторон окружали люди - Тельма отчетливо видела в полутьме поникшие плечи и вытянутые, бледные лица.

- Боже мой! - воскликнул Грейди. - Я-то думал, что дальше от города шоссе будет свободнее!

- Похоже, в Ньюкасле никого не осталось, - заметила Тельма. - Все жители решили убраться от греха подальше, и правильно сделали. А кто это там машет рукой?

- Это полисмен, он приказывает остановиться. - Бакс нажал на тормоза.

- Нам нельзя мешкать! - встревожилась Тельма. - Мы должны как можно скорее доставить доктору Джонсу собранную информацию.

- Я понимаю ваши чувства, мисс Беннет, - сказал Филлипс, - но боюсь, у нас нет другого выхода.

Пока капитан ходил разбираться с полисменом, все остальные вышли

на дорогу, чтобы слегка размять ноги,

- Мы теряем время, - нервно сказал Уинстон. - Нам давно пора быть на базе, а теперь...

- Я знаю, знаю, - отозвалась Тельма. - И волнуюсь не меньше тебя, но тут, наверное, действительно ничего не поделаешь. Как вы себя чувствуете миссис Стаббинс?

- Превосходно, просто превосходно, - ответила Хоуп, которая единственная осталась в машине. - На сиденье гораздо удобнее, чем в детской коляске.

- Слава богу, Филлипс возвращается!

Капитан действительно уже пробивался назад к машине, лицо у него было мрачное.

- Боюсь, у меня плохие новости. Никто ничего не знает, все перепуталось, а на базе происходит что-то странное. С ней уже почти час нет никакой связи, к тому же туда никого не пускают и не выпускают наружу.

- Значит, мы даже не сможем позвонить и поговорить с Джонсом? - расстроилась Тельма.

- Боюсь, что так, мэм. И я бы не советовал вам прорываться на базу самостоятельно: на дорогах выставлены посты, обойти их будет непросто. Ходят слухи, что беженцы собираются штурмовать периметр базы.

- Периметр, который британцы обороняют снаружи, а американцы - изнутри? - удивился Грейди.

- Да. И не исключено, что дело дойдет до стрельбы. На базе находится ядерное оружие, поэтому войска получили приказ удерживать контроль над событиями любой ценой. Я, правда, приказал моим парням ничего не предпринимать до моего возвращения, но теперь к роте я вернусь очень нескоро.

- Почему же? - спросила Тельма.

- Вы же видите, что творится на Дорогах. Кроме того, происходят другие... катаклизмы. Проснулась Чевииот-Хилл - я имею в виду саму гору. Теперь это действующий вулкан. Потоки лавы стекают в долины, продолжаются подземные толчки, в земле образуются глубокие трещины... ну и так далее.

- Это невозможно! - вмешался Уинстон. - Здешние вулканы молчали много миллионов лет!

- Скажите это вулканам, молодой человек. - Капитан Филлипс слегка пожал плечами. - К счастью, аварийные службы наконец-то начали действовать, но им предстоит очень много работы. Эти люди не смогут идти бесконечно, рано или поздно им понадобится отдых, поэтому нам необходимо организовать временные лагеря для беженцев: поставить вдоль шоссе палатки, обеспечить подвоз воды и продовольствия, первую медицинскую помощь и так далее. А для этого нужно в первую

очередь освободить шоссе, иначе колонны с гуманитарными грузами не смогут добраться до города. В данной ситуации мой долг как офицера британской армии состоит в том, чтобы организовать помощь мирному населению, поэтому мне придется остаться здесь. Констебль, подойдите сюда! - окликнул он полисмена. - Поступаете под командование сержанта Грейди. Ваша задача - сортировка беженцев. Направляйте их на обочины да возьмите себе в помощники несколько мужчин покрепче и помоложе...

- Как все это некстати! - вздохнула Тельма.

- Не переживайте милочка, - сказала из кабины Хоуп. - Рано или поздно вы доберетесь до своего доктора Джонса.

- Этого-то я и боюсь, - сказала Тельма и пояснила: - Боюсь, что будет слишком поздно.

* * *

Металлическая стенная панель со звоном упала на пол, и Джонс, слегка поморщившись, заглянул в образовавшуюся дыру.

- Ну вот, все в порядке. Я не ошибся.

Клер встала на четвереньки и первой пролезла в отверстие.

- Так и есть, это зал электронно-вычислительных машин.

- И никого поблизости. Отлично! Насколько я помню, люк в секретный командный пункт был под этим ковром.

Клер приподняла край ковра.

- Вот он. Теперь нам достаточно только...

- Пойдите, Клер, не спешите. Вы, конечно, можете ворваться туда со своим удостоверением и всех арестовать, но если Годвин сейчас там, он, скорее всего, застрелит нас обоих, как беднягу Крауна. Нет, нужно найти другой способ попасть на КП.

- Какой же? - Она посмотрела на вентиляционные решетки на стенах. - Как насчет вентиляционных шахт?

Джонс улыбнулся.

- Вы начитались американских детективов, констебль. Слышите гул? Это вентиляторы. Они изрубят вас в фарш, прежде чем вы успеете продвинуться хотя бы на пять ярдов. Нет, есть другой путь. Что, по-вашему, соединяет эту комнату и секретный командный пункт Годвина?

Клер огляделась.

- Электронно-вычислительные машины?

- Точно! - Джонс щелкнул пальцами.

- Вы шутите?

- Нисколько. Эти огромные шкафы внутри почти пустые. Помогите-ка мне снять защитный кожух с этого обрабатывающего узла. Вы не забыли захватить нашу счастливую монетку? - Они торопливо

ослабили несколько винтов и вывернули их вручную. - Уф-ф, тяжелая! Ну вот и все. Видите, снаружи эта штука размером с платяной шкаф, но внутри почти ничего нет, только ферритовая память и несколько проводов... Ага, вот и люк, видите? Он наверняка ведет в такую же ЭВМ внизу.

- Я чувствую себя крысой, которая ползает за плинтусом, - пожаловалась Клер.

- Лучше быть живой крысой, чем мертвым констеблем, - отозвался Джонс. - Вперед, Клер, не бойтесь. Только смотрите, не угодите в крысоловку.

* * *

- Рад видеть вас снова за работой, профессор, - сказал Годвин, останавливаясь за спиной склонившегося над консолью командного пункта Тримейна.

- Я проверяю, как работают сейсмометрические системы. Думаю, к утру мы соберем еще немало ценной информации. Упустить такую возможность было бы непростительно. Что меня беспокоит, так это судьба доктора Джонса и этой женщины-констебля. Что вы намерены с ними сделать?

- Ничего, если только они не натворят каких-нибудь глупостей. Впрочем, пока они сидят под замком, это маловероятно.

Тримейн покачал головой.

- Даже не знаю, могу ли я доверять вам как прежде, коммодор...

- Не надо слишком драматизировать ситуацию, Тримейн.

- Драматизировать?! Вы только что убили человека - офицера дружественной армии, убили у меня на глазах, и после этого говорите мне, что я что-то там драматизирую? Кстати, что это за секретный или дублирующий командный пункт, о котором говорил Джонс? Зачем он вам понадобился?

- А вы ему поверили, этому Джонсу?

- У меня нет оснований не верить ему.

- Очень хорошо. Я покажу вам этот командный пункт. Думаю, на данном этапе это будет даже полезно для проекта. Идемте. Впрочем, вы можете отправляться, я подойду чуть позже... - Годвин протянул ученому два ключа - простой и магнитный, а также схему базы с указанием маршрута. - Мне нужно проинструктировать капитана Грингейджа, который теперь командует американским персоналом базы. Я хочу, чтобы он усилил охрану периметра. После этого я присоединюсь к вам.

Тримейн взял ключи.

- Хорошо. Нам с вами нужно о многом поговорить, Годвин. От этого

будет зависеть наша дальнейшая совместная работа.

* * *

Секретный командный пункт был пуст, хотя на консолях перемигивались лампочки, по экранам струились синусоиды осциллограмм, а из недр электронно-вычислительных машин доносились трескучий речитатив срабатывающих реле и жужжание лентопротяжных механизмов.

- Смотрите, - сказала Клер, - здесь как будто идет какая-то работа!

- Вы правы, - кивнул Джонс. - Нужно только выяснить какая. Ну-ка, поглядим... - Он достал из кармана макинтоша пару запасных очков и, водрузив их на нос, стал нажимать кнопки и щелкать переключателями.

Клер нервно прохаживалась по залу позади него. - Эти светящиеся лампочки на карте... - внезапно проговорила она. - Они ведь обозначают места, где находятся другие базы проекта «Гадес», правда? Майор Краун упоминал о них, когда магмиды атаковали нас в первый раз.

- Я помню. - Джонс кивнул. - И вы снова правы, Клер. Этот секретный командный пункт, похоже, предназначен для руководства проектом в глобальном масштабе.

- Секретный бункер глубоко под землей, карты мира и вспыхивающие на них лампочки... Совсем как в детективах, доктор. Точнее - как в шпионских романах.

- Годвин не шпион, - рассмеялся Джонс. - Но, согласен, в нем определенно есть что-то почти по-книжному утрированное. Этаким шаржированный злодей... Впрочем, это не делает его менее опасным. Ага, я так и думал! Подойдите-ка сюда, Клер. Видите эту контрольную панель с большими красными кнопками?

- Эту?

- Да. Стоит перевести рычаг в верхнее положение, и здешние ЭВМ перехватят управление электронно-вычислительными машинами верхнего зала. Они просто перестанут воспринимать команды, введенные не отсюда.

- То есть отсюда действительно можно взять под контроль всю базу?

- Не базу, а *базы*. Видите эти устройства прямой связи с базами по всему миру? Следите за картой, а я попробую кое-что сделать. - Он повернул рычаг.

- Ничего себе! Все лампочки на карте из красных стали зелеными.

- Я полагаю, зеленый цвет означает полную готовность. Итак, Клер, мои худшие опасения подтвердились: из этого зала можно контролировать весь проект «Гадес» - глобальную сеть термоядерных зарядов повышенной мощности.

- То есть теперь проектом командует коммодор Годвин?
 - Скорее всего, это так. Вопрос лишь в том, зачем ему это понадобилось. Для чего он намеревался использовать эту невероятную мощь и что он собирается предпринять теперь, когда магмиды поднялись из глубин Земли к ее поверхности? Впрочем, есть еще одна вещь, которую мне хотелось бы знать. Видите этот пульт? - Джонс показал на отдельную консоль, по которой перебежали россыпи разноцветных огоньков. - У меня такое ощущение, что эта ЭВМ перепрограммирует сама себя, а вместе с нею изменяются сам характер и назначение проекта «Гадес».
 - Меняется характер проекта? Но в какую сторону?
 - Этого я не знаю, но думаю, вряд ли эти изменения придутся нам по нраву.
 - А что означают цифры на этом индикаторе? Похоже на обратный отсчет.
 - Так и есть. Это таймер. Похоже, сегодняшний фейерверк был не последним: Годвин собирается взорвать еще что-то, но что?
 - Об этом вам лучше спросить у него самого, - раздался позади них голос Тримейна.
- Джонс, вздрогнув, круто обернулся назад. Ни он, ни Клер не слышали, как вошел профессор.
- О'кей, Джон, вы поймали нас с поличным, - медленно проговорил Джонс. - Что дальше?
 - Как я и говорил, об этом лучше спросить у коммодора, - был ответ.
 - Подумайте как следует, Тримейн! Быть может, это наш последний шанс остановить Годвина. Если бы вы показали мне, как отключить эти электронные машины...
 - Я обещал Годвину, что буду с ним работать и дальше, и сдержу слово. - Тримейн включил интерком. - Говорит Джон Тримейн. Вы срочно нужны на запасном командном пункте, коммодор.

* * *

Несмотря на все усилия полиции и подоспевших им на помощь армейских подразделений, очистить шоссе для проезда долго не удавалось. Люди все шли и шли из города, и в рев сирен, урчание моторов и стрекот вертолетных лопастей то и дело вплетались протестующие возгласы и детский плач.

Капитан Филлипс сидел в кабине грузовика. Он только что вернулся с шоссе и теперь вытирал платком покрытый испариной лоб.

- Надо передохнуть, - сказал он. - Иначе я не выдержу.
- Нелегко вам приходится? - посочувствовала Тельма.
- Гражданские!.. - фыркнул капитан. - Я уже устал повторять им, что

нужно потерпеть, что грузовики с продовольствием и палатками уже вышли, - они не желают ничего слушать. Вынь да положь им еду, воду, одеяла, причем немедленно! Неужели так трудно сообразить, что мосты во многих местах обрушились, а шоссе перерезано потоками лавы и на объезд понадобится время?

- Ну, коли вы это понимаете, вам и карты в руки, - неожиданно сказала Хоуп. - Попробуйте решить проблему самостоятельно.

- Но послушайте, миссис Стаббинс!.. - возмутился Филлипс,

- Нет, это вы послушайте, - вмешалась Тельма. - Что вы хотели сказать, миссис Стаббинс?

- Я даже в кабине слышу, как плачут дети. Что вы сделали для малышей, капитан?

- Что же я могу? У нас ничего нет.

- Чушь собачья! Где здесь можно достать питьевую воду?

- Цистерна с водой уже вышла, но...

- Цистерна? Зачем она вам понадобилась? - удивилась Хоуп.

- Вон в том овраге справа от шоссе протекает довольно большой ручей, - подсказал Уинстон.

- Вот именно. Отправляйтесь туда и начинайте устраивать лагерь.

- Но у нас нет палаток, - возразил Филлипс.

- Напрягите же мозги, капитан! - посоветовала миссис Стаббинс.

- Можно взять тент от нашего грузовика, - предложил Грейди.

- Вот видите, - обрадовалась Хоуп. - Значит, одна палатка уже есть. В первую очередь нужно позаботиться о женщинах с детьми и стариках. Отведите их в укрытие и раздайте сухое молоко и печенье.

- Какое сухое молоко? Где я его возьму? - недоуменно пробормотал Филлипс.

- Каждая мамаша наверняка несет с собой одну-две банки детского питания, а то и больше. На шоссе сейчас тысячи людей, которые тащат на себе почти весь свой скарб - нужный и ненужный. Пошлите полицейских - пусть спрашивают, у кого есть продукты. Разумеется, чтобы развести сухое молоко потребуются горячая вода, но, я думаю, доблестные британские солдаты сумеют набрать хвороста для костра.

- Хорошо, миссис Стаббинс, так и сделаем, - согласился Филлипс, и лицо его просветлело.

- Это еще не все, - перебила его Хоуп. - Пусть детей осмотрят врачи.

- Какие врачи?

- Я готова прозакладывать свой лучший комплект вставных зубов, что в этой толпе отыщутся один-два педиатра. Нужно только их найти.

- Хорошо, я распоряжусь. У вас есть еще какие-нибудь предложения, Хоуп?

- Конечно. После того как вы позаботитесь о детях и стариках, нужно подумать о горячей пище для остальных. Эх, молодой человек, под бомбами нацистов вы не протянули бы и пяти минут... Помогите-ка мне,

Уинстон: я намерена заняться этим делом сама. А вы, капитан, следуйте за мной.

- Удивительная женщина, эта миссис Стаббинс! - вполголоса пробормотал капитан Филлипс, прежде чем последовать за Хоуп и Уинстоном.

- Ваша правда, - согласилась Тельма. - Изобретательная и стойкая, как сама Англия. Идемте, я тоже постараюсь помочь, чем смогу, раз уж мы все равно здесь застряли.

* * *

Годвин вошел в секретный командный пункт, держа револьвер наготове.

- Я вижу, пташки снова выбрались из клетки. Кажется, я обошелся с вами достаточно мягко, но даже мое терпение может истощиться, Джонс.

- Не трогайте их, коммодор, - сказал Тримейн. - Я сам вызвал вас сюда, чтобы передать их в ваши руки. Я сдержал слово и требую, чтобы вы тоже поступали так, как диктует элементарная порядочность.

Годвин громко рассмеялся.

- Вы и в самом деле идеалист, Тримейн!

- Не забывайте, это я разрабатывал проект «Гадес», и теперь мне хочется знать, что вы намерены делать с бомбами. Скажите правду, Годвин. Для чего вам понадобилось перехватывать контроль над проектом?

- При всем моем уважении, Тримейн, я сомневаюсь, что вы в состоянии это понять.

- Каким задумывали проект «Гадес» вы, профессор? - быстро спросила Клер.

- Это должна была быть широкая испытательная программа. Несколько сверхмощных бомб, взорванных в различных районах земного шара, - вот, собственно, и все.

Джонс показал на карту мира на стене.

- Почему вы выбрали для испытаний именно эти места?

- Различные геологические условия, - пояснил Тримейн. - Я уже говорил: мы хотели разработать план, позволяющий использовать бомбы для вскрытия месторождений полезных ископаемых.

- Сомневаюсь, что именно добыча полезных ископаемых была истинной целью тех, кто вас финансировал, Тримейн. Скажите, в этих районах проводилась хоть какая-нибудь предварительная разведка?

- Разведка?

- Ну да. Или некий синклит высокопоставленных военных просто прислал вам список будущих баз?

- В общем, вы правы, Джонс... Проект утверждался на довольно высоком политическом и военном уровне. Как мне сказали, выбор локаций был продиктован в первую очередь соображениями безопасности и секретности. Кроме того, подземные испытания не должны были спровоцировать нашего вероятного противника на нанесение превентивного удара.

- Так вам говорили. - Джонс несколько раз кивнул.

- Да. Но теперь столь активное участие военных в проекте кажется мне в высшей степени подозрительным. Вы можете сказать что-нибудь по этому поводу, Годвин?

- Могу... Все равно вы в конце концов догадаетесь, если уже не догадались. Благодаря вмешательству военных проект «Гадес» давно перерос ваши детские мечты о «географическом инжиниринге» и добыче полезных ископаемых. Наш секретный Комитет сумел разглядеть в вашем проекте куда более серьезный потенциал.

- Секретный Комитет? - переспросил Джонс. - Кто же в него входит? Такие же, как вы, любители побряцать оружием, коммодор?

- В Комитет входят представители британских вооруженных сил и их союзников из Пентагона, вермахта, французской армии, японских Сил самообороны. Все это высшие офицеры, патриоты своих стран, которых весьма заботит современное положение дел на мировой арене.

- А кому подчинен этот Комитет, Годвин? - спросил Тримейн. - Перед каким законно выбранным правительством он отчитывается?

- Все законно выбранные правительства уже доказали свою полную неспособность к решительным действиям, - отрезал Годвин. - И это должно быть абсолютно ясно каждому думающему человеку. Тот же Эйзенхауэр наотрез отказался рассматривать концепцию ограниченной ядерной войны. Что это, как не близорукость? Он готов санкционировать массированный ядерный удар, да и то только в случае нападения на страны-союзники, однако локальную войну он отвергает в принципе.

- Но это только логично, - резко сказал Джонс. - Кроме того, Эйзенхауэр занимает в воинской иерархии куда более высокое положение, чем вы, коммодор. И он отлично знает: выиграть ядерную войну невозможно, как невозможно запретить или уничтожить все ядерные боеприпасы, зато можно создать такую систему, которая сделает использование атомного оружия невозможным. Черчилль в свое время тоже говорил о том, что единственная надежда мира уцелеть заключена именно в возможности его всеобщего и полного уничтожения.

- Вы и вправду верите, что ядерное оружие не будет применено никогда и ни при каких условиях? Нет, Джонс, в человеческой истории еще никогда не было оружия, которое в конце концов не

использовалось бы на полях сражений, причем в самом массовом порядке.

- Ядовитые газы не использовались на фронтах Второй мировой, - парировал Тримейн. - Бактериологическое оружие тоже.

- Да-да. Я имел в виду, что так называемая концепция «гарантированного уничтожения» способна привести нас только к глобальной катастрофе или к поражению от противника, обладающего более крепкой волей, чем наши вечно колеблющиеся политики.

- И поэтому, - резюмировал Тримейн, - клика заговорщиков-военных решила захватить власть.

- Мы не заговорщики! Мы - организация людей, хорошо информированных и ответственных, которые к тому же обеспокоены...

- Которые к тому же захватили в свои руки проект «Гадес» вместе со всей сетью сверхмощных термоядерных зарядов, - перебил Джонс. - Точнее, захватили вы, Годвин!

- Это не входило в наши планы, Джонс. И если бы не ваши гипотетические магмиды... В общем, в сложившейся ситуации я вынужден действовать решительно.

- Решительно?! - воскликнул Тримейн. - Да это самое обычное предательство, Годвин! Предательство и измена!

- Лучше скажите нам, коммодор, что вы намерены делать с бомбами? - спросил Джонс.

* * *

Возле шоссе пылали костры, над ними посвистывали закипающие чайники, вдали несколько голосов затянули песню.

- Вы, британцы, не перестаете меня удивлять, - сказал Грейди капитану Филлипсу, столкнувшись с ним возле грузовика.

- Дух лондонского блица^{*25} еще живет, не так ли, сержант?

- У меня хорошие новости, капитан. Конвой с гуманитарной помощью на подходе.

- Давно пора.

- А вот новости из Олдмура не такие веселые. База по-прежнему закрыта для входа и выхода. Связи тоже нет.

- Ну хорошо. Шоссе впереди более или менее очищено, помощь скоро прибедет. Думаю, теперь мы можем ехать. Готовьте грузовик, Грейди, а я пойду разыщу мисс Беннет.

²⁵ * *Лондонский блиц - ночные налеты немецко-фашистской авиации на Лондон в 1940-1941 гг. во время Битвы за Англию.*

* * *

- Смотрите, доктор, - пробормотала Клер. - Еще одни часы пошли.
- Еще один обратный отсчет... - Джонс поморщился. - У нас осталось всего несколько минут, но до чего?
- ...Все должно было быть именно так, Тримейн, - продолжал Годвин. - Необходимо было не только заложить бомбы, но и взять их под полный контроль, причем именно сегодня, еще до первых испытаний. Все это в обстановке строжайшей секретности, разумеется... Вы не можете этого не понимать.
- И что будет, когда все бомбы взорвутся? - вмешался Джонс. - Что будет тогда, Годвин? Какова ваша истинная цель? Впрочем, попробую догадаться. Если учесть места расположения баз... Ваши бомбы дают направленный взрыв, не так ли, Тримейн?
- Ну да, - подтвердил тот. - В этом и заключался смысл проекта. Я сконструировал бомбы таким образом, чтобы с помощью одного взрыва можно было вскрыть залегающее в толще пород рудное тело или пробить туннель.
- Но что случится, если взорвать сразу несколько бомб, распределенных по всему земному шару? Подайте-ка мне вон тот лист бумаги, Клер. И карандаш тоже...
- Вот, возьмите, пожалуйста.
- Джонс принялся что-то быстро чертить на бумаге.
- Смотрите, Тримейн... Если направить ударные волны вот так... или, скажем, вот так, у нас получится...
- Боже мой! Да, вы правы. Ударные волны нескольких взрывов войдут в резонанс и создадут сейсмическую волну огромной магнитуды, которую можно будет направить куда угодно - в любой район, в любую точку Земли.
- Я что-то не совсем понимаю, - сказала Клер. - О чем речь?
- Об оружии, констебль, - пояснил Джонс. - О новом сверхмощном оружии, обладающем невероятной разрушительной силой. Проект «Гадес» и есть это оружие, которое использует скоординированные соответствующим образом подземные термоядерные взрывы для нанесения противнику сокрушительного геосейсмического удара.
- Вы знаете, что такое сверхвулкан, Джонс? - спросил Годвин почти спокойно. - Кратер одного такого вулкана, действовавшего на Земле сотни миллионов лет назад, сохранился в Йеллоустоунском парке в американском штате Вайоминг. Еще два кратера ученые обнаружили на Суматре и в Новой Зеландии. Извержение подобного вулкана напоминает колоссальной силы взрыв, который выбрасывает дым и пепел прямо в стратосферу. Раскаленные газы, пепел и каменные бомбы способны превратить в выжженную пустыню сотни и тысячи квадратных миль некогда цветущей земли.

- К счастью, все эти супервулканы погасли задолго до появления на Земле человека, - мрачно заметил Джонс. - Но вы намерены создать новый рукотворный вулкан и использовать его как оружие. В этом заключался ваш чудовищный план, Годвин?

- Подумайте сами, если бы удалось создать подобный вулкан в том месте, где находится Москва, мы сумели бы навсегда избавиться от коммунистической угрозы. Советскому Союзу пришел бы конец.

- Скажите уж, всему миру. Это предположение намного ближе к истине.

- Мы вовсе не собирались взрывать все бомбы. Сегодня утром мы объявили бы об их существовании, а проведенное в полночь испытание лишь подтвердило бы, что наше оружие достаточно мощное и что мы готовы пустить его в ход, несмотря на ужимки и кривляния трусливых политиканов. Одного этого - я уверен - хватило бы, чтобы Советский Союз рассыпался, как карточный домик.

- Но я ничего этого не хотел, нет! - воскликнул Тримейн. - Я даже не имел в виду ничего подобного!

- Вы рассказали нам не все, не так ли, Годвин? - спокойно проговорил Джонс. - Я вижу, эти электронно-вычислительные машины находятся в состоянии активного перепрограммирования. Вы намерены каким-то образом изменить проект «Гадес», перенацелить его на что-то другое. На что?

Тримейн, который с каждой минутой приходил во все большее негодование, не дал Годвину ответить.

- Я хотел, чтобы мой проект показал людям всего мира, какое это опасное безумие - термоядерная война. Мне хотелось подарить народам не оружие, а орудие, с помощью которого они могли бы сделать наш мир богатым и счастливым, но мне помешали. Меня предали! Вы, Годвин, и ваши друзья-заговорщики использовали мой проект в прямо противоположных целях. Вы превратили его в могучее оружие, способное уничтожить все человечество и саму Землю! Что же я наделал! Что натворил! - Он склонился к контрольной панели, лихорадочно всматриваясь в россыпь светящихся огоньков.

Годвин поднял револьвер.

- А ну назад! Отойдите оттуда!

Но Тримейн его не слушал.

- Это моя вина! Во всем виноват я один, и теперь мой долг - остановить безумие. - Он схватил тяжелый сборник управляющих кодов и одним ударом разбил вдребезги один из экранов.

Годвин прицелился.

- Вы сами напросились, Тримейн!

- Нет! - Джонс бросился на коммодора, пытаясь перехватить оружие, и оба упали на Тримейна, сбив того с ног. Раздался выстрел; доктор не только услышал его, но и почувствовал сотрясение воздуха. Из

пробитой пулей трубы ударила струя пара, завывла сирена, и Джонс откатился в сторону, пытаясь укрыться за одной из рабочих консолей.

- Доктор Джонс! - крикнула Клер.

- Не высовывайтесь, констебль!

- Что с Тримейном?

Джонс осторожно выглянул из-за стойки и посмотрел на распростертое на полу тело.

- Кажется, цел, просто потерял сознание. Вот бедняга! Из-за одного маньяка и предателя погибло дело всей его жизни.

- Можете не прятаться, это бесполезно. Выходите и старайтесь не делать резких движений.

- Он нас не видит, - шепнула Клер. - Это из-за пара.

- Да. Постарайтесь вытащить Тримейна, а я отвлеку Годвина.

- Но, доктор...

- Выслушайте меня, констебль. Вы должны отвести профессора к Уинстону и Тельме. Скажите им, что они будут работать втроем. Пусть начнут с самого полного анализа информации о магмоидах. Это должно дать результаты.

- Каким образом?

- Для того чтобы объяснить что-то магмоидам, нужно понять, как они общаются, что говорят друг другу, расшифровать, насколько удастся, их язык.

- Расшифровать их язык?.. Впрочем, о чем это я?.. Я вас все равно не оставлю.

- Не будьте душой, констебль. Тримейн нуждается в вашей защите, я - нет.

- Но Годвин...

- Я с ним справлюсь... так или иначе.

- Вы все еще под арестом, доктор Джонс, не забывайте.

- Да, разумеется. А сейчас - пошевеливайтесь! Ну!..

Он услышал, как Клер быстро поползла прочь, и на мгновение приподнялся над консолью.

- Я здесь, коммодор!

Треснул выстрел, и Джонс снова пригнулся. Сирены продолжали выть, но шипение пара прекратилось.

- Кажется, вашим друзьям удалось сбежать! - крикнул Годвин. - Но для вас ничего не изменилось. Вы все еще здесь, и я тоже.

- Вы, я и планета, напичканная бомбами. Обратный отсчет все еще идет. Кстати, Годвин, я вас не боюсь, все равно вы меня не убьете. Таким, как вы, непременно нужны зрители, чтобы было перед кем распускать хвост.

- Советую вам не злить меня, Джонс.

- Ах да, я и забыл, что говорил о вас Тримейн. У вас маловато терпения. Вы заводитесь с пол-оборота, верно? Сначала все тихо,

спокойно, потом - трах-бабах! Ну да ладно, меня это не касается... Лучше расскажите мне о ваших планах, коммодор.

- Как вы справедливо заметили, я запустил процесс перепрограммирования счетно-вычислительных машин базы. Я, конечно, не специалист, но процедура была достаточно простой и... Словом, я справился.

- Вы изменили последовательность срабатывания зарядов, не так ли? Перенаправили ударные волны? И что произойдет, когда закончится обратный отсчет? Новый, ужасный взрыв? Но кого вы намерены взорвать, Годвин? Ведь не русских же...

- Сейчас нам, конечно, не до русских, потому что человечество неожиданно столкнулось с новой, еще более страшной угрозой.

- Остановитесь, Годвин! Ведь не собираетесь же вы...

- Вы сами подсказали мне, откуда они берутся и где обитают. На внутреннем ядре Земли, как я понял... Проект «Гадес» позволяет нанести удар по врагу, находящемуся на противоположной стороне планеты, прямо сквозь толщу Земли. Нацелить резонансную сейсмическую волну на ядро планеты было проще простого.

Из динамиков системы оповещения базы раздался записанный на пленку голос:

- Внимание! До запуска процесса полной синхронизации элементов проекта «Гадес» осталось десять секунд. Девять... Восемь...

- Значит, вы собрались атаковать магмоидов, коммодор? Ну, теперь я не сомневаюсь, что вы окончательно сошли с ума! Только сумасшедший может объявить войну существам, стоящим во всех отношениях непредставимо выше человечества, - войну, которую нельзя выиграть по определению!

- Это *вы* неспособны выиграть войну, Джонс, а я слеплен из другого теста. Да и можно ли придумать лучший способ проверить, действительно ли наше новое оружие столь могущественно, как мы представляли.

- Я не допущу этого, Годвин. Вы безумец!..

- Назад, доктор!

- ...Три... Две...

- Остановитесь, Годвин!

- Добро пожаловать в ад, Джонс.

- ...Ноль.

Чудовищный взрыв заставил стены бункера содрогнуться.

Грузовик свернул к обочине и затормозил.

- Олдмур, конечная! - объявил Бакс Грейди, выключая двигатель.

Все вышли из кабины. Грейди отправился «на рекогносцировку», как он сказал, остальные пока оставались на месте. Уинстон зевал, деликатно прикрывая рот рукой, Тельма моргала, стараясь проснуться, - на протяжении последних нескольких миль она клевала носом и сейчас никак не могла прийти в себя. Восточный горизонт чуть посветлел, но до рассвета было еще далеко. Зато территория базы на западе была освещена ярче прежнего: к обычным фонарям добавились теперь прожекторы и осветительные ракеты, то и дело взмывавшие в воздух. Откуда-то доносились странные звуки, похожие на одиночные выстрелы. До проволочного ограждения базы оставалась всего четверть мили.

- Что нам делать дальше, Тельма? Где доктор Джонс? - спросил Уинстон.

- Я не знаю. Возможно, он до сих пор где-то на базе, я имею в виду - в бункере. - Она повернулась к Филлипсу: - Что это был за взрыв, капитан? Он чуть не перевернул наш грузовик. Ощущение такое, словно кто-то встряхнул шоссе, как огромное полотенце!

Капитан Филлипс пожал плечами.

- Возможно, проснулся вулкан, но на самом деле я так не думаю. Причина в чем-то другом.

- Я уверен, это была еще одна бомба, - сказал Уинстон. - Ощущения те же, что и при первом взрыве. Но откуда здесь взялся новый термоядерный заряд и почему они решили его взорвать? Что вообще происходит на этой базе?!

- Откуда мне знать! - голос Филлипса прозвучал раздраженно, но злился он, скорее, на себя или на командование, которое не потрудилось поставить его в известность о всех возможных вариантах развития событий. - Боюсь, до рассвета мне придется принять очень непростое решение. И не одно.

Из полумрака вынырнул сержант Грейди.

- Что вы можете сказать по существу? - резко обратился к нему Филлипс.

- Связи с бункером нет уже несколько часов. Ваши ребята оцепили базу снаружи и никого не пропускают ни внутрь, ни наружу. Наблюдатели сказали мне, что и американские подразделения на территории базы приведены в полную боевую готовность.

- Прелестно! Вооруженные британцы снаружи, вооруженные американские пехотинцы внутри - не хватает только, чтобы какой-нибудь болван приказал открыть огонь. То-то весело будет. А ведь мы, кажется, союзники... Кто там командует вашими соотечественниками, Грейди?

- Неизвестно, сэр.
- Как так - неизвестно? - слегка опешил Филлипс.
- Ходят слухи, что в бункере произошла какая-то заварушка и майор Краун был убит. Ваши солдаты подслушали, как об этом шептались американские часовые за загородкой.
- Но ведь Краун был старшим американским офицером базы, и если его убили... Ну и дела!
- Что вы намерены предпринять, капитан? - спросила Тельма.
- Я обязан разобраться в ситуации и взять ее под контроль - и чем раньше, тем лучше. Если кто-то захватил базу и начал взрывать атомные бомбы... Боюсь, нам все-таки придется штурмовать периметр. Впрочем, это еще не худший вариант.
- Смотрите! - внезапно воскликнул Уинстон. - Вон там, почти у забора!.. Кто-то вылезает из люка в земле!
Резко обернувшись, Тельма увидела, как участок газона приподнялся вместе с травой, сдвинулся в сторону и из дыры появились какие-то фигуры.
- Господи, это же профессор Тримейн! - ахнул Филлипс. - И с ним эта упрямая женщина-полицейский!
- Идемте же! - поторопила его Тельма. - Они наверняка знают, где доктор Джонс.

* * *

- Вы курите, доктор Джонс?
- Курю? Нет, коммодор.
Годвин чиркнул спичкой, закурил длинную сигару и с наслаждением выпустил ровное колечко дыма.
- Превосходный табак! Кубинский.
- Разве наше правительство не участвует в экономической блокаде Кубы? Мы больше не покупаем кубинские товары.
- Еще ни одному правительству не удавалось справиться с контрабандой, в особенности если речь идет о предметах роскоши. Кубинские сигары по-прежнему остаются лучшими в мире, и очень жаль, что их производят только на этом мерзком острове, пораженном красной заразой. Впрочем, это лишь еще один из признаков того, что в мире не все в порядке. Не так ли, Джонс?
- В мире не все в порядке, говорите вы? Да, безусловно, а будет еще хуже. Вы взорвали свою бомбу, и через девяносто минут магмиды нанесут ответный удар. Предыдущий полуторачасовой цикл они почему-то пропустили - во всяком случае, мы здесь ничего особенного не почувствовали, но в следующий раз... - Он посмотрел на часы. - Думаю, это случится около шести утра, и на этот раз магмиды атакуют

непосредственно базу. Что вы намерены делать, коммодор? На вашем месте я бы постарался как можно скорее выбраться из этого стального гроба и...

- Моя работа на базе еще не закончена.

- Не закончена? Что вы имеете в виду?

- Проект «Гадес» - довольно сложная штука, доктор. Вам известно, что Великобритания тратит на оборону втрое больше, чем на образование, и это сейчас, когда у нас, как считается, царит мир? Представляете, что произойдет, если кто-то убедит правительство в том, что страна находится в состоянии войны? Деньги потекут рекой, останется только направить их на нужды именно нашего проекта. Впрочем, сделать это будет довольно легко. Джонс вздрогнул.

- Я вас понял, Годвин. Вы хотите сказать, что у вас есть еще бомбы, кроме тех, которые вы уже взорвали. Заклинаю вас, коммодор, остановитесь! Вы уже атаковали магмоидов, нанесли удар по их родному дому в центре Земли. Неужели вам мало?

- Я боюсь только одного: что *им* этого будет мало. На этот случай у меня, как у каждого грамотного военного, имеется резерв. Первый удар их расшевелил, но второго они не ждут. Пусть повылезают из своих нор, тут-то мы их и накроем. Это стандартная тактика, Джонс. Вторым ударом покончит с ними, и обратный отсчет уже идет. Через некоторое весьма непродолжительное время ваши червяки получат еще одну порцию, и боюсь, что ее им не переварить.

Джонс смотрел на него широко открытыми от ужаса глазами.

- Боже мой, Годвин, неужели вы не в состоянии понять, с чем имеете дело? Вы не знаете магмоидов, не имеете о них ни малейшего представления. Они способны смахнуть человечество с лица Земли с такой же легкостью, с какой мы стряхиваем крошки со стола. Остановите это безумие, коммодор! Впустите капитана Филлипса и его людей на территорию базы, и пусть Тримейн отключит ваши электронные машины. В противном случае вы погубите Землю.

Поблизости - быть может, даже в верхнем помещении - что-то грохнуло. Звук был таким, словно взорвалась ручная граната, стены бункера затряслись, и Джонс невольно вскочил, но на лице Годвина не дрогнул ни один мускул.

- Сядьте на место и успокойтесь, - скомандовал он. - Вы всегда так бурно реагируете? Имейте в виду, мой револьвер заряжен, так что постарайтесь без глупостей. Вы уверены, что не хотите сигару? Напрасно, они и в самом деле выше всяких похвал.

«Я должен дать знать наверх, что происходит в этом сумасшедшем доме, - подумал Джонс. - И я сделаю это во что бы то ни стало».

Клер и Тримейн, прихрамывая, двигались прочь от проволочного ограждения базы.

- Это все моя вина!.. - бормотал Тримейн. - Я во всем виноват.

Клер, отдуваясь, поддерживала его под руку.

- Пошевеливайтесь, профессор, нам нельзя останавливаться. Мы должны отойти от ограждения как можно дальше, пока нас не заметили. Слишком много стволов направлено в нашу сторону, и если кто-то из охранников базы нас увидит...

- Я же хотел... ну, вы понимаете? Исключительно в мирных целях... Мощь атома в руках людей добрых и чистых помыслами... Как я ошибся! А ведь я должен был догадаться, но вот не догадался, старый дурак!

- Клер! - К ним подбежал Уинстон.

- Уинстон, это ты? Слава богу! - Клер схватила его за плечи и крепко обняла. Тем временем из темноты вынырнули Тельма, Грейди и Филлипс. Капитан сказал:

- Следуйте за нами, профессор Тримейн, здесь вам ничто не угрожает. Отличная работа, констебль.

- Мне удалось найти туннель... точнее, целую сеть туннелей и штолен, которые, вероятно, предназначались для закладки бомб. К счастью, мы попали в пустой штрек, в котором не было заряда. А вы где были? Почему так долго?

- Из города мы выбрались, но шоссе оказалось забито людьми, и мы не могли двигаться достаточно быстро. Кстати, моя мама управляет теперь лагерем беженцев на обочине шоссе А-68! Можешь ты себе это представить?

- Могу... - Клер от души рассмеялась. - Кажется, за прошедшую ночь это первая новость, которая меня несколько не удивила.

- А где доктор Джонс, Клер? - спросила Тельма.

- Он все еще там, в подземелье. С ним Годвин.

- Кто-кто?

- Начальник базы коммодор Годвин. Этот парень, кажется, совсем спятил.

- Что он сделал? - переспросил капитан Филлипс.

- Он начал взрывать бомбы, - объяснила Клер. - И не только здесь, а по всему миру. Проект «Гадес» полностью в его руках. Мы пытались ему помешать, но...

- Это он убил майора Крауна? - вмешался Грейди.

- Сожалею, Бакс. Это произошло на наших глазах.

- Что ж, это многое объясняет, - задумчиво проговорил Филлипс. - Вам придется пройти со мной, Клер, я должен записать ваши показания.

- Хорошо, дайте мне только минуточку... Тельма?..

- Что?

- Доктор Джонс фактически нас спас - меня и профессора, я имею в виду. Когда мы уходили, он просил, чтобы я кое-что вам передала, и при этом был очень настойчив.

- Что же? Говорите скорее!

- Насколько я поняла, вы собрали и привезли с собой какую-то очень ценную информацию. Вы и профессор должны как следует ее проанализировать и попытаться расшифровать сисмо... сейс...

- Сейсмометрические данные? - подсказал Уинстон.

- Да, их. Доктор Джонс считает, что нам, возможно, удастся с ними поговорить.

- С кем?

- С магмоидами. С теми чудовищами, которые нас атакуют.

- С чудовищами? - удивился Филлипс.

- С тварями, существами - назовите как хотите, - объяснила Клер. - Они живут под землей, точнее - внутри Земли, и...

- Простите, констебль, но, мне кажется, это не совсем...

- Это правда, - подтвердил Тримейн устало. - Я сам видел их на экранах. Гипотеза доктора Джонса, в которую я сначала не верил, блестяще подтвердилась, и сейчас я жалею, что не прислушивался к нему, с самого начала. Глупец! Послушай я его тогда, это могло бы уберечь нас от многих бед!

- Бедняге здорово досталось, - шепнула Клер Тельме. - Боюсь, помощи от него будет немного.

- Мы делаем всё, что можем, и даже больше, - так же тихо ответила Тельма. - Помогите мне отвести его вон в ту палатку, хорошо? Идемте, профессор, - сказала она громче. - Нас ждет работа.

* * *

Где-то раздался еще один взрыв, потом загремели выстрелы, но Джонс никак не мог понять, приближаются они или остаются на месте.

- Успокойтесь, Джонс. Попробуйте расслабиться. Не стоит тратить нервные клетки зря.

- Должен признаться, коммодор, мне действительно немного не по себе. Я привык сам направлять события, а сейчас...

- Интересная складывается ситуация, Джонс. Вы практически беспомощны, тогда как я владею всем миром, причем в буквальном смысле. Попробуйте поразмыслить над этим, доктор.

- Какая ирония судьбы... Надеюсь, Капитан Боб не оплошает, - добавил Джонс почти про себя.

* * *

Филлипс и Грейди залегли в сухой траве неподалеку от проволочного ограждения. Осветительные ракеты продолжали взлетать с завидной регулярностью, и Филлипс чувствовал себя крайне уязвимым. Это, впрочем, не мешало ему прислушиваться к доносящимся со стороны базы голосам и редким выстрелам.

- О'кей, сержант Грейди, пора поискать место для скрытного проникновения.

- Всегда готов, капитан.

Филлипс пополз вперед, Грейди - за ним.

- Кажется, ваши окопались сразу за забором, - прошептал капитан спустя некоторое время.

- Пулеметы на позициях?

- И снайперы на крышах.

- Вероятно, за этой первой линией обороны проходит вторая. Среди зданий тоже, я думаю, выставлены заслоны. Наши парни хорошо подготовлены.

- Я вижу. Сбить их с позиций будет нелегко, а главное - это обойдется нам во много жизней с обеих сторон. Что ж, придется попробовать дипломатические методы. Передайте-ка мне громкоговоритель. - Капитан нащупал в темноте рукоятку и включил прибор: - Говорит капитан Филлипс, армия Соединенного Королевства. Я обращаюсь к командиру американского контингента Олдмурской военной базы...

Не успел он договорить, как лучи нескольких прожекторов ударили прямо в то место, где они прятались, и капитан невольно зажмурился.

- Ну они и жарят!.. - пробормотал Филлипс, прячась за какой-то кочкой.

Из громкоговорителей наружной системы оповещения раздался голос с американским акцентом:

- Поднимите руки над головой и отойдите на пятьдесят ярдов от проволочного ограждения. Повторяю, отойдите от ограды на пятьдесят ярдов. В противном случае открываем огонь на поражение.

- Я обращаюсь к вам от имени начальника штаба Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе бригадного генерала Дека Уортингтона, командующего Седьмой американской армией. Вам ведь известно это имя, не так ли?

В ответ треснул одиночный выстрел.

- Ух, мать!.. - Капитан снова нырнул за кочку.

- Они бы продырявили вам башку, капитан, если б захотели... - шепнул сержант.

- Я знаю, - пробормотал Филлипс в ответ. - Похоже, ваши ребята намерены в точности следовать полученному приказу.

- Это так, сэр. Согласно полевому уставу, подразделение, лишившееся связи со своим командованием, должно действовать так, словно оно находится в окружении на занятой противником

территории. То есть если бы Великобритания была сейчас оккупирована русскими, наши действовали бы точно также.

- На их месте и я бы вел себя подобным образом, - задумчиво пробормотал Филлипс. - Что, впрочем, нисколько не облегчает нашей задачи. Ладно, сержант, отползаем. Попробуем что-нибудь придумать.

* * *

Тримейн, которого ввели в большую армейскую палатку, послушно опустился на складной стул. Его твидовый пиджак был измят, на лбу расплывался синяк, седые волосы стояли торчком, словно нимб.

- Я всех подвел... - пробормотал он. - Джонс был прав. Это я - причина нынешнего кризиса, точнее - мои глупость и самонадеянность. Я всегда считал себя умнее остальных, и вот к чему это привело. Меня и всех нас...

- Клер говорит, он твердит одно и то же с тех самых пор, как выбрался из бункера, - сказал Уинстон Тельме. - Жаль. Я уверен, что ответ на все наши вопросы - в этом рюкзаке, но справимся ли мы со стоящей перед нами задачей?

И он принялся выгружать из рюкзака его содержимое.

- Зачем вам столько туалетной бумаги, молодой человек? - Тримейн неожиданно оживился. - Вы ею... спекулируете? Во время войны я навиделся таких, как вы.

- Что вы, профессор! - воскликнула Тельма. - Ничего подобного! На этих рулонах записана важная информация - сейсмометрические данные за несколько лет. Сейчас мы рассортируем их в хронологическом порядке, исследуем и...

Тримейн, заинтересовавшись, подался ближе.

- Ах вот оно что... Теперь я припоминаю. Вы сделали эти записи. Кстати, как ваше имя, молодой человек?

- Уинстон Стаббинс, сэр. Мы с вами уже встречались - там, у ворот...

- Да, я помню. Вы нас предупреждали, но я отмахнулся от ваших слов.

- Сейчас это не имеет значения, сэр.

- Для вас, может быть, но не для меня. Вы были правы, а я ошибался. Я был так самонадеян, так уверен в себе, что...

- Не нужно сейчас об этом, профессор, - перебила его Тельма. - Нам требуется ваша помощь.

- Моя помощь? Но чем же я смогу помочь?

- Джонс хотел, чтобы мы с вами проанализировали данные Уинстона, а также информацию, записанную на базе. Наверное, это поможет нам расшифровать смысл сигналов, которыми обмениваются магмоиды.

- Но это невозможно! - воскликнул Тримейн. - У нас нет даже самой простой электронно-вычислительной машины, и даже если бы она

была, нам неоткуда взять электричество, чтобы запитать основные блоки. Как в таких условиях можно что-то рассчитывать? Отнимать и делить в столбик? На это уйдет несколько десятилетий!

- Безнадежно! - шепнул Уинстон. - Он сдался. Какая нам от него польза?

- Тс-с!.. - отозвалась Тельма. - Он ведь ученый, значит, мозги у него остались прежними и научная задача должна его увлечь. - Она повернулась к Тримейну: - Возьмите себя в руки, профессор. Перед нами стоит важная проблема: надо как-то договориться с чужим разумом. С чего, по-вашему, следует начать?

- С электронно-вычислительных машин, разумеется, - почти простонал профессор.

- С электронно-вычислительных машин?

- Ну да, причем их понадобится несколько. И с десятков обученных операторов. Тогда мы справимся. Если у вас, мисс, есть на примете несколько таких штук...

- Меня зовут Тельма. Тельма Беннет.

- Да, конечно... Простите, Тельма. Доктор Джонс очень хорошо о вас отзывался, и тем не менее... В первую очередь нам требуются вычислительные машины, а также данные, которые принес юный Уинстон, ну и конечно, информация, собранная сейсмографами базы. Ее, впрочем, можно снять с резервного терминала, расположенного за оградой из колючей проволоки. Так и быть, давайте-ка посмотрим, что мы сможем сделать... Вы, Тельма, обратитесь к капитану Филлипсу, пусть обеспечит вам доступ к резервному хранилищу информации. А пока вы ходите, мы с Уинстоном попробуем рассортировать эти рулоны туалетной - ха-ха! - бумаги в хронологическом порядке, а также по местам, где снималась информация. Ну, чего вы оба ждете? Особого приглашения?

- Да... То есть нет, сэр! - ответил Уинстон.

- Уже иду, - сказала Тельма и добавила: - Я рада, что вы снова с нами, профессор.

* * *

- Вы хорошо обо всем подумали, Годвин? Что будет, если вам вдруг удастся победить магмоидов? Это маловероятно, но все же? Что тогда?

- Я буду действовать дальше - работы еще много.

- Какой же?

- Когда я покончу с магмоидами, нужно будет навести новый порядок и на Земле. Взять, к примеру, Китай... Почти миллиардное население делает его весьма опасным противником. Развивающаяся

промышленность, многочисленная армия и так далее.

- Что же вы предлагаете?

- Радиацию. Небольшое радиационное воздействие способно решить большинство проблем. Несколько кобальтовых бомб^{*26}, взорванных, скажем, в северном Китае, вызовут выпадение радиоактивных осадков. В результате население страны довольно быстро сократится почти на четверть. Может, даже на треть.

- Это значит, двести-триста миллионов убитых^{**27}. Ну а потом? Приметесь за русских?

- Разумеется. Эта нация не столь многочисленна, но сумела создать передовые промышленность и науку. Их нужно будет отбросить назад в средневековье.

- Снова кобальтовые бомбы, Годвин?

- В этом случае разумнее будет использовать высокоточные боеприпасы для нанесения «хирургических» ударов по самым крупным городам и промышленным центрам. Пусть следующее поколение русских не знает никаких орудий, кроме каменных и деревянных! Скоро они и вовсе забудут, что когда-то были цивилизованными. - Коммодор посмотрел на Джонса. - Это даже не война, доктор. Это - реконструктивная хирургия.

- Да вы просто мечтатель, коммодор. Писатель-фантаст.

- Зато вы в состоянии представить, как мои фантазии сбываются, Джонс. А это значит, что мы с вами очень похожи, нравится вам это или нет.

* * *

Тельма нашла Клер возле полевой кухни.

- Этот армейский чай даже хуже, чем пойло, которое продают у нас в участке, - сказала констебль.

- Филлипс выжал вас досуха, не так ли?

- Я рассказала ему все, что знала. План базы, расположение годвиновского командного пункта - в общем, все. Кажется, они готовят штурм или что-то вроде того.

- Ну ладно, это их дела. Допивайте ваш чай и идемте. Нас с вами тоже ждет работа.

²⁶ * Кобальтовая бомба - разновидность ядерного оружия. Представляет собой водородную бомбу в оболочке из кобальта-60. При взрыве такого устройства значительное количество кобальта выбрасывается в атмосферу.

²⁷ ** Один миллион убитых - условная единица подсчета жертв в ядерной войне.

- Какая?

- Предстоит где-то раздобыть счетные машины. Это нужно для анализа полученной информации, как утверждал Джонс. У нас нет электронно-вычислительных машин, но Тримейн говорит: механические арифмометры тоже сойдут.

- Ну, это будет нетрудно. Арифмометры можно взять в любом учреждении, на почте, например. Не беспокойтесь, я этим займусь. Труднее будет подобрать людей, которые умеют обращаться с этими штуками.

- Я об этом не подумала, хотя...

- Что?

- Я, кажется, знаю, где можно найти расчетчиков. В лагерях беженцев на главных дорогах. Там сейчас сосредоточилась половина населения Ньюкасла, в том числе секретарши, почтовые и банковские служащие, офисные клерки и так далее. Нужно только найти пару грузовиков или автобусов, чтобы доставить их сюда.

- А ведь верно... Попробую это организовать.

- Вот и хорошо. - Тельма некоторое время разглядывала Клер, которая пыталась отогреть руки, обхватив чашку с горячим чаем. Ее полицейская форма была порвана и испачкана, на лице засыхали грязь и кровь. - Знаете, что мне в вас нравится? - добавила Тельма. - Вы не сомневаетесь, не задаете глупых вопросов, вы просто берете и делаете то, что сейчас нужнее всего. И это... это просто замечательно.

- Напишите об этом моему сержанту, когда все это закончится. А сейчас идемте, нам нельзя терять время.

* * *

Филлипс собрал своих людей неподалеку от проволочной ограды базы.

- Итак, джентльмены, повторяю еще раз: американцы остаются нашими союзниками, поэтому огонь будем открывать только для того, чтобы прижать их к земле и не дать поднять головы. В случае крайней необходимости разрешаю стрелять по ногам. Я предпочел бы обойтись без потерь, причем с обеих сторон. Ну, все готовы? Капрал Харрис, правый фланг ваш, Чиверс - пойдете слева. Я в центре. Приготовить кусачки для проволоки. Ну, вперед!

Атакующие выскочили из-за укрытий и бросились на штурм, но со стороны базы по ним тотчас ударили пулеметы. Филлипсу волея-неволей пришлось броситься на землю.

- Всем залечь! - крикнул сержант Грейди. - Отходим!

- Скольких мы потеряли? - спросил Филлипс.

- Как минимум троих. - Грейди огляделся. - К счастью, они только

ранены. Похоже, с той стороны тоже стреляют исключительно по ногам.

- Слабое утешение, сержант. Сколько мы прошли - десять ярдов?.. - Он смерил взглядом расстояние. - И того не будет... Под пулеметами особо не побегаешь.

- Тогда что же? Трубить отбой?

- Увы, нет. У нас нет выбора - мы должны выполнить приказ. Передайте по цепи: всем приготовиться для еще одного броска.

Мощный взрыв сотряс воздух, и на Филлипса с Грейди посыпалась земля.

- Это еще что?! - воскликнул капитан. - Они обстреливают нас из минометов?

- На базе нет тяжелого вооружения. И эта воронка, смотрите, - она не от мины и не от снаряда.

- Тогда от чего?

Раздался еще один взрыв.

- Это уже на территории базы, - сказал Филлипс, слегка приподнимая голову. - Но у нас тоже нет ничего такого...

- Я все видел, сэр, - сказал Грейди. - Такое впечатление, словно взрыв произошел под землей.

- Фугас?

- Что-то вроде того. Но на территории базы не может быть ни минных полей, ни фугасов.

С неба ударил луч света, раздался пронзительный визг, и Грейди посмотрел вверх.

- Это Грендель. Так, кажется, называл эти штуки доктор Джонс.

Капитан Филлипс тоже взглянул вверх.

- Что-то мне не нравится, как они выглядят. Командуйте отход, сержант.

* * *

Серия взрывов напоминала приближающиеся тяжелые шаги.

- Слышите, Годвин? - проговорил Джонс. - Это магмиды. Они решили нанести ответный удар по базе - по вам. Вы хотели войны - вот вам война.

- Пусть приходят. У меня найдется, чем их встретить.

- У меня такое ощущение, Годвин, что все происходящее доставляет вам удовольствие. Надеетесь отыграть за прошлое, не так ли?

- Что вы хотите этим сказать?

- Тримейн говорил мне: вы командовали операцией в районе Суэцкого канала и сели в лужу. Собственно говоря, мы все тогда сели в очень большую лужу. А теперь вы решили, что настал ваш час. Ну, я угадал?

- Все это сущая... - Годвин кашлянул. - Жарковато здесь, вам не кажется?

- Что?

Годвин отодвинул стул и поднялся.

- Жарко здесь, - проговорил он отчетливо. - Не хотите ли выпить со мной, Джонс?

* * *

В небе над базой парили сразу несколько Гренделей.

- Капрал! - окликнул Филлипс одного из своих солдат, которые, как могли, окопались на поле перед базой. - Дайте-ка пару выстрелов по этим штукам.

Капрал выстрелил, но трассирующие пули пронеслись сквозь опустившийся ниже других летающий шар, не причинив ему видимого вреда.

- Сэр! - позвал Грейди, подползая к капитану. Он слегка запыхался.

- Доложите обстановку, сержант.

- Обстановка сложная, капитан. Англичане стреляют в американцев, американцы стреляют в англичан, и те, и другие по чем зря палят по летающим призракам... Кроме того, штаб Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе сообщает, что все базы проекта «Гадес» подверглись нападению из-под земли. Никто не объявлял нам войны. Больше того, не было ни бомбежек, ни обстрелов. Только взрывы. Каким-то образом противнику удалось добиться того, что земля буквально уходит у нас из-под ног.

- Я думаю, сержант, доктор Джонс или профессор Тримейн сказали бы, что налицо явления сейсмического порядка. Да вы и сами только что наблюдали нечто подобное. Кроме того, мы не можем ничего поделаться с этими «маленькими добрыми привидениями»^{*28}, которые болтаются над нашими головами. Я, впрочем, думаю, что это просто наблюдатели, корректировщики. Во всяком случае, взрывы происходят именно там, где они пролетают.

- Но как можно бороться с противником, который нападает из-под земли?

- Не знаю. Что-нибудь да придумаем. В конце концов, это война, настоящая война, хотя слова «люди против магмоидов» звучат как название второразрядного фантастического боевика. А как вам

²⁸ * Каспер - маленькое, доброе привидение - персонаж мультфильмов (с 1945). Каспер занят поисками друзей и гостеприимного дома, в котором он мог бы поселиться.

кажется, сержант?

- Не могу сказать, сэр. Сам-то я предпочитаю романтические комедии с Дорис Дей и Роком Хадсоном.

- Вот никогда бы не подумал!..

Грендели хором взвизгнули и опустились ниже.

* * *

Солдаты торопливо внесли в палатку несколько ящиков с оборудованием.

- Ага, вот и арифмометры! - обрадовался Тримейн. Открыв один из ящиков, он достал оттуда счетную машинку и несколько раз повернул ручку. - Никогда не сталкивались с такими штуками, Уинстон? Вот клавиатура, вот установочный регистр, вот клавиша сброса результатов... Чтобы провести расчет, достаточно просто повернуть вот эту ручку. Будем считать деконволюционные интегралы.

- Меня выгнали из школы задолго до того, как мы начали изучать серьезную математику, профессор.

- Это не страшно. Зато мозги у вас, по-моему, на месте. Сообразите.

- Вы так думаете? - Уинстон почувствовал себя польщенным. - И что же такое этот деконволюционный интеграл?

- Общий принцип достаточно прост. Мы возьмем всю имеющуюся у нас сейсмографическую информацию и попытаемся отделить сигнал от фонового шума. Это понятно?

- Да. Но что конкретно мне предстоит делать?

- Нужно умножать цифры из этого списка на цифры из того и суммировать результаты. Справитесь?

- Ну, это как раз довольно просто...

- Мне обещали, что скоро сюда привезут профессиональных расчетчиков, но начать мы можем уже сейчас. За дело, юноша!

* * *

Грузовик промчался по шоссе и развернулся напротив лагеря беженцев. Дорога заняла совсем немного времени - подразделения полиции и армии успели расчистить шоссе, и все же на обочинах еще попадались изредка группы бредущих куда-то людей.

Оказавшись в лагере, о котором говорила Тельма, Клер отправилась на поиски Хоуп Стаббинс. Она несколько не удивилась, обнаружив мать Уинстона, сидящей в брезентовом складном кресле под навесом в центре лагеря и раздающей указания многочисленным помощникам.

Хоуп узнала ее сразу.

- Констебль Бейнс? Что вы здесь делаете?
- Уинстон посоветовал мне обратиться к вам. - Клер огляделась. Рядом с навесом она увидела армейскую полевую кухню и несколько грубо сколоченных деревянных столов, уставленных большими алюминиевыми мисками и жестяными тарелками. Двое солдат собирали посуду в большие фанерные ящики и складывали в грузовик с откинутым бортом. Рядом несколько гражданских скатывали лежащие на земле одеяла и будили спящих детей.
- Вы что, переезжаете?
- Да, нам сказали, что наш лагерь находится слишком близко от Олдмурской базы. Там сейчас что-то вроде небольшой заварушки, так что лучше бы нам убраться подальше. Как там мой мальчик, Клер?
- С ним все в порядке, миссис Стаббинс.
- Надеюсь, его не мобилизовали?
- Нет, в боевых действиях он не участвует. Уинстон сейчас помогает профессору.
- Помогает профессору? Я всегда знала, что у него светлая голова!
- Да, конечно, - быстро согласилась Клер, - но сейчас нам нужна ваша помощь. В лагере есть люди, которые умеют работать на арифмометре?
- Секретарши, почтовые служащие, кассирши подойдут? Их здесь действительно полно. Вот хотя бы Мейбел... - Хоуп жестом подозвала высокую красивую девушку, которая помогала солдатам убирать со столов. - Она работает в «Болтик эксчейндж», не так ли дорогая? А Энни - кассирша в Сейнт-Джеймс-парке. Думаю, еще человек пять найдем без труда. - Хоуп махнула рукой другой девушке. - Ну, ласточки, как насчет того, чтобы познакомиться с красавцами-солдатами, а?
- Девушки прыснули.
- Спасибо, миссис Стаббинс. Ну а куда вас переселяют? Лагерь я имею в виду...
- Нам не говорят. Только мы устроились - и вдруг на тебе! Давай перебирайся на новое место. Взрослым-то ничего, а вот детишкам придется трудновато.
- Надеюсь, все будет в порядке.
- Конечно. Не беспокойтесь о нас, Клер, мы справимся. Только скажите этим армейским придуркам: раз уж переезда не миновать, пусть поскорее присылают грузовики, ладно?
- Обязательно скажу.
- И еще одно, Клер... Не могли бы вы оставить мне портативную рацию? Все-таки хочется иногда узнать, как там Уинстон.
- Я узнаю, что можно сделать, миссис Стаббинс.

Еще один могучий удар сотряс стены комнаты.

- Я, пожалуй, выпью еще. Вы точно не хотите ко мне присоединиться, Джонс? По-моему, хорошая порция джина с тоником вам бы не помешала. - Годвин подошел к шкафчику в глубине комнаты. - Я постоянно держу здесь бутылочку-другую для друзей и для проверяющих. Ну, вы понимаете...

- Я не собираюсь... Впрочем, уговорили. Только возьмите большой бокал, хорошо?

- Конечно.

- И побольше льда, если есть.

- Поищем. - Годвин повернулся к шкафчику, и у Джонса появился шанс. Он нашел на консоли микрофон системы внешнего оповещения, нажал кнопку включения и заговорил негромко, но быстро:

- Говорит доктор Чепмен Джонс. Я нахожусь на командном пункте базы. Коммодор Годвин собирается нанести по магмоидам еще один ядерный удар. Повторяю - будет еще один удар! Первые взрывы заставили магмоидов атаковать только военные объекты, но после нового удара их ответ будет глобальным. Повторяю - глобальным! Годвина необходимо остановить любой ценой, иначе жертвы среди мирного населения окажутся огромными. Штурмуйте базу. Если понадобится - уничтожьте ее. Говорит доктор Джонс...

* * *

Усиленный громкоговорителями голос Джонса разносился над осажденной базой, заглушая даже звуки стрельбы.

- Грейди, вы слышите? - спросил Филлипс.

- Угу. Это голос того парня в макинтоше, Джонса. Я его узнал.

- Значит, будет второй удар?

- Если в ответ магмоиды атакуют другие города, как они уже разрушили Ньюкасл, тогда...

- Да, Годвина и в самом деле нужно остановить.

- Безусловно, вот только как? У нас слишком мало людей, чтобы штурмовать базу, где каждое здание превращено в крепость. Кроме того, магмоиды могут помешать нам довести штурм до конца.

- Есть один вариант...

- Какой, сэр?

- Бомбштурмовой удар. Просто разнесем базу в щепки. Это, я думаю, положит конец проискам Годвина, но потери... Словом, я бы предпочел избежать бомбардировки, но с другой стороны... Ладно, сначала нужно отойти и перегруппироваться.

- Воздух! - крикнул Бакс.

Пролетающий над базой Грендель протяжно взвыл, и его тотчас пронзили несколько пулеметных очередей, не причинив, впрочем, «небесному оку» никакого вреда.

* * *

- ...После первого удара магмиды атаковали военные базы проекта «Гадес». После второго их ответ будет глобальным. Земля в опасности! Базу необходимо взять штурмом. Годвина нужно остановить, пока не поздно... - снова и снова повторял Джонс. Внезапно тяжелый бокал ударил его по руке и разбился. Осколки стекла вонзились в кожу, и Джонс вскрикнул.

- Я так и знал, что вы выкинете какой-нибудь фортель, - сказал Годвин. - Вы ведете себя довольно предсказуемо, доктор.

Джонс прижал раненую руку к груди и, преодолевая дрожь, сказал:

- Тихо, тихо, потом - ба-бах. Так, Годвин?

- Возьмите мой носовой платок и перевяжите руку. А потом подотрите лужу и уберите осколки, если вам не трудно. Какая напрасная трата хорошего джина!.. - Коммодор сделал глоток из своего бокала. - Ум-м... превосходно! Жаль только, лед кончился.

- Все еще красуетесь, Годвин? Играете на публику? Вам, я вижу, очень нравится крушить и ломать, но послушайте, что творится снаружи! Вы подвергаете Землю опасности полного уничтожения.

- Такова логика тотальной войны, Джонс, ее нужно выигрывать любой ценой. Лично я готов превратить в руины всю Землю, если это необходимо для победы.

Джонс устало покачал головой.

- Вот теперь я убедился, вы окончательно спятили.

* * *

Просторная армейская палатка быстро заполнилась сухим треском арифмометров, на которых работали несколько солдат. Потом входной полог отворился, и внутрь вошли Тельма и Клер.

- Мы привели подмогу, джентльмены, - громко сказала Тельма, и по ее знаку в палатку одна за другой впорхнули полтора десятка девушек. - Это опытные счетчики из города. Они немного устали и не выспались, но свое дело знают.

- Идите сюда, девочки... - Уинстон поднялся им навстречу. - Я помогу вам устроиться и распределю работу.

- Вот-вот, - кивнула Клер. - Главное, не забывай о работе, Уинстон Стаббинс.

- Огромное спасибо, мисс Беннет! - Тримейн с облегчением улыбнулся. - Вы очень кстати, теперь мы наверняка справимся. Между прочим, все расчеты по созданию первой атомной бомбы - так называемого Манхэттенского проекта - велись с помощью механических счетных устройств и многочисленных групп операторов. Таким путем можно решать даже самые сложные математические проблемы, нужно только сначала разложить их на простейшие операции. У нас уже есть кое-какие результаты, но пока не хватает статистического материала для их окончательного подтверждения. Еще немного, и мы закончим анализ информации, собранной доктором Джонсом.

- Хорошая новость, но, боюсь, это не принесет нам особой пользы, если мы не сумеем спасти самого доктора Джонса. Вы работайте, профессор, а мне нужно перекинуться парой слов с капитаном Филлипсом.

* * *

- Сколько еще осталось до вашего «повторного удара», Годвин?

- Примерно полчаса или чуть меньше. Так получилось, что время его нанесения совпало с началом очередного полуторачасового цикла у магмоидов. Быть может, это и к лучшему. Мощности моих бомб вполне хватит для... Что?

- Умоляю вас, Годвин, остановитесь, пока не поздно!

- Остановиться? Ну нет! Держать в руках такую власть и не воспользоваться ею - это выше человеческих сил. «Мой дух, ты точно // Устроил бурю, как приказ был дан?»^{*29}

- «Буря». Просперо и Ариэль.

- В школе это была моя любимая пьеса.

- Ради бога, Годвин...

- Ничего, скоро все закончится. «Пора пришла. // В подобный час открой свой слух пошире...»^{**30} Неужели вы не усматриваете здесь параллели, Джонс? Я сижу в этом подземном бункере, как Просперо в своей пещере на острове; Тримейн, разумеется, мой Ариэль, мой атомный дух...

- В таком случае, - сказал Джонс, баюкая раненую руку, - я ваш Калибан.

²⁹ * У.Шекспир «Буря». Акт I, сцена 2. Здесь и далее произведение Шекспира цитируется в переводе М.Кузмина.

³⁰ ** У.Шекспир «Буря». Акт I, сцена 2.

* * *

Тельма и Филлипс внимательно разглядывали периметр базы.

- Нужно обязательно найти способ пробраться внутрь, капитан. Если мы не сумеем спасти доктора Джонса, все жертвы могут оказаться напрасными. Возможно, всю Землю ждет страшный конец.

- Я уже говорил вам, мисс Беннет, - медленно произнес Филлипс, - что сегодняшней ночью мне придется принять несколько непростых решений. Командование считает, что наша приоритетная задача - сделать все, чтобы Годвин прекратил взрывать ядерные заряды. Именно поэтому мне было приказано вызвать бомбардировщики.

- Но тогда доктор Джонс наверняка погибнет!

- У вас есть другие предложения?

- Смотрите-ка! - сказал Грейди. - Сюда снова летят эти крендели!

Несколько Гренделей действительно закружились над самыми антеннами базы. В ответ с земли раздалась стрельба.

- Ох, Джонс, если бы вы только могли меня услышать! - воскликнула Тельма.

- Прошу прощения, мисс, больше ждать не могу, - сказал Филлипс. - Сержант, передайте мне рацию. - Он поднес к губам переговорное устройство и нажал тангенту: - Капитан Филлипс из Олдмура вызывает базу ВВС в Больмере. Пароль - четыре-восемь-пятнадцать. Поднимайте «Вулканы». Повторяю, поднимайте бомбардировщики.

6.

06:10

Даже несмотря на то что командный центр находился глубоко под землей, серия взрывов заставила толстые стальные стены заходить ходуном. Еще один девяностоминутный цикл подошел к концу, сообразил Джонс. Магмоиды поднялись из глубины, чтобы атаковать своих врагов-лилипутов. Интересно, подумалось ему, сколько еще продержится база, когда, не выдержав сейсмических ударов, перекрытия обрушатся и похоронят его в этом железобетонном гробу?

Потом ему показалось, что сверху донесся далекий вой мощных реактивных двигателей.

- Вы слышите, Годвин? Что это?

Коммодор продолжал глотать джин с тоником, хотя спиртное, похоже, никак на него не действовало.

- «Вулканы», бомбардировщики, - пояснил он равнодушно.

- Это наверняка королевские ВВС. Ваши собственные коллеги

прилетели бомбить вас, Годвин. Сдавайтесь, пока не поздно.

- Я готов умереть, если потребуется. И если это случится, потомки поставят мне памятник в тысячу футов высотой. «Я Озимандия, я - мощный царь царей. // Взгляните на мои великие деянья!»^{*31} - с упоением продекламировал он.

- Кажется, летят обратно. Приготовьтесь, Озимандия, - усмехнулся Джонс.

* * *

Филлипс отчетливо слышал по радиации переговоры пилотов «Вулканов».

- «Вулкан-первый» - «Вулканам»: цель хорошо освещена, промахнуться будет трудно. Первый заход - разведывательный. Всем следовать за мной. Конец связи. «Земля», «Земля», вызывает «Вулкан-первый». Готовимся к работе.

Филлипс нажал кнопку передачи.

- Вас понял, «Вулкан-первый». - Он оглянулся. - Все в укрытие.

Тельма почувствовала, как от тревоги внутри у нее все сжимается. Со стороны базы послышалось несколько глухих мощных ударов - магмиды атаковали из-под земли. И где-то там, словно между молотом и наковальней, застрял доктор Джонс.

- Отмените бомбардировку, капитан, я прошу вас!

- Послушайте, мэм, - вмешался Грейди, - там, на базе, и мои товарищи тоже. К сожалению, капитан не может штурмовать ограждение. У него слишком мало людей, чтобы пробиться на базу с боем.

- Люди есть! - раздался сзади голос Хоуп Стаббинс.

Тельма, вздрогнув от удивления, обернулась. Она никак не ожидала увидеть здесь мать Уинстона. Хоуп сидела в инвалидном кресле, которое катил сурового вида джорди в шахтерской робе и кепке. Рядом, ухмыляясь во весь рот, шагала Клер, а за нею двигалась огромная толпа людей, заполнившая собой всю дорогу от шоссе к базе. Здесь были только взрослые мужчины, их лица выражали мрачную решимость.

- Что всё это значит?! - воскликнул капитан Филлипс. - Кто вы такая?!

- Миссис Хоуп Эдит Стаббинс, проживаю в Гейтшеде на Инкерман-стрит, 112.

- Привет, Тельма, - поздоровалась Клер.

- Как вы здесь оказались? - спросила Тельма, все еще не в силах

³¹ * П.Б.Шелли, «Озимандия». Пер. К.Бальмонта. Озимандия - греческий вариант имени египетского фараона Рамсеса II.

справиться с изумлением.

- Я оставила миссис Стаббинс портативную рацию, - пояснила Клер. - Некоторое время назад она связалась со мной и сказала, что ей нужно срочно попасть сюда.

- Зачем? - сурово спросил Филлипс.

- Чтобы спасти твою задницу, Отважный Дэн! - рассмеялась Хоуп. - Ты сказал, у тебя мало людей - я привела подмогу. Надеюсь, этого хватит?

- Боже мой! - пробормотал капитан Филлипс. - И что прикажете делать с такой уймой гражданских? Сколько вас тут? Тысяча? Полторы?

- Больше, гораздо больше, - уверила его Хоуп. - Нам надоело сидеть у костров в чистом поле и жевать армейские галеты. Мы хотим действовать, чтобы как можно скорее прекратить это безобразие. Стариков, женщин и детей мы, разумеется, оставили в лагере. Командуйте, капитан, армия джорди в вашем распоряжении.

- Но... эти люди не вооружены.

- Ну и что? - Хоуп пожалала плечами. - Шахтеры - ребята крепкие, они здесь наведут порядок скорее, чем твои оловянные солдатики. - И, сунув два пальца в рот, женщина пронзительно свистнула. - Вперед, марш! - крикнула она.

Шахтер в кепке покатила ее кресло мимо Филлипса к ограде базы. Колонна двинулась следом. Мужчины шагали по четыре-пять человек в ряд, в предрассветном сумраке их лица казались серыми. Кто-то запел, песню сразу же подхватили десятки голосов.

Филлипс лишился дара речи. Его солдаты, рассредоточенные перед оградой базы, подняли было оружие, но, когда колонна приблизилась, без команды раздалась в стороны.

- Они идут прямо на проволоку, - пробормотал Грейди. - Их же сейчас всех перестреляют!..

- Или разбомбят, - подхватила Тельма. - Капитан Филлипс, пожалуйста... «Вулканы»!..

- Да, конечно!.. - Филлипс, опомнившись, схватил рацию. - «Земля» - «Вулкану-первому». Отбой. Повторяю: отбой. Возвращайтесь на базу.

Когда «Вулканы» пронеслись над их головами, Тельма не только услышала рев двигателей, но и ощутила тугую воздушную волну. Потом со стороны базы послышалась стрельба: охрана заметила приближающуюся колонну.

- Перещелкают по одному... - пробормотал Грейди.

- Мне кажется, американцы стреляют в воздух, - сказал Филлипс, всматриваясь в ту сторону. - Во всяком случае, пока. Но без потерь все же не обойдется.

Не успел он договорить, как в голове колонны кто-то вскрикнул.

- Они не бегут и не прячутся. Ни один не повернул назад! - В голосе Грейди прозвучало неподдельное восхищение.

- Шахтеры - люди мужественные, сержант, - с гордостью сказала Тельма.

- И они поют!..

- «Останься со мной», если не ошибаюсь, - добавил Филлипс.

Тельма схватила его за руку.

- Что же вы стоите, капитан?! Эти люди - многие из них - идут на смерть за наше общее дело. Вот вам возможность захватить базу. Не теряйте времени, действуйте!

Филлипс еще несколько секунд колебался, потом выругался.

- Черт побери, вы правы. Грейди, подайте-ка громкоговоритель... - Он поднес устройство к губам. - Говорит капитан Филлипс. Я обращаюсь к личному составу Олдмурской базы. Солдаты! Я знаю, что вы выполняете свой долг, но бывают и преступные приказы. Начальник базы уже совершил страшное преступление и готов совершить еще одно. Вы должны пропустить нас на объект. Прекратите огонь - вы стреляете в гражданских, которые готовы заплатить своими жизнями за то, чтобы вершилась высшая справедливость. Сдавайтесь. Сложите оружие.

Он опустил громкоговоритель и прислушался.

- Прекратить огонь! - донесся голос из громкоговорителей системы наружного оповещения базы. - Говорит капитан Грингейдж, офицер армии США. Принимаю командование на себя. Не стрелять!

Тельма улыбнулась.

- Хоуп сделала это, капитан!

- Да, - мрачно согласился Филлипс. - Но сколько человек успели погибнуть? Ладно, займемся этим потом. Возьмите людей, Грейди, и отправляйтесь на базу. Ваша задача - отключить энергоснабжение бункера. Исполняйте.

- Слушаюсь, сэр.

* * *

- Слышите, кто-то поет, Годвин? - спросил Джонс. - По-моему, назревают какие-то события, вам не кажется?

Коммодор не успел ответить. Внезапно погас свет, стихло гудение нагнетателей системы циркуляции воздуха.

- Ну вот, кто-то отключил электричество. Игра проиграна, Годвин, сдавайтесь.

- Не раньше чем я придушу тебя, мерзавец! - прорычал из темноты коммодор, бросаясь на ученого. К счастью, Джонс успел нырнуть за консольную панель, и Годвин промахнулся.

- Опять злитесь, коммодор? Что ж, попробуйте меня поймать.

Раздался негромкий взрыв, тяжелая входная дверь со скрежетом

вывалилась из проема и повисла на одной оставшейся петле. Луч карманного фонарика рассек тьму.

- Годвин? Джонс? Вы здесь?

- Уберите свет, Капитан Боб! - крикнул Джонс. - Он вооружен.

Фонарь тут же погас.

- Я им займусь, - прозвучал спокойный голос Бакса Грейди. Раздался шум борьбы, снова грохнул револьверный выстрел.

- Не шали! - пропыхтел Грейди. - Хватит на сегодня смертей.

Снова послышалась возня, потом короткий, смачный удар, и все стихло.

- Все под контролем, капитан, - сказал Грейди. Он слегка запыхался.

Джонс выбрался из своего укрытия.

- Вы вовремя, - проворчал он. - Еще немного, и было бы поздно.

Капитан Филлипс включил фонарь и направил луч на него.

- Извините, Джонс.

За выбитой взрывом дверью мелькнула какая-то тень, и в зал вбежала Тельма.

- Чепмен, вы не пострадали?

- Тельма? - Ученый бросился к ней. - Я ужасно рад вас видеть! С вами все в порядке?

- Просто я чертовски устала и не выспалась. И еще я очень боялась.

- Вы сумели собрать данные, о которых я говорил?

- Да.

- Тогда идемте: нужно их проанализировать, выделить ключевые...

- Джонс, Джонс, успокойтесь! Посидите спокойно хотя бы минутку, а я пока займусь вашей рукой. Вы порезались?

- Да нет, это все ерунда! Нужно...

- Возьмите аптечку, мэм, - сказал Бакс Грейди.

- Спасибо, сэр. - Тельма вскрыла индивидуальный пакет и стала при свете фонарика бинтовать руку Джонса. - Вы, кажется, намеревались поговорить с магмоидами?

- Да, я хотел попытаться. Но, возможно, они не станут меня слушать.

- Почему не станут?

- Они не похожи на нас, Тельма, это совершенно иная форма жизни. На Земле могут разыгаться десятки, даже сотни ужасных катастроф; человечество - да и вся остальная жизнь тоже - может вовсе исчезнуть с ее поверхности, но магмоиды этого даже не заметят. У них... я бы сказал: они невосприимчивы к истории.

- То есть все, что мы можем, - это попытаться?

- Знаете, Тельма, этот безумец Годвин цитировал Шелли и Шекспира. Он назвал меня Калибаном.

- Калибаном? А что, я всегда представляла его немного похожим на вас.

- Спасибо на добром слове, Тельма.

- Нет, вы это зря, Джонс... Как там говорится в этом его замечательном монологе о сне? «Во сне же снится, // Что будто облака хотят, раздавшись, // Меня осыпать золотом». - «Проснусь // И вновь о сне прошу».

- «Выходит, что славное у меня будет королевство...»

- «Когда убьешь Просперо»^{*32}. Идемте, Тельма, нас ждет работа.

* * *

Капитан Филлипс собрал всех в штабной палатке сразу за воротами базы. Джонс - усталый и небритый - сидел в парусиновом кресле, прихлебывал горячий чай и с жадностью втягивал ноздрями свежий воздух. Кроме него в палатке присутствовали Тельма, Клер и Хоуп Стаббинс в инвалидном кресле.

- Итак, - начал Филлипс, - насколько я понял, база окончательно закрыта и запечатана, персонал задержан для допроса. Я правильно понял, сержант?

- Все так, капитан. Но есть одна проблема: три сотни американских военнослужащих, о которых необходимо позаботиться, а также несколько тысяч гражданских лиц, которых необходимо вернуть в лагерь.

- Несколько человек погибли, капитан, - вставила Клер. - Их застрелили.

- Я знаю. - Филлипс кивнул. - Займитесь этим безотлагательно, Грейди. Возьмите себе в помощь констебля Бейнс и проведите дознание. Быть может, вам удастся решить и остальные вопросы. Да, и захватите с собой эту пожилую леди в инвалидном кресле: она, вероятно, устала...

- Пожилую?! - возмутилась Хоуп. - Вообще-то, я не считаю себя старухой!

- Не волнуйтесь, миссис Стаббинс, - сказала Тельма, вставая. - Я вам помогу. - Она бросила быстрый взгляд на Джонса, тот едва заметно кивнул в ответ.

Не успели Клер, Грейди и Тельма, катившая перед собой кресло Хоуп, покинуть палатку, как внутрь ворвались Тримейн и Уинстон.

- Где доктор Джонс, капитан? Мы закончили анализ, о котором он говорил!

- Я здесь, джентльмены, - отозвался Джонс и поднялся. - Здесь и горю желанием приняться за дело. Это ваши результаты? - Он протянул руку к тоненькой пачке бумажных листков, которую профессор держал в руке. - Ну-ка, поглядим...

³² * У.Шекспир «Буря». Акт III, сцена 2.

Он некоторое время просматривал записи, сосредоточенно хмурясь, потом лицо его разгладилось.

- Это просто замечательно, - проговорил Джонс несколько минут спустя. - Вы славно поработали, особенно учитывая обстоятельства.

- Большую часть информации удалось получить только благодаря юному Уинстону, - сказал Тримейн.

- Почему-то меня это не удивляет. - Джонс слегка улыбнулся.

- Что вы собираетесь делать со всеми этими данными, доктор? - спросил Уинстон и слегка покраснел.

- Я надеюсь с их помощью спасти мир, - серьезно ответил Джонс. - Капитан, у вас в роте есть саперы?

- Да, есть. На время операции нам придан саперный взвод.

- Тащите их сюда. Я хочу, чтобы они кое-что взорвали.

- Взорвали? Что именно?

- Несколько динамитных шашек, расположенных в определенном порядке. Нет динамита - подойдут снаряды, бомбы, мины, даже ручные гранаты, если на них можно установить дистанционный взрыватель. Все годится, лишь бы взрывом можно было управлять на расстоянии. Тысячи шашек должно хватить.

- Тысячи? У нас не бесконечные ресурсы, Джонс.

- Что вы задумали, Джонс? - спросил Тримейн.

- Что? Сейчас объясню. У вас найдется чистый лист бумаги или блокнот? Ага, отлично... - Он стал быстро набрасывать в блокноте какую-то схему. - Кстати, Тримейн, паять умеете?

* * *

Тельма, Клер и Хоуп вот уже полчаса сидели в импровизированной госпитальной палатке (кресло Хоуп было теперь обложено подушками армейского образца), ломая голову, как лучше всего поступить в сложившихся обстоятельствах. Потом появился Грейди - он, как всегда, был бодр и исполнен оптимизма.

- Ну, что там у нас? - спросил Бакс.

Клер заглянула в список.

- Почти тридцать человек убиты и пятнадцать ранены. Остальных нужно вернуть в лагерь временного размещения, а это ни много ни мало - почти две с половиной тысячи человек. Кое-кто, правда, ушел своим ходом, но остальные ждут, пока о них позаботятся.

- Кроме того, у нас почти батальон американских солдат, которых нужно допросить, выявить виновных в расстреле мирных граждан, далее - в соответствии со стандартной процедурой, - напомнил Грейди.

- А среди них нет врача? - с надеждой спросила Тельма.

- Разумеется, есть, и не один.

- Я думаю, решение все это время было у нас перед глазами, - заявила она. - В конце концов, американцы нам не враги; когда они открыли огонь, то выполняли свой долг. Пусть теперь они помогут нашим раненым - и этим отчасти загладят невольной причиненный вред.

- Прекрасная мысль, - обрадовалась Клер. - Бакс, найдите старшего медика и приведите его сюда.

- Хорошо. - Сержант кивнул. - Но кроме врачей нам понадобятся люди с носилками, чтобы перенести раненых в одно место. А еще было бы неплохо поставить палатку побольше, чем эта, - разместить в ней раненых, наладить питание...

- Если бы вы заодно нашли американца поздоровее, чтобы катать мое кресло, - перебила Хоуп, - я была бы благодарна вам по гроб жизни.

- Итак, у нас есть план, - подвела итог Клер. - Осталось его осуществить. Надеюсь, нам ничто не помешает.

* * *

Для устройства своей «сигнальной станции» Джонс выбрал довольно большое и относительно ровное поле неподалеку от базы, покрытое короткой, уже начавшей желтеть травой. По его просьбе капитан Филлипс поставил в центре сто солдат, выстроив их в виде тесного круга. В руках у каждого из них были катушка с проводом, вещмешок с несколькими зарядами и наскоро нацарапанная на листке бумаги схема - копия общего плана. Солдаты выглядели несколько ошарашенными, но никто не роптал и не задавал ненужных вопросов.

Тримейн, дрожа на холодном предутреннем ветру, стоял рядом с Джонсом и время от времени чесал затылок.

- Вы готовы, Джонс? - спросил Филлипс, подходя к ним.

- Жаль, нельзя испытать эту штуку, - посетовал Тримейн.

- Нет времени, - отозвался Джонс. - Впрочем, скоро все кончится, так или иначе, но кончится. Командуйте, Капитан Боб.

Филлипс повернулся к солдатам и взмахнул рукой.

- Пошли! - крикнул он. - Считайте шаги, не нарушайте строй. Двигайтесь равномернее.

Солдаты, глядя в схемы, начали расходиться от центра в стороны, так что их строй продолжал сохранять форму кольца, которое постепенно становилось все шире. Через определенное количество шагов они закапывали в мягкую почву соединенные проводами заряды. Сновавшие по всему полю саперы устанавливали в траве соединители-разветвители и тут же подключали к ним провода и кабели.

- Отлично, отлично... - то и дело приговаривал Джонс.

- Надеюсь, ваша схема сработает с первого раза, - заметил Филлипс. - Наши запасы тротила исчезают, как розовый джин на дамской вечеринке. - Он приподнял фуражку, пригладил рукой грязные волосы и снова надел. - Вы и вправду намерены *разговаривать* с магмоидами при помощи этой... этого устройства?

- Именно, - подтвердил Тримейн. - Правда, я и сам не совсем понимаю, что именно вы намерены им сказать, Джонс.

Джонс ухмыльнулся.

- Вы слышали о проекте «Озма»?*³³

- Но при чем тут?..

- Молодой американский астроном Фрэнк Дрейк рассчитал, что новый восьмидесятипятифутовый радиотелескоп в Западной Вирджинии в состоянии улавливать самые сильные внеземные радиосигналы, которые могут быть направлены к нам со стороны ближайших звезд. И вот не далее как этой весной Дрейк начал *слушать звезды*. Он направил свой телескоп на Тау Кита и Ипсилон Эридана, если не ошибаюсь, и хотя он так ничего и не услышал, все же насколько дерзким и неожиданным был этот эксперимент! Больше того, Дрейк придумал, как можно использовать те же радиотелескопы, для того чтобы посылать наши сигналы далеким цивилизациям, а также каким должен быть такой сигнал. Видите ли, любой разум, способный построить радиотелескоп, должен в достаточной мере владеть математикой и физикой, следовательно, и кодирование сигнала должно осуществляться в соответствии с этими законами. Математика - универсальный язык Вселенной.

- Верно! - подхватил Уинстон. - Когда профессор и я анализировали сейсмические сигналы магмоидов, мы действительно обнаружили в них четкие последовательности - явно упорядоченное чередование длины и волновой амплитуды.

- Вот... - Джонс достал из кармана помятый лист бумаги, на котором было вычерчено что-то вроде координатной сетки. - Здесь я зарисовал примерный сигнал, которым пользуются магмоиды в своей системе фазировки, включив в него последовательность простых чисел:**³⁴ два, три, пять и так далее...

Филлипс кивнул.

- Мне кажется, я понимаю, что вы задумали. Если эти парни - то есть магмоиды - получают ваш сигнал, они поймут, что мы тоже разумные существа, а не какие-нибудь безмозглые насекомые-вредители.

- И тогда, быть может, они не станут нас уничтожать, - подхватил

³³ * Проект «Озма» - один из первых проектов программы «Поиск внеземных цивилизаций».

³⁴ ** Простое число - целое число, которое делится без остатка только на себя и на 1.

Джонс. - Именно на это я и рассчитываю. Мой сигнал должен хоть в какой-то мере нейтрализовать вредные последствия взрывов, которые осуществил Годвин.

Филлипс потер заросший щетиной подбородок.

- Но у нас нет радиотелескопа, доктор Джонс.

- Он нам и не нужен, потому что цивилизация, с которой мы пытаемся установить связь, находится не на другой планете, а под землей. Тут волей-неволей приходится импровизировать, капитан.

В этот момент к ним подошел старшина саперов. В руках у него была простая контактная секция с разрядником и ключом, как у аппарата Морзе, подсоединенная к нескольким проводам. Провода вели к зарытым в землю зарядам.

Старшина отсалютовал Филлипу.

- Все готово, сэр.

- Отличная работа, старшина, спасибо. - Джонс взял контактную секцию в руки, посмотрел на часы, потом - на свою схему. - Ну, можно начинать, - сказал он. - Сигнал, правда, будет не слишком продолжительным, но его должно хватить. Людей с поля убрали? Ну, господа, заткните уши. - Он начал работать ключом.

Над полем взметнулась земля. Заложённые заряды взрывались в строгой очередности, и хотя они были небольшими, грохот стоял неимоверный, а земля под ногами ощутимо тряслась.

- Боже мой! - воскликнул Уинстон и прижал ладони к ушам.

- Что вы делаете?! - прокричал Филлипс, с трудом перекрывая грохот взрывов. - Я... никогда не видел... ничего подобного.

- Взрывы должны создать сейсмические волны - колебания, способные распространяться в горных породах, из которых сложена земная кора, - объяснил Джонс, продолжая выстукивать ключом какой-то сложный ритм. - Только такие колебания могут услышать магматиды. А создать их можно только с помощью серии взрывов - спасибо королевским саперным войскам!

- Прекрасная идея! - заметил Тримейн. - И должна сработать. Взрывы тротильных шашек генерируют компрессионные акустические волны, хотя вследствие эффекта затухания их частота вряд ли будет выше ста герц.

- Я об этом подумал, - несколько раздраженно бросил Джонс. - И естественно, сделал все, чтобы отчасти компенсировать ослабление сигнала.

Взрывы затихли. Джонс отложил контактную секцию и с облегчением вздохнул.

- Ну вот и все, - сказал он.

- Действительно все, - согласился Филлипс. - Тротила почти не осталось. Что теперь?

- Теперь нам остается только ждать, - сказал Джонс. - Эффект,

конечно, проявится не сразу, и...

На поле неожиданно грохнул еще один взрыв, куда более сильный, чем все предыдущие. Взрывная волна разбросала людей - Джонс упал лицом вниз и вцепился в качающуюся землю. Над головой раздался визг Гренделей, и, поглядев вверх, он увидел стремительно уносящиеся в небо светящиеся шары.

Уинстон, отплеываясь, на четвереньках подполз к нему.

- Доктор Джонс, вы живы?

- Все в порядке, Уинстон.

Они поднялись, отряхивая землю, потом поглядели в сторону поля, на котором вместо нескольких ям зияла одна огромная воронка.

- Что это, Джонс? - слабым голосом пробормотал Тримейн. - Ответ или?..

- Я бы назвал это ответным ударом, - заметил Филлипс. - Нам повезло, что мы остались живы.

Джонс покачал головой, он был явно сбит с толку.

- Ничего не понимаю, - проговорил он. - Неужели я ошибся и магмоиды приняли мой сигнал за новые агрессивные действия? Но я был уверен, что...

Тримейн схватил его за руку.

- Мы повторим нашу попытку. Заложим новые заряды, и...

- Что толку делать то же самое, ведь результата нет, - сказал Уинстон.

- Зато всегда есть надежда, мистер Стаббинс.

- Нет, - сказал Джонс. - Уинстон прав. Я был на сто процентов уверен, что моя затея работает, но... Мне очень жаль, друзья.

- Ерунда, Джонс! Не падайте духом. Давайте работать, пока у нас еще есть время.

- Не знаю, что здесь должно было произойти, - поддержал Тримейна капитан Филлипс, - и что произошло, я тоже не понимаю; тем не менее я голосую за еще одну попытку. Я сейчас распоряжусь, чтобы саперы начали закладывать новые заряды. Взрывчатки, правда, осталось чуть-чуть, но мы что-нибудь придумаем. Схема расположения зарядов остается прежней?

- Пока не знаю, капитан, - пробормотал Джонс. - Мы чего-то не учли. Не учли какой-то очень простой вещи...

* * *

Заглянув в палатку, Тельма увидела Годвина, который был прикован наручниками к центральному столбу. Снаружи палатку охраняли двое сконфуженных рядовых.

- А-а, мисс Беннет... Друг доктора Джонса? Пришли полюбоваться на поверженного тирана? Не бойтесь, здесь вам ничто не грозит: я скован

надежно, да и охрана получила приказ стрелять.

- Я пришла не для того, чтобы любоваться или злорадствовать. Вот, возьмите... - Тельма протянула Годвину железную кружку с водой.

- Спасибо. - Свободной рукой коммодор принял кружку и сделал несколько глотков.

- Почему вы это сделали, леди?

- Даже такой человек, как вы, не заслуживает смерти от жажды.

- Какие же вы все мягкосердечные слабаки! На вашем месте я давно приказал бы меня пристрелить. Скажем, при попытке к бегству...

- Я благодарю Бога за то, что не похожа на вас, коммодор.

Входной полог палатки откинулся в сторону, и на пороге появился Джонс. Он выглядел усталым и вымотанным до предела.

- Я искал вас, Тельма, - проговорил Джонс. - Мне сказали, что, вероятно, найду вас здесь. Впрочем, я и сам должен был догадаться, что вы не упустите своего шанса сделать доброе дело.

- А-а, Калибан!.. - Годвин ухмыльнулся. - Должен сказать, вы выглядите не лучшим образом. Что, поубавилось самоуверенности? Ваши планы провалились, как я понимаю, ну да что с того? Мы, люди, - как крысы, даже как тараканы. Магмюиды никогда не смогут перебить всех до одного.

Тельма повернулась и шагнула к выходу.

- Не слушайте его, доктор.

Джонс вздохнул.

- Я слишком долго позволял этому субъекту отравлять мои мысли.

- Неужели у нас действительно не осталось никакой надежды?

- Я не понимаю, почему мой план не сработал, но... У нас с вами, Тельма, еще есть выбор. И нужно что-то решать.

- Вы хотите сказать, - медленно проговорила Тельма, - что мы могли бы вернуться в Лондон?

- Не мы, а вы. Это на ваша война, Тельма. В конце концов, вы гражданский специалист, а не военнослужащий.

- Но ведь не можем же мы просто взять и уехать! Конечно, мы попали сюда совершенно случайно, и все эти люди - Клер, Уинстон, миссис Стаббинс - нам никто. Еще вчера мы даже не подозревали об их существовании, но... Вы сами видели, какие они храбрые, честные и порядочные люди! Мы не можем бросить их сейчас, это было бы... неправильно. Ну а касательно того, что мы оказались именно здесь и именно в такой день... Такова жизнь, Джонс.

- Вы действительно так думаете?

- Я в этом уверена. Когда человек рождается на свет, он волею случая оказывается в определенной точке времени и пространства, и ему не остается ничего другого, кроме как делать все, что он может, для людей, которые его окружают.

- Гм-м... Я вижу, мисс Беннет, что вы и сами человек очень смелый и

порядочный.

Тельма хотела что-то ответить, но услышала голос Тримейна, который звал Джонса:

- Доктор Джонс, где вы, черт побери?!

- Я здесь, Тримейн, - откликнулся Джонс.

Тримейн вынырнул из-за палатки. Он тоже выглядел усталым, но был чем-то взволнован.

- Что-нибудь случилось, Тримейн?

- Да. То есть нет. Это все Уинстон. У него появилась дельная мысль.

Идемте скорее...

В палатке Годвин некоторое время прислушивался к их голосам. Потом он отломал от железной чашки ручку и начал ковыряться острым концом в замке наручников.

* * *

Когда они вошли в штабную палатку, первое, что бросилось им в глаза, - взволнованное лицо Уинстона.

- А-а, вот и вы, - окликнул их Филлипс, который тоже оказался здесь. - У нас, кажется, хорошие новости, хотя...

- Пусть Уинстон сам все расскажет, - перебил его Тримейн. - Уинс, объясните доктору вашу идею так, как изложили мне.

- Мне вдруг пришло в голову... - начал Уинстон. - Вы сказали, что ядро Земли - это своего рода внутренняя планета, так?

- Да.

- В таком случае, наше послание - все равно что сигнал крошечной радиостанции, которая пытается вещать на весь мир.

- Вы совершенно правы. - Джонс вздохнул. - Мой сигнал просто утонул в стороннем шуме.

- Значит, нужно сделать сигнал направленным.

- Да, но как?

- С помощью интерференции, - выпалил Уинстон.

Джонс открыл рот - и снова его закрыл.

- Ну да, конечно! Гениальная идея, Уинстон!

- О чем это вы? - спросил капитан Филлипс. - Все это похоже на школьные уроки физики, которые я благополучно проспал.

- Нам необходимы два источника сигналов, капитан. Еще одно поле с зарядами. Мы взорвем их одновременно...

- Чтобы сейсмические волны исходили из двух точек сразу... - добавил Тримейн.

- И если мы правильно рассчитаем время и место, два сигнала наложатся и усилят друг друга в той точке, в которой нам нужно. Тогда магмиды просто не смогут его не услышать, - закончил Джонс.

- А-а, понимаю... - протянул Филлипс.
- В самом деле понимаете?
- Не до конца, честно говоря, но... Приходится верить вам на слово. Другой вопрос, как осуществить это на практике? Как далеко отсюда должно быть это второе поле?
- Ну, чтобы сигнал преодолел мантийные слои... думаю, миль двести-триста к югу отсюда.
- Как насчет старого армейского полигона на плато Солсбери? - сказала Тельма. - По-моему, место самое подходящее.
- Ах вот оно что? И как скоро нужно заложить взрывчатку? - осведомился Филлипс с легкой иронией.
Джонс поглядел в окно палатки на темные строения Олдмурской базы. Некоторые из них были разрушены атаками магмоидов.
- Как долго вы здесь продержитесь, капитан? Магмоиды вряд ли оставят вас в покое.
- По правде сказать, - признался Филлипс, - я подумывал о том, чтобы оставить базу и передислоцироваться куда-нибудь в более безопасное место. Если по истечении девяностоминутного цикла магмоиды ударят снова... Боюсь, еще одной атаки мы не переживем. - Он посмотрел на свои армейские часы. - Осталось меньше часа.
- Что ж, значит, взрывчатку нужно заложить до половины восьмого, - сказал Джонс.
- Скажу вам сразу: это невозможно. Наши армейские части расквартированы вовсе не в каждой деревне и даже не в каждом графстве. Пока я доложу по команде, пока вышестоящее руководство примет решение, пока саперы выдвинутся на место... нет, невозможно!
- По команде! - фыркнул Тримейн. - Эх вы, военные!
- То есть ничего не выйдет? - упавшим голосом спросил Уинстон.
- Вовсе нет. - Тельма взяла Филлипса под руку и потянула к выходу. - У нас в Восьмом отделе есть свои каналы, попробуем воспользоваться ими. Посмотрим, что из этого получится.
Джонс, улыбаясь, проводил их взглядом.
- Это не девушка, а золото! - сказал он, когда Тельма и капитан вышли из палатки. - Ну а пока они связываются с начальством, мы с вами займемся подготовкой нового сигнального поля. Нужно заново рассчитать количество и расположение зарядов, потому что сообщение будет немного другим. Тримейн, Уинстон, идите сюда... Нельзя терять ни минуты.

* * *

Госпитальная палатка содрогнулась от очередного взрыва.

- Ох ты Господи!.. - воскликнула Хоуп. - На этот раз что-то близковато.

Нужно сказать этому Джонсу, чтобы поосторожнее обращался со взрывчаткой.

Клер с беспокойством поглядела на раскачивающийся под потолком фонарь.

- Это магмиды, - сказала она. - А ведь очередной полуторачасовой цикл еще не закончился. Должно быть, они подобрались к самой земной коре.

В палатку заглянул Бакс Грейди.

- Как вы тут, леди?

- Что происходит, Бакс?

- Да в общем все в порядке: люди получают еду, горячее питье, медицинскую помощь. В отдельной палатке мы устроили временный морг для погибших - гражданских и военных. Что касается живых, то и тут никаких проблем. Американцы и англичане не питают друг к другу вражды: я слышал, как они договаривались сыграть между собой в футбол, когда все закончится. В европейский футбол, я имею в виду...

- Перестаньте, Бакс! - перебила Хоуп. - Мы же не дети. Говорите по существу.

Грейди немного поколебался, потом опустился на складной стульчик.

- Ну хорошо... - сказал он и вздохнул. - Остальные новости, по правде сказать, не слишком утешительные. План доктора - в чем бы он ни состоял - не сработал. В районе базы атаки магмидов усилились. Похоже, от Олдмура скоро ничего не останется.

- А что в других местах? - спросила Клер.

- Вулканы продолжают извергаться, земля трясется, появились новые трещины и провалы. Проснулись вулканы в Японии, Италии, Африке. В Сан-Франциско тоже произошло землетрясение. Такое впечатление, будто вся Земля вздрагивает от боли... Послушать радио, так можно подумать - скоро все разлетится на куски.

- Боже мой!

- Сделайте для нас одну вещь, сержант, - попросила Хоуп.

- Какую?

- Отвезите меня поближе к базе.

- Но, миссис Стаббинс...

- Я хочу быть с моим мальчиком.

Грейди кивнул.

- Хорошо, я кого-нибудь пришлю.

Снаружи раздался еще один взрыв.

- Возьмите меня за руку, Клер, - попросила Хоуп.

* * *

И снова сотня солдат двинулась от центра поля к краям, устанавливая

заряды и импровизированные разветвители-соединители.

- Как дела, профессор? - спросил Филлипс, заглядывая Тримейну через плечо.

- У нас все готово. Через несколько минут на полигоне в Солсбери тоже закончат укладывать заряды, и тогда доктор Джонс попробует поговорить с магмоидами еще раз.

Земля содрогнулась от могучего удара, идущего снизу, и Филлипс поежился.

- Поторопитесь, а то здесь становится неуютно.

Годвин слушал их разговор, спрятавшись за полевым безоткатным орудием. Внутри у него все кипело от негодования. «Они собираются разговаривать с магмоидами! - думал он. - Но ведь есть только один голос, достойный того, чтобы его услышали, - мой!..»

Появился Джонс, от быстрой ходьбы он запыхался. В руке у него белело несколько листов бумаги. Доктора сопровождал Уинстон; от усталости и недосыпа он осунулся и побледнел, но лицо у него было возбужденно-радостным. «Если мы все переживем следующие несколько часов, - подумал Джонс, - парнишка будет отсыпаться неделю».

Потом раздался какой-то скрип - это Бакс Грейди со сконфуженным видом катил по неровной земле инвалидное кресло, в котором восседала Хоуп Стаббинс. Сзади шли Клер и Тельма.

- Уинстон! - окликнула сына Хоуп.

Молодой человек резко обернулся.

- Мама? Что ты тут делаешь? Здесь опасно!

- Извини, Уинстон, - сказала Клер. - Я не смогла ее отговорить.

Капитан Филлипс глубоко вздохнул.

- Какая разница - ситуация и без того скверная. И нелепая. Ну и ночь!.. - Он покачал головой. - Ума не приложу, что мне теперь писать в рапорте.

Новый взрыв сотряс землю с такой силой, что ему пришлось взмахнуть руками, чтобы удержаться на ногах. Фуражка съехала капитану на нос.

- Ну, что я говорил?!.. - проворчал Филлипс.

- Мы готовы, капитан, - сообщил Джонс, взвешивая в руках контактную секцию с ключом. - Теперь с помощью телефонных линий эта штука соединена с полигоном в Солсбери. Заряды должны взорваться одновременно.

- Взрывчатки больше нет: постарайтесь, чтобы на этот раз все прошло как надо, - буркнул капитан. - В противном случае нам останется только грозить магмоидам палками и швырять в них орехи и банановую кожуру. Ну ладно, всем отойти на безопасное расстояние, и начнем.

Группа дружно попятилась.

- По-моему, это была моя реплика, - заметил Джонс.

- На премьерном показе всегда что-нибудь идет не по сценарию, - утешила его Тельма. - Будем надеяться, что эта ошибка станет единственной.

- Если что-то не сработает, наша премьера закончится грандиозным провалом. Таким, после которого не останется ни театра, ни актеров, - невесело пошутил Джонс и, бросив последний взгляд на листки с новой схемой, взялся за ключ контактной секции...

...И ничего не произошло.

- Почему они не взрываются?!

- Должно быть, последняя атака магмоидов что-то повредила в схеме, - сказал Грейди. - Вон та соединительная коробка, видите? Она валяется на боку! - Он сунул в руки Филлипсу свою автоматическую винтовку. - Подержите, сэр. Я когда-то служил в саперном взводе.

- Вы с ума сошли! - воскликнул Джонс. - Стойте! Куда вы лезете на минное поле!

Но Грейди уже мчался вперед.'

- А есть другой выход? - крикнул он на бегу. В несколько прыжков Грейди добрался до соединительной коробки и, присев рядом на корточки, осторожно потянул сначала один провод, потом другой. - Так и есть! - раздался его голос. - Ну, тут все просто... Готово. - Он выпрямился и отступил назад. - Сегодня мне везет!

Взрыв ближайшего заряда превратил нижнюю часть его туловища в облако кровавых брызг. Клер вскрикнула и спрятала лицо на груди Уинстона. Молодой человек прижал ее к себе.

- Работайте, Джонс! - рявкнул Филлипс. - Теперь уже ничего не поправишь, вы должны продолжать - и добиться успеха.

Джонс послушно застучал ключом. На этот раз схема сработала - все заряды взрывались в нужном порядке.

- Работает... - прошептала Тельма.

- Да, - кивнул Тримейн, - но какотреагируют на это твари внизу?

Чей-то тяжелый кулак врезался Джонсу в спину, он не удержался на ногах и упал ничком. Годвин на лету подхватил контактную секцию и наугад заработал ключом.

- Магмоиды! - прорычал он сквозь стиснутые зубы. - Я бросаю вам вызов от имени человечества!..

На поле загремели частые взрывы.

- Прекратите! - Джонс с трудом поднялся на четвереньки. - Магмоиды воспримут неупорядоченный сигнал как попытку очередного нападения!

- Смотрите! - прервал его Тримейн. - Вокруг коммодора что-то происходит...

И действительно, вспаханная взрывами почва пошла волнами, которые напоминали круги на воде, но в отличие от последних, не

расходились в стороны, а сходились к центру.

- Годвин! - крикнул Джонс. - Вы не понимаете, что делаете! Бегите!

- Слушайте, твари! - взревел коммодор. - «На вас я судорог нашла, // лому в кости. Так повить заставлю, // Что звери задрожат»^{*35}.

Земля фонтаном взметнулась у него из-под ног, полностью скрывая фигуру коммодора. Джонс снова не устоял на ногах и упал, на этот раз на спину.

- Джонс! Джонс! - из облака пыли появилась Тельма. Ее шатало. - Где вы, доктор?

Джонс с трудом поднялся, схватил ее и прижал к себе.

- Я здесь. Со мной все в порядке.

- Но взрыв...

- Это магмоиды. Они уничтожили Годвина. Должно быть, до них успела дойти большая часть моего сообщения. А возможно, они просто не любят Шекспира.

- Атаки магмоидов ослабевают, - сообщил Филлипс, появляясь с другой стороны. - Но Грендели все еще здесь.

Действительно, с неба продолжали доноситься пронзительные, скрежещущие вопли.

Пыль понемногу оседала, и вскоре Джонс уже различил неподалеку Клер, Тримейна, Уинстона и его мать. Клер посмотрела вверх.

- Грендели... Что они делают?

- Они зачем-то собираются прямо над нами, - сказал Тримейн.

- Мне это надоело, - мрачно сказал Филлипс, поднимая винтовку Грейди. - Толку от этого, конечно, не будет, но...

- Нет, капитан! Не стреляйте! - крикнул Джонс. - Смотрите, они поднимаются!

- Улетают... - выдохнул Уинстон. - Кажется, они решили оставить нас в покое.

- Именно, - подтвердил Джонс.

- Будем надеяться, что они не вернуться, - вздохнул Тримейн.

7.

11:10

В «Приюте конокрада» было очень шумно и многолюдно.

- Знаете, Тельма, - сказал Джонс, пропуская девушку вперед, - я, кажется, впервые прихожу в английский паб в одиннадцать утра.

- Не ворчите, доктор.

³⁵ * У.Шекспир, «Буря». Акт I, сцена 2.

Не успели они войти, как им навстречу бросился Филлипс.

- Джонс, старина! Мисс Беннет! Что вы будете пить?

- Думаю, после такой ночи стаканчик бренди мне не повредит.

- А мне морковный сок. Впрочем, я, кажется, видела здесь «ньюкаслское темное»... Полупинты будет достаточно.

- Давайте выпьем за Грейди, - сказал, Филлипс, вручая Тельме и Джонсу их напитки. - У него осталась невеста в Лонг-Бич. Я ей звонил.

- Грейди - настоящий герой. Любопытно, как война пробуждает в людях все самое плохое и самое хорошее: жестокость и безумие Годвина, беззаветное мужество Грейди...

- Да. И как ни парадоксально это звучит, пример таких, как Годвин, может стать одной из причин, по которой мы, люди, никогда не откажемся от войн.

Тельма подняла свой бокал.

- За Грейди!..

Из толпы вынырнул Тримейн. Его покачивало, галстук сбился на сторону.

- А-а, Джонс, дружище! Вы тоже здесь? Ну и ночка!

- Вы, я вижу, уже напраздновались.

Тримейн показал им пустой бокал.

- Порция виски на пустой желудок, да еще после бессонной ночи, может и слона свалить. Впрочем, мне грех жаловаться: виски было хорошее и к тому же за счет заведения... Слушайте, мы вас давно ждем. А двое из нас прямо-таки жаждут с вами увидеться. - Он сделал размашистый жест, и толпа расступилась, пропуская вперед инвалидное кресло.

- С добрым утром, миссис Стаббинс!

- С добрым утром, дочка. Как тебе нравится мое новое кресло? Дар армии Соединенных Штатов. Наконец-то американцы дали мне что-то взамен... Давно пора, если хотите знать мое мнение.

- Ну, мам... - протянул Уинстон.

- Вы отлично справились, молодой человек, - торжественно молвил Джонс. - Вам это нелегко далось, но вы справились.

- Юный Уинстон проявил недюжинный интеллектуальный потенциал, - напыщенно добавил Тримейн. - Знаете, после всего, что произошло, я решил вернуться в университет. Хватит с меня военных!.. Разумеется, мне понадобятся талантливые студенты, и... Надеюсь, Уинстон, у вас нет никаких особых планов на ближайшие три-четыре года?

Уинстон от изумления вытаращил глаза.

- Вы... вы это серьезно, профессор?

- Абсолютно. И клянусь, я не передумаю, даже когда протрезвею.

- Прекрасное решение! - воскликнула Тельма. - Ты заслужил это, Уинстон.

- Это... это просто невероятно!.. - Молодой человек никак не мог

прийти в себя. - Ведь это же... Это же будет совершенно новая жизнь!

- И надеюсь, новая во всех отношениях, - сказала Клер Бейнс, подходя к ним. Она была в новенькой, отутюженной форме и, несмотря на бессонную ночь, выглядела свежей и бодрой.

- Констебль Клер... - Джонс слегка поклонился. - А я-то гадал, когда вы появитесь!

- У меня для вас хорошие новости, доктор Джонс. Учитывая тот факт, что вы сыграли решающую роль в спасении мира, местная полиция решила не предъявлять вам никаких обвинений.

- Довольно любезно со стороны местной полиции. - Он снова поклонился. - А теперь позвольте задать вам один личный вопрос... - Джонс показал на бокал шампанского в руке Клер. - Что побудило вас присоединиться к нам, презренным нарушителям закона? Кроме того, мне казалось - вы на службе.

- Думаю, блеск обручального кольца на безымянном пальце заставил нашу Клер позабыть о своей всегдашней суровости, - сказала Тельма, лукаво улыбаясь.

Джонс посмотрел на руку Клер: он только сейчас заметил скромное колечко с бриллиантом.

- То есть вы хотите сказать, что вы и Уинстон... Поздравляю!

- Ну, я подумал: после всего, что мы пережили вчера... - пробормотал Уинстон и покраснел.

- Не надо ничего объяснять, Уинстон, - сказала Тельма и тепло улыбнулась.

- Что ж, хоть для кого-то все закончилось хорошо, - подытожил Джонс. - Ну а нам, пожалуй, пора. Допивайте, Тельма, нас ждет машина.

Он вывел девушку на улицу, где стоял министерский автомобиль с шофером. Светило солнце. Где-то в кронах деревьев совсем повесенному пели птицы.

- Поглядите на это бескрайнее нортумберлендское небо, Тельма, - сказал Джонс. - Господи, как же я люблю эту страну!

- Это была потрясающая ночь, не правда ли, Джонс?

- Да, будет что вспомнить в старости, - ответил он. - Только подумать, в какое поразительное и противоречивое время мы живем! Мы не знаем, кто победит, тоталитаризм или демократия, не знаем, одолеет ли свободный рынок плановую экономику, не знаем даже, уцелеет человечество или уничтожит само себя в очередном пароксизме военного безумия, и все же среди нас находятся люди, подобные Дрейку, которые способны задумываться о далеком будущем и совершать открытия, аналогов которым люди еще не знали.

- Одну минуточку, Джонс! - окликнула его Клер Бейнс, появляясь из дверей паба.

- Я вас слушаю, Клер.

- Вы оба должны кое-что подписать. - Она протянула ему какой-то

бланк.

- Что это? - Джонс взял бумагу и достал очки. - Подписка о неразглашении?!..

- Согласно официальной версии, которую власти собираются опубликовать в ближайшее время, на одном из промышленных предприятий Ньюкасла произошла авария, вызвавшая необходимость эвакуации населения.

- Ах вот оно что?!.. Ну а как власти собираются объяснить землетрясения и вулканическую деятельность?

- Не было никаких вулканов. Взорвался метан в старых штольнях - только и всего.

- Опять метан?! Только не это, Клер! Если бы вы знали, сколько загадочных явлений объясняли взрывом рудничного газа, сколько материалов отправилось в корзину, только потому что кто-то предпочел скрыть правду.

Тельма взяла его за руку.

- Идемте, доктор Джонс. Быть может, так даже лучше. Насколько я знаю, не в ваших правилах раздувать скандал.

Джонс с горечью покачал головой.

- Да, мы, британцы, очень не любим скандалы. Для нас важнее всего сохранить лицо, поэтому даже катастрофы у нас случаются чисто британские. Таких нет больше нигде в мире.

Но Клер его не слушала. Подняв голову, она смотрела в безоблачное голубое небо. Там, высоко над безмятежной землей, кувыркались и парили несколько приплюснутых шаров.

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Stephen Baxter. Project Hades. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

КРИСТИН КЭТРИН РАШ

ДЕНЬ КРАСНЫХ ПИСЕМ

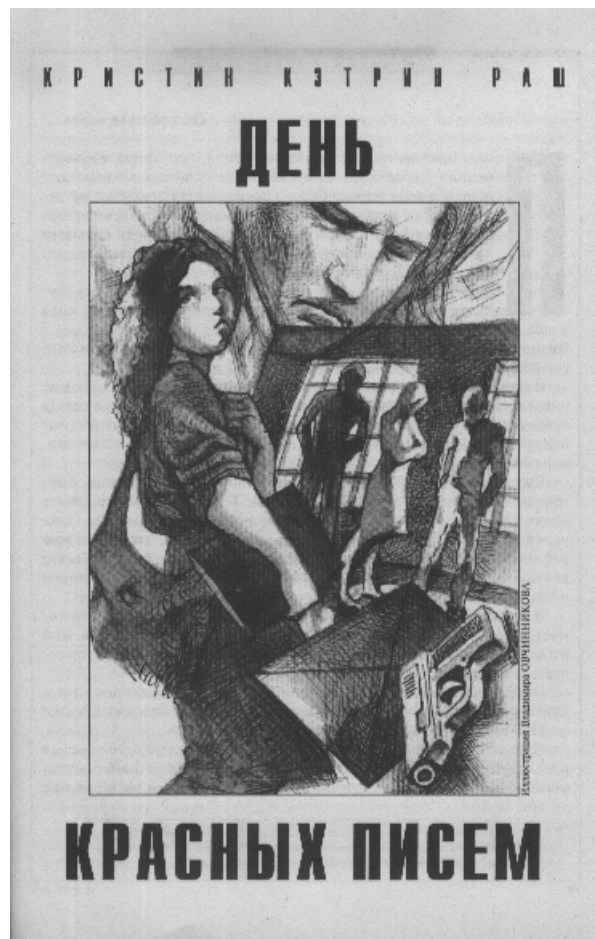

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

*Опасно мало знать... *36*

Последний понедельник учебного года, репетиция торжественной церемонии выпуска... После обеда выпускники школы имени Барака Обамы начинают собираться в спортзале, где по традиции им выдают мантии и академические шапочки с бело-голубыми кисточками. Кисточка вызывает наибольшие трудности - на какую сторону ее свесить, может, лучше передвинуть сюда?..

Через несколько дней у ребят начнется взрослая жизнь. Будущее кажется им зыбким и неопределенным, полным пока неясных возможностей.

Возможностей, однако, может оказаться не так уж много, потому что сегодня еще и День красных писем.

Я стою у самого выхода, чуть не на лестничной площадке. На мне повседневная юбка и блузка, которую не жалко. В этот день я всегда стараюсь надеть что-нибудь ненужное, потому что к вечеру рыдающие

³⁶ * *Эту строчку из поэмы Александра Поупа «Опыт о критике» цитирует брандмейстер Битти в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту», перевод Т. Шинкарь. (Здесь и далее прим. перев.)*

у меня на плече выпускники испачкают всю блузку слюнями, соплями и размокшей косметикой.

Сильно колотится сердце. Я всего лишь слабая женщина, хотя многие считают меня суровой и жесткой. Тренеру приходится быть жестким. Я по-прежнему тренирую баскетбольные команды, хотя уроки давно не веду - школьное начальство решило, что лучше мне работать воспитателем, а не учителем. Это решение было принято двадцать с лишним лет назад, после моего первого Дня красных писем в школе Барака Обамы.

Я, наверное, единственная из учителей, кто действительно понимает, насколько жестоким может быть это мероприятие. На мой взгляд, неправильно уже то, что День красных писем вообще существует, а хуже всего - что он проводится именно в школе.

Иногда я думаю, этот день следовало бы сделать нерабочим, чтобы дети находились дома с родителями, когда получают красные письма. Или не получают. Такое тоже случается.

Сложность ситуации еще и в том, что мы не можем подготовиться к тому, что нас ждет, - учителя не имеют права просматривать письма заранее. Ничего не поделаешь, это запрещено законом об охране личной жизни.

И правилами путешествий во времени тоже. Существует только один - один-единственный - способ доставки писем: хронокурьер появляется непосредственно перед репетицией церемонии выпуска, раскладывает красные конверты по папкам и тут же исчезает. Письма в конвертах самые настоящие (никакой электроники), написаны от руки на бумаге старинного образца, которую использовали полтора века назад. Только такие письма доходят до адресата: бумага поддается проверке, подпись - идентификации, да и конверты надежно запечатаны и проштемпелеваны.

Очевидно, и в свершившемся будущем ошибки никому не нужны.

Все папки, кстати, надписаны, чтобы письмо попало точно по адресу. И тем не менее письмам полагается быть расплывчатыми и неопределенными.

Я не занимаюсь учениками, получившими свои письма. Для этого есть другие люди - профессиональные балаболы, как я их называю. За небольшое вознаграждение они исследуют текст и подпись, истолкуют смысл письма, а также постараются определить социальный статус, физическое и моральное состояние отправителя.

Я-то считаю, что именно это и превращает День красных писем в надувательство, но ученики не могут этого понять, ведь воспитатели (то есть я) в это время заняты теми, кто никакого письма не получил.

Выделить такого человека в толпе учеников непросто. А предсказать, кто из ребят не получит письма, мы не в состоянии. Об этом можно только догадываться, когда выпускник, поспешно отойдя в сторонку и

открыв папку, вдруг застывает, а затем медленно поднимает изумленно-испуганные глаза.

В папке у него либо красный конверт, либо ничего.

А у нас даже нет возможности посмотреть, чья папка пуста.

* * *

Мой собственный День красных писем состоялся тридцать два года назад в школе Милосердной сестры Марии в городке Шейкер-Хайтс в Огайо. Это была маленькая католическая школа совместного обучения, принадлежавшая конгрегации Сестер милосердия. Сейчас она уже закрыта, но в то время пользовалась очень хорошей репутацией. Согласно каким-то там опросам, она считалась лучшей частной школой в Огайо, даже несмотря на некоторый консерватизм учебной программы и мощную религиозную составляющую.

К религии, впрочем, я была почти равнодушна, зато хорошо играла в баскетбол, поэтому целых три университета - Калифорнийский в Лос-Анджелесе, Невадский в Лас-Вегасе и Университет Огайо (знаменитые «Каштаны»³⁷, кстати, именно оттуда) предложили мне свои стипендии. Кроме того, скаут^{**38} профессиональной лиги, который тоже давно меня приметил, обещал, что я легко пройду пятиступенчатый отбор, если только стану профессионалкой сразу после школы, но мне все же хотелось получить высшее образование.

«Образование ты сможешь получить и позже, - твердил агент. - Любой самый престижный университет с радостью тебя примет, когда ты уже заработаешь славу и деньги».

Но я уже тогда была сообразительной и интересовалась судьбами тех, кто попал в большой спорт сразу после школы. Очень часто, получив серьезные травмы, эти ребята теряли контракты и деньги и в спорт уже не возвращались. Многим приходилось браться за любую работу, лишь бы заплатить за обучение. У большинства же до учебы дело и вовсе не доходило.

Те, кто удерживался в спорте, отдавали большую часть своего заработка всяким менеджерам, агентам и прочим дармоедам. А я смотрела на вещи трезво, и мне было ясно: я невежественная девчонка, у которой только и есть, что неплохие способности в обращении с мячом. Да, я была наивна, доверчива и малообразованна, однако для меня было очевидно, что жизнь

³⁷ * «Каштаны» - *Ohio State Buckeyes* - здесь название баскетбольной команды Университета Огайо.

³⁸ ** Скаут - в профессиональном спорте - агент команды, в задачи которого входят поиск и вербовка перспективных спортсменов.

продолжается и после тридцати пяти, когда даже самые одаренные спортсменки начинают терять форму.

А о своем будущем я задумывалась достаточно часто. Что со мной будет после тридцати пяти? Я ни секунды не сомневалась: как только мне исполнится пятьдесят, мое будущее «я» напишет мне письмо и поможет определиться с выбором.

Тогда я считала так: все сводится либо к университету, либо к профессиональному спорту. О том, что будет, что может быть иной вариант, я не задумывалась.

Как известно, любой, кто захочет, точнее - каждый, кто ощутит подобную необходимость, может написать письмо себе прошлому. И это письмо будет доставлено адресату накануне выпуска, когда тинейджеры теоретически уже взрослые люди, но фактически еще находятся под опекой школы.

В соответствии с рекомендациями письмо должно быть вдохновляющим. Оно также может предостерегать прошлое «я» от какого-то недоброжелателя, нелепой случайности или неправильного решения.

Но только от кого-то или чего-то одного.

Статистика гласит: большинство взрослых избегают предостережений и советов. Их жизнь нравится им такой, какая она есть. Взяться за письмо их может побудить только желание ничего не менять в собственном прошлом.

И только те, кто допустил серьезную ошибку или просчет, кто однажды выпил лишнего и принял неправильное решение - попал в аварию, лишился лучшего друга или вступил в случайную связь, - пишут письма с предостережениями.

Но любое более или менее ясное предостережение ведет к изменению реальности. Перед человеком, когда он молод, лежит сразу несколько вариантов жизненного пути, и взрослый, когда пишет такое письмо, надеется, что его прошлое «я» избежит роковой ошибки. Но если подросток последует совету, тогда его прошлое «я» получит письмо от взрослого, каким он никогда не станет. Такой молодой человек вырастет благоразумным и осторожным взрослым, сумевшим избежать той пьяной ночи, которая когда-то сломала ему жизнь, а этот новый взрослый, в свою очередь, напишет себе прежнему уже другое письмо, предупредит о другой опасности или наоборот - многословно и туманно расскажет о своем обеспеченном и блестящем настоящем. И так может продолжаться до бесконечности.

На эту тему написано немало научных трудов, а дискуссии о последствиях все не утихают. Вынесено немало судебных решений, принята куча законов и поправок к ним, но ситуация остается столь же запутанной.

Все это возвращает меня к той ужасной минуте, которую я много лет

назад пережила в часовне Милосердной сестры Марии.

Репетиция выпускной церемонии у нас проходила совсем не так, как в школе имени Барака Обамы. Не помню точно, когда именно она состоялась; кажется, тоже в последнюю перед выпуском неделю, но только не в понедельник, а позже.

День красных писем в школе Милосердной сестры Марии мы провели в молитвах. В принципе, каждый учебный день начинался у нас с того, что ученики шли к мессе. Однако в этот день выпускной класс должен был отсидеть дополнительную службу, включавшую молитву о прощении грехов и проповедь о противоестественности того, что требовал закон от администрации школы Милосердной Марии.

В нашем учебном заведении День красных писем терпели как неизбежное зло. Создававшаяся в традициях католической церкви школа Милосердной Марии выступала против путешествий во времени, поскольку еще очень давно - задолго до моего рождения - Папа объявил такие путешествия мерзостью, противной воле Провидения.

Аргументы Церкви вам наверняка известны. «Если бы Господу было угодно, чтобы мы путешествовали во времени, - заявляли богословы, - Он в своей неизреченной мудрости Сам наделил бы нас этой способностью». На это ученые возражали: «Если бы Бог хотел, чтобы люди могли путешествовать во времени, Он дал бы человеку возможность постичь природу этих путешествий... И пожалуйста, Он так и сделал!».

Даже сейчас все споры фактически сводятся к тому же самому.

Поначалу, впрочем, путешествия во времени были уделом людей богатых и влиятельных. Вероятно, возникновение множества альтернативных реальностей пугало их меньше, чем остальных. А может, богатым это было просто безразлично - ведь, как заметил знаменитый (но мало читаемый) американский писатель XX века Скотт Фицджеральд, «они не похожи на нас с вами»^{*39}.

Но потом ситуация изменилась. Еще столетие назад большинство (замечу - политически активное большинство) прекрасно понимало, что «путешествия во времени для всех» - это чистой воды утопия, но нельзя же было (Америка есть Америка!) лишать гражданина даже теоретических шансов побывать в прошлом. И «путешествия во времени» сделали лозунгом политической борьбы. Либералы требовали от правительства начать государственное финансирование таких вояжей, а консерваторы были убеждены, что разрешать их можно только тем, кто в состоянии за это заплатить.

³⁹ * *«Позвольте мне рассказать об очень богатых. Они не похожи на нас с вами...» - слова из рассказа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Богатый мальчик».*

Затем произошло нечто ужасное. Из исторических трудов этот факт полностью не вымаран, но в школах (во всяком случае, в известных мне школах) о нем стараются не говорить. Федеральное правительство предложило компромиссный вариант.

Согласно новому закону, каждый мог совершить одно бесплатное путешествие во времени. Это не значит, что людям разрешалось отправляться в прошлое, чтобы присутствовать при распятии Христа или наблюдать битву при Геттисберге**⁴⁰, зато каждый имел право отправиться в свое собственное прошлое. Впрочем, даже такое путешествие могло иметь самые серьезные последствия, поэтому был установлен жесткий контроль. И все же никакие драконовские меры не смогли помешать одному чудаку проникнуть в Индепенденс-холл⁴¹ в июле 1776 года и рассказать отцам-основателям, что же они натворили.

В силу этих и некоторых других причин власти понемногу закручивали гайки (считалось, будто ничто не вызывает у народных масс такого сильного недоверия, как способность человека проникать в прошлое), пока право на путешествие во времени не свелось ко Дню красных писем со всеми его правилами и ограничениями. С тех пор мы можем только оказывать воздействие на свою собственную жизнь, ни при каких условиях не перемещаясь во времени физически. Тем не менее возможность дотянуться до своего прошлого, чтобы подстраховаться или что-то подправить, вполне реальна.

Но даже это считается неестественным и недопустимым у католиков, баптистов, либералов и членов Лиги Застрявших во Времени (этих последних я просто обожаю: никто из них, похоже, не понимает злой иронии, заключенной в этом названии). В течение еще многих лет после соответствующего закона в таких местах, как школа Милосердной Марии, продолжалась борьба: верующие протестовали, подавали в суд, сами становились ответчиками.

Но подчиниться им все-таки пришлось.

Вот только их отношение к хронопутешествиям не изменилось.

Именно поэтому они всячески третировали нас, бедных выпускников, жаждущих узнать свое будущее, свою судьбу.

Я помню, как мы молились; минуты, что мы стояли на коленях, казались часами. Еще я помню густую влажность поздней весны и страшную духоту и жару, потому что часовня была историческим зданием и там не разрешалось устанавливать кондиционеры.

Упала в обморок Марта Сью Тренинг, за ней - Уоррен Айверсон, наш

⁴⁰ ** *Самое кровопролитное сражение в ходе гражданской войны в США. Произошло 1-3 июля 1863 г. в штате Пенсильвания.*

⁴¹ * *Индепенденс-холл - здание в Филадельфии; место, где была утверждена Декларация независимости.*

лучший куортербек**⁴². Да и сама я почти всю службу просидела, уткнувшись лбом в спинку передней скамьи и сражаясь с подступающей к горлу тошнотой.

Всю жизнь я ждала этой минуты, и наконец она наступила. Мы построились в алфавитном порядке, и я, как обычно, оказалась в середине, чего терпеть не могла. Я была рослой, некрасивой и неуклюжей (отменная координация движений появлялась у меня почему-то только на баскетбольной площадке), к тому же не слишком развитой, а в школе это имеет большое значение. И тогда я не была ни суровой, ни жесткой.

Это пришло потом.

В общем, долговязая и угловатая девчонка, какой я была тогда, частенько оказывалась в строю за уступавшими ей в росте парнями, и поэтому старалась держаться как можно незаметнее.

Стоя в проходе между скамьями, я смотрела, как очередь движется к ступенькам алтаря, где мы преклоняли колени, когда подходили к причастию.

Папки нам выдавал отец Бруссар - высокий (правда, чуть ниже меня), начинающий полнеть священник. Он брезгливо брал их левой рукой, словно папки были прокляты, а правой благословлял каждого, кто протягивал руку за своим будущим.

Говорить нам ничего не полагалось, но парни иногда бормотали: «Отлично!». Некоторые девушки прижимали папку к груди, словно любовное письмо.

Я получила свою, крепко сжала пальцами прохладный пластик, но открывать возле алтаря не стала, чтобы стоящие за мной в очереди не подсматривали.

Поэтому я отошла к дверям, выскользнула в притвор и прислонилась к стене.

Потом открыла папку.

И не увидела ничего.

У меня перехватило дыхание.

Я вернулась в часовню. Папки получали уже самые последние. На ковровой дорожке перед алтарем не валялось никаких красных конвертов, и ни одной папки не отложил в сторону отец Бруссар.

Все еще не веря в случившееся, я остановила троих выходящих парней и спросила, не видели ли они, как я что-то роняла, и не получили ли они по ошибке мое письмо.

Тут сестра Кэтрин схватила меня за руку и оттащила прочь. Ее пальцы с такой силой вцепились в мой локоть, что руку пронзила резкая боль.

- Не смей никому мешать, - прошипела сестра Кэтрин.

- Но я, должно быть, выронила письмо!

⁴² ** *Ведущий игрок команды в американском футболе.*

Она внимательно взглянула на меня и разжала пальцы. На одутловатом лице монахини отразилось глубокое удовлетворение; она даже потрепала меня по щеке.

Ее прикосновение показалось мне на удивление нежным.

- Значит, Он благословил тебя.

Я не чувствовала никакого особенного благословения и хотела об этом сказать, но монахиня уже подавала знаки отцу Бруссару.

- Она не получила письма, - сообщила сестра Кэтрин,

- Господь благоволит тебе, дитя мое, - сердечно произнес отец Бруссар. Раньше он меня просто не замечал, а теперь даже положил руку мне на плечо. - Пойдем-ка со мной, поговорим о твоём будущем.

Я позволила ему отвести себя в кабинет. Там же собрались все свободные от занятий монахини. Они наперебой стали толковать о том, что Господу угодно было одарить меня свободой выбора, что Он благословил меня, вернув мне моё будущее, и считает меня безгрешной.

А меня била дрожь. Всю жизнь, сколько я себя помнила, я с нетерпением ждала этого дня - и вот на тебе! Ничего. Ни строчки. И никакого будущего.

Совсем никакого.

Мне хотелось разрыдаться, но в присутствии отца Бруссара я не могла себе этого позволить. А он уже начал объяснять, что означает это благословение Господне. Я должна служить Церкви, сказал святой отец. Так гласили правила: тот, кто не получил красное письмо, мог бесплатно учиться в самом известном католическом университете. Если же я захочу стать монахиней, добавил отец Бруссар, то он уверен, что и в этом вопросе Церковь пойдёт мне навстречу.

- Мне хотелось бы играть в баскетбол, святой отец, - выдавила я наконец.

Он с пониманием кивнул:

- Тренироваться можно в любом из наших учебных заведений.

- Я имею в виду профессиональный баскетбол.

Отец Бруссар взглянул на меня как на сатанинское отродье.

- Видишь ли, дитя мое, - заговорил он уже несколько нетерпеливым тоном, - Господь подал тебе знак. Он Сам благословил тебя на служение Ему.

- Не думаю, - возразила я севшим от невыплаканных слез голосом. - Вы... вы ошибаетесь.

Затем я выскочила из его кабинета и бросилась вон, подальше от школы.

Мать, впрочем, заставила меня вернуться и отсидеть оставшиеся до выпуска дни, чтобы закончить школу как положено. Она утверждала, что я очень пожалею, если этого не сделаю.

Вот все, что я запомнила.

Остаток лета прошел как в тумане. Я оплакивала свое будущее, боясь совершить какую-то судьбоносную ошибку, и даже всерьез подумывала о католическом университете. Мать день и ночь твердила, что я должна принять решение, пока не закончился прием студентов, и в конце концов мне это надоело. Я сделала свой выбор...

Это оказался Невадский университет в Лас-Вегасе. Помню, мне хотелось оказаться как можно дальше ото всего, что имело хоть малейшее отношение к католической церкви.

Я получила стипендию и в первой же игре серьезно повредила колено. «Кара Господня», - изрек отец Бруссар, когда я приехала домой на День благодарения.

И, прости меня, Господи, я ему поверила.

Но я все равно не перевелась в католический университет. И безропотной страдальцей тоже не стала. Я не выступала против Господа и не проклинала Его. Я просто отвернулась от Него, потому что - как мне представлялось - Он первым оставил меня.

* * *

Тридцать два года спустя я стою и вглядываюсь в лица выпускников. Кто-то покраснел, кто-то выглядит испуганным, кто-то разразился слезами.

А кто-то стал белее мела, словно пережил сильнейшее потрясение.

Эти как раз мои.

Я ставлю их рядом с собой, даже не спрашивая, что они увидели в своих папках. Еще ни разу я не ошибалась в выборе - в том числе и в прошлом году, когда подзывать было просто некого.

Тогда письма обрели все. Подобное случается примерно раз в пять лет. Все выпускники получают свои красные письма, и я могу вздохнуть свободно.

Сегодня у меня трое. Не очень много, надо сказать. Однажды их было тридцать, и не прошло и пяти лет, как стало ясно почему. Идиотская маленькая война в идиотской маленькой стране, о которой раньше никто и слыхом не слыхивал. Двадцать девять выпускников погибли там в течение десяти дней. Двадцать девять...

Тридцатая была вроде меня - девчонка, не имевшая ни малейшего представления о том, почему в будущем ей не захотелось черкнуть себе ни строчки.

Каждый День писем я размышляю об этом.

Я отношусь к тому типу людей, кто обязательно написал бы себе письмо. Наверное, я была такой всегда. Мне кажется, что даже такое общение - общение с помощью расплывчатых фраз и неясных намеков - необходимо. В конце концов, кто лучше меня знает, как важно юноше

или девушке открыть папку со своим именем и увидеть внутри ярко-красный конверт?

Я ни за что бы не оставила себя прошлую без весточки от себя будущей.

На самом деле я уже набросала черновик этого письма. Через две недели - в день моего пятидесятилетия - ко мне домой явится государственный служащий, чтобы договориться о дне и часе, когда он должен проследить, как я буду писать это письмо.

Я не смогу прикоснуться ни к бумаге, ни к конверту, ни к специальному перу, пока не дам согласия писать письмо под его наблюдением. Когда я закончу, служащий сам сложит мое письмо, запечатает в конверт и адресует в среднюю школу Милосердной сестры Марии в городке Шейкер-Хайтс, Огайо, тридцать два года назад.

План у меня есть. Я знаю, что писать.

Только одно по-прежнему смущает меня: почему в первый раз я не получила никакого письма? Что случилось? Что пошло не так? Быть может, я давно нахожусь в другой реальности, просто сама этого не знаю?

Выяснить это мне, естественно, не удастся.

Но я гоню от себя такие мысли. То, что когда-то я не получила письма, ровным счетом ничего не значит. По этому факту не определишь, удостоилась я Господней благодати или просто не дожидая до пятидесяти. По-моему, письмо - или его отсутствие - всего лишь узаконенный властями трюк, не дающий людям вроде меня не только путешествовать по знаменательным историческим эпохам, но даже снова переживать яркие моменты собственной жизни.

Я жду конца церемонии и продолжаю изучать лица учеников. Больше никого, только эти трое. Двое парней и девушка.

Карла Нельсон. Высокая и стройная платиновая блондинка. Любит кросс и ни за что не хочет играть в баскетбол. Нам не хватало высоких, спортивных девчонок, и я много раз уговаривала ее вступить в команду, но получала отказ.

У Карлы есть и рост, и сила, и координация, но она заявила мне, что не может играть в команде. Ей нравится бегать, причем бегать в одиночестве. Карла не любит полагаться на кого-то, кроме себя.

Не сказала бы, что осуждаю ее за это.

Но сейчас, глядя на ее потерянное, заострившееся личико, я понимаю, как она надеялась на свое будущее «я». Верила, что уж самую себя она не подведет.

Никогда.

За прошедшие годы я много раз становилась свидетельницей того, как другие воспитатели пускают в ход самые общие, банальные фразы. «Ничего страшного, - говорят они. - Очевидно, твое будущее «я» считает, что ты на верном пути. Я тоже думаю, что у тебя все будет

замечательно».

Когда я в первый раз присутствовала при подобной сцене, меня охватило горькое чувство. Я, впрочем, ничего никому не сказала, что, по-видимому, было с моей стороны самым разумным, хотя в мыслях своих я невольно наполняла изреченные коллегами банальности ужасным, подчас даже трагическим смыслом.

Все мы понимаем, насколько важным может быть отсутствие письма. Например, это может означать, что твоя будущая личность ненавидит тебя...

Или, чаще всего, что ты не дожил до пятидесяти.

Несколько лет спустя я проанализировала все подобные случаи. Я проверила свои гипотезы, примерив их сначала к собственной жизни, потом - к биографии одной из моих коллег: учеба, карьера, замужество, двое детей, развод, рождение первого внука. И убедилась, что многие мои догадки верны.

Например, в юности я была уверена, что в тридцать пять я только-только оставлю профессиональный спорт. На самом деле, как раз в этом возрасте меня перевели из учителей физкультуры в штатные воспитатели. Ну, и тренерская работа тоже оставалась при мне.

Отказываться я не стала.

Мне было даже интересно, что бы я написала себе, если бы в свое время пошла в большой спорт? «Так держать»? Кажется, эту мысль несет подавляющая масса писем в красных конвертах. По идее, можно написать и больше, но в конечном счете суть всегда можно выразить в этих двух словах.

Вот только мне вовсе не хотелось «держаться так», да еще до самого конца. До сих пор я часто спрашиваю себя: повредила бы я свое колено, пойдя я в профессиональный спорт? Сумела бы я чего-то в нем достичь? Получала бы я дорогостоящее лечение вроде нанохирургических вмешательств, которые позволили бы мне продолжать спортивную карьеру? Или, может, я вышла бы в тираж еще раньше?

Мечта - коварная штука.

Легко бьющаяся и хрупкая.

Я поворачиваюсь к трем своим ученикам. Их мечты разбиты, и они стоят рядом со мной сиротливой кучкой.

- Ко мне в кабинет, - команду я.

Они так потрясены, что подчиняются беспрекословно.

Пытаюсь сообразить, что мне известно о парнях. Эстебан Рейер и Джей-Джей Фениман. Джей-Джей это... Джейсон Джейкоб. Я вспомнила только потому, что его двойное имя звучало анахронизмом, а сокращение Джей-Джей было вполне современным и модным.

Если бы вас спросили, кто из выпускников способен добиться наибольшего успеха благодаря только своим личным качествам и

обаянию (а не красным письмам и стечению обстоятельств), вы наверняка назвали бы Джей-Джея.

С некоторой оговоркой следующим назвали бы Эстебана. Он иногда ленился, но тоже был достаточно способным.

А если бы вам пришлось выбирать того, кто не стал бы писать себе ни при каких обстоятельствах, то сразу указали бы на Карлу. Она слишком нелюдима, к тому же наделена колючим и неуживчивым характером. Пожалуй, мне не следовало удивляться, что она оказалась среди этой троицы.

Но я удивлена.

По опыту знаю: никогда не остаются без письма те, кто по всем признакам не может ни на что рассчитывать.

Зато тем, в кого вы верите и на кого надеетесь, часто не везет.

Как бы то ни было, сейчас моя задача - помочь им сохранить надежду.

* * *

К беседе я подготовиться успела. Хотя я не любительница новейших технологий - всех этих вмонтированных в ладонь сканеров, устройств, подающих изображение прямо на сетчатку глаза, и тому подобного, - в День красных писем я использую их на всю катушку.

Пока мы идем по широкому переходу в административный корпус, я изучаю все, что есть в школьной базе данных на этих троих. Впрочем, информации прискорбно мало.

Результаты психологических тестов за все время обучения, начиная с первого класса. Адаптированные к возрасту тесты на ай-кью. Адреса. Род занятий и размер дохода родителей. Факультативы, оценки. Болезни (если указаны). Взыскания, благодарности, награды.

Я уже многое знаю о Джей-Джее. Душа компании, центральной футбольной команды, мог быть избран президентом класса, если бы сам не отказался. Красавец. В классе у него есть настоящая фанатка, которая упорно преследует его повсюду. Эту девушку зовут Лизбет Чолин. Я дважды налагала на нее дисциплинарные взыскания и в конце концов отправила на обследование в школьную психологическую службу.

Пора переходить к Эстебану. Его уровень выше среднего, но только по тем предметам, которые ему интересны. Результаты тестов на ай-кью неизменно высокие в течение нескольких лет. Несмотря на это, его потенциал остался нереализованным - главным образом потому, что он сам не чувствует такой потребности. Как я уже говорила, усидчивостью он не отличается.

Пожалуй, только Карла остается для меня загадкой. Коэффициент интеллекта у нее выше, чем у любого из этих двоих, но оценки низкие.

Никаких наказаний, никаких благодарностей или наград за успеваемость. Только сведения о спортивных достижениях: все три последних года она побеждала на первенстве штата по кроссу. Потенциальный кандидат на университетские стипендии, если бы чуть подтянула успеваемость, чего Карла так и не сделала. О родителях - ничего. Проживает в квартале для среднего класса в самом центре города.

Наш путь занимает три минуты. За это время мне вряд ли удастся в ней разобраться, хотя я стараюсь.

Наконец я завожу ребят в свой просторный, но уютный кабинет. Большой стол, мягкие стулья, живые растения. Из окна открывается вид на беговую дорожку школьного стадиона, но сейчас, наверное, это не самое вдохновляющее зрелище, по крайней мере для Карлы.

Слова, которые произношу в таких случаях, я давно выучила наизусть и тем не менее стараюсь, чтобы они не слишком смахивали на домашнюю заготовку.

- Итак, ваши папки оказались пустыми, - не спрашиваю, а констатирую я.

К моему изумлению, у Карлы начинает дрожать нижняя губа. Я думала, что уж она-то сможет держать себя в руках, но глаза девушки наполняются слезами. У Эстебана краснеет нос, и парень низко опускает голову. Из-за Карлы ему еще труднее контролировать себя.

Джей-Джей, скрестив на груди руки, подпирает стену. Его красивое лицо - застывшая маска. Я ловлю себя на мысли, что уже замечала у него это странное выражение. Не совсем отсутствующее - даже почти приятное, но полностью отстраненное. Одной ногой он упирается в стену, на которой наверняка останется черный след, но я не делаю ему замечания. Пусть упирается, если ему так легче.

- Я тоже ничего не получила на свой День красных писем, - говорю я.

Они изумленно на меня таращатся. Взрослым не положено обсуждать с тинейджерами свои письма. Как, собственно, и их отсутствие. Но сейчас иначе нельзя.

За многие годы я убедилась: минута, когда до ребят доходит, что можно прожить и без всякого письма, - ключевой момент всей беседы.

- А вы знаете почему? - звенящим голосом спрашивает Карла.

Я отрицательно качаю головой.

- Поверьте, я долго пыталась это понять. Я прокрутила в голове все сценарии, которые смогла придумать, вплоть до того, что, возможно, умру раньше, чем придет мой срок писать это письмо...

- Но сейчас-то вам уже больше пятидесяти, верно? - несколько раздраженно перебивает Джей-Джей. - И на этот раз вы, конечно, написали себе письмо!

- Право написать письмо появится у меня только через две недели. И я действительно собираюсь этим правом воспользоваться.

Щеки Джей-Джея покрываются румянцем, и я впервые замечая, насколько же он на самом деле раним! Парень страшно подавлен - возможно, даже сильнее, чем Карла и Эстебан. Как и я в свое время, он верил, что получит вполне заслуженное им послание - сообщение об ожидающей его интересной, богатой и успешной жизни.

- Следовательно, вы еще можете умереть до того, как напишете это письмо, - заключает Джей-Джей, и на этот раз я уверена, что он рассчитывал причинить мне боль.

Ну что ж, у него получилось. Но я не подаю вида.

- Все может случиться, - спокойно говорю я. - Только прошу учесть, что я вот уже тридцать два года живу безо всякого письма. Тридцать два года без малейшего намека на то, что может таиться в моем будущем! Так жили все люди до того, как стали практиковаться путешествия во времени. До Дней красных писем.

Вот теперь я завладела их вниманием.

- На самом деле, нам с вами очень повезло, - говорю я, и поскольку мы установили, что находимся в одинаковом положении, мои слова не кажутся им снисходительными. Я произношу их уже без малого двадцать лет, и многие бывшие выпускники говорили мне потом, что эти слова - самая важная часть беседы.

Во взгляде Карлы - печаль и надежда. Эстебан по-прежнему сидит, не поднимая головы. Глаза Джей-Джея сузились. Я буквально кожей ощущаю его злость: можно подумать, это я виновата, что он не получил письма.

- Повезло?.. - переспрашивает он тем же тоном, каким напоминал, что я еще могу умереть.

- Да, повезло, - повторяю я как можно тверже. - Мы не скованы своим будущим.

Наконец Эстебан поднимает голову и хмуро глядит на меня.

- Там, в спортзале, - поясняю я, - воспитатели беседуют сейчас с ребятами, получившими письма с предостережениями двух разных типов. Одни содержат точные указания не совершать таких-то действий такого-то числа - в противном случае, ты рискуешь испортить себе всю жизнь.

- Люди в самом деле получают такое? - затаив дыхание, спрашивает Эстебан.

- Каждый год.

- А что в других письмах? - У Карлы дрожит голос. Она говорит так тихо, что мне приходится напрягать слух.

- В других письмах сказано примерно следующее: «Ты можешь прожить эти годы лучше, чем я», но при этом ни одно письмо не объясняет - просто не может объяснить, - что именно пошло не так. Дело в том, что каждый имеет право предупредить себя прошлого только о каком-то одном критическом событии. Но в жизни случается и

так, что один промах влечет за собой целый вал ошибок, однако писать об этом подробно запрещают правила. Вот почему взрослым подчас остается уповать только на то, что их прошлые «я» - другими словами, вы, ребята, - не только избегают чего-то одного, но и впоследствии (порой, в течение многих лет) будут совершать только правильные поступки.

Теперь хмурится и Джей-Джей:

- Что вы хотите этим сказать?

- Вот представь, - говорю я, - что сегодня ты все же получил письмо. Письмо, в котором говорится, что ни одна твоя мечта не осуществится. Письмо, в котором просто сказано, что тебе придется принимать все как есть, потому что изменить ничего нельзя.

- Я бы этому не поверил.

С этим я согласна. Он не поверит. Во всяком случае, не сразу. Но с этой самой минуты маленький червячок сомнения примется точить его постоянно, влияя на любое его последующее действие, мысль или слово.

- В самом деле? - говорю я вслух. - Разве ты из тех, кто готов лгать самому себе, чтобы уничтожить себя нынешнего? Готов ли ты своими руками убить последнюю надежду?

Джей-Джей еще гуще краснеет. Естественно, он не из таких. Конечно, этот парень обманывает себя - мы все обманываем, - но при этом он внушает себе, какой он замечательный и как мало у него недостатков. Когда Лизбет начала за ним бегать, я вызвала Джей-Джея к себе в кабинет и посоветовала не обращать на нее внимания.

«Иначе ты введешь девушку в заблуждение, - сказала я тогда. - Она может подумать, что ты...»

«Ничего подобного, - перебил меня Джей-Джей. - Она прекрасно понимает, что несколько меня не интересует».

На самом деле это он знал, что она его не интересуется. А бедняжка Лизбет об этом даже не догадывалась.

В окно мне хорошо видно, как она слоняется по переходу, ожидая своего Джей-Джея, - наверняка хочет узнать, что сказано в его письме. В одной руке она держит свой красный конверт, другую засунула в карман мешковатой юбки. Лизбет выглядит привлекательнее, чем обычно, как будто специально принарядилась для этого дня, а возможно, и для неизбежной вечеринки.

Каждый год на День красных писем обязательно находится какой-нибудь кретин, который устраивает вечеринку, хотя мы настоятельно советуем этого не делать. И каждый год туда отправляются выпускники, получившие хорошие письма. Другие же либо отказываются, либо заскакивают на короткое время и вдохновенно врут о том, что написали им их будущие «я».

Лизбет, видимо, хочет спросить, пойдет ли Джей-Джей на вечеринку.

Интересно, что он ей ответит.

- Может быть, не стоит писать письмо, раз правда приносит так много вреда? - спрашивает Эстебан.

Ну вот и начинаются сомнения, предчувствия дурного.

- Бывает и так, - говорю я, - что ваши успехи превосходят все ваши самые смелые ожидания. Но обязательно ли вам знать об этом заранее? Ведь тогда любое ваше действие будет вас сковывать: вы начнете колебаться и раздумывать, а не испорчу ли я этим свое замечательное будущее?

Они снова внимательно на меня смотрят.

- Не сомневайтесь, - киваю я. - Я обдумала все варианты и не нашла ни одного хорошего.

Дверь кабинета, скрипнув, приоткрывается, и я мысленно чертыхаюсь. Мне нужно, чтобы ребята сосредоточились на моих словах, и любой, кто столь бесцеремонно вваливается в кабинет, может их отвлечь.

Я оборачиваюсь.

Это Лизбет. Она, похоже, нервничает. Впрочем, она всегда нервничает в присутствии Джей-Джея. Прерывающимся голосом она произносит:

- Мне нужно... поговорить с тобой, Джей-Джей.

- Не сейчас, - отвечает тот. - Позже.

- Нет, сейчас, - настаивает Лизбет. Я никогда не слышала, чтобы она разговаривала таким тоном - решительным и робким одновременно.

- Лизбет, - устало говорит Джей-Джей, и по его голосу мне становится окончательно ясно, насколько он измучен. Парень сыт по горло и сегодняшним мероприятием, и этой девушкой, и этой школой. К сожалению, он не такой человек, чтобы легко справиться с тем, что кажется ему катастрофой. - Лизбет, я занят.

- Ты не собираешься на мне жениться, - ни с того ни сего выпаливает Лизбет.

- Конечно же, нет! - в ярости рычит он.

И тут догадка молнией вспыхивает в моем мозгу. Я знаю, почему никто из нас четверых не получил письма. Я знаю, почему не получила письма я, хотя до пятидесятилетия мне осталось каких-то несчастных две недели, и я уже твердо решила написать себе прошлой хотя бы несколько строк.

Лизбет крепко сжимает красный конверт, в другой ее руке внезапно появляется маленький пластиковый пистолет. Оружие, которое нельзя иметь никому - ни учащимся, ни взрослым.

Никому.

- Ложись! - кричу я, а сама бросаюсь к Лизбет.

Но она уже стреляет, только не в меня, а в Джей-Джея, который не успел упасть.

К счастью, Эстебан уже лежит на полу, а Карла... Карла, стоявшая на

полшага позади меня, прыгает вперед почти одновременно со мной.

Вместе мы сбиваем Лизбет с ног, и я вырываю у нее оружие. Потом мы с Карлой держим ее, а к нам отовсюду бегут люди: взрослые и ученики, все еще сжимающие в руках свои красные письма.

Вскоре в кабинете собирается целая толпа. Наручников у нас нет, но кто-то приносит веревку. Кто-то связывается с экстренными службами через вживленный под кожу специальный чип. Такой есть и у меня; я должна была бы им воспользоваться и, вероятно, воспользовалась в какой-то другой реальности, в другой жизни - в той, где я так и не написала свое письмо. Наверное, тогда я отправила тревожный сигнал, а потом попыталась что-то сказать, как-то успокоить Лизбет, но она начала стрелять и убила всех четверых.

Сейчас же пострадал только Джей-Джей. Он неподвижно лежит на полу, под ним медленно растекается лужа крови. Тренер по футболу пытается остановить кровотечение, и кто-то, кого я никак не могу узнать, ему помогает. Я им не нужна - они и так делают все, что полагается, - и мне остается только ждать «скорую» вместе с остальными.

Прибегает школьный охранник, он надевает на Лизбет наручники и кладет пистолет на стол. Мы все смотрим на оружие, и учительница английского Энни Сэндерсон выговаривает охраннику:

- Вы должны были тщательно проверять каждого, а сегодня - особенно! Ведь вас для этого и наняли.

Директор устало ее одергивает, и Энни замолкает. Мы все знаем, что Дни красных писем нередко приводят к трагическим последствиям. Их поэтому и проводят в школе, чтобы не допустить распада семей и расстрела лучших друзей и работодателей. Школы, говорят нам, в состоянии поддерживать порядок и не допускать насилия. И хотя это не так, тем, кто попытается использовать подобные случаи как повод для отмены Дней красных писем, все равно не удастся ничего изменить, потому что остальные - люди, получившие хорошие письма или письма-предостережения и сумевшие избежать ошибок, а также многочисленные эксперты, политики, родители - все равно будут твердить, что от этих Дней пользы больше, чем вреда.

За исключением, естественно, родителей Джей-Джея. Они не узнают, когда именно их сын лишился будущего. В тот день, когда познакомился с Лизбет? Или в тот, когда я предупредила его, что девушка с ума по нему сходит, а он не послушал? Или несколько минут назад, когда не успел упасть на пол?

Я тоже этого не знаю и не узнаю никогда.

И тут я делаю то, чего в других обстоятельствах никогда бы себе не позволила. Я хватаю со стола конверт Лизбет.

Скачущий, неразборчивый почерк.

«Давай завязывай с этим. Джей-Джей тебя не любит и никогда тебя не

полюбит.

Выкинь его из головы, сделай вид, что он никогда не существовал.

Проживи жизнь лучше, чем я.

И выбрось пушку».

Выбрось пушку...

Как я и думала, однажды Лизбет уже совершила убийство.

Интересно, спрашиваю я себя, отличается ли это письмо от того, которое девчонка получила в прошлый раз? И если отличается, то чем?..

«И выбрось пушку».

Новая это строка или в прошлый раз она тоже была? Неужели девушка снова проигнорировала собственный совет?

Голова идет кругом.

Сердце сжимается от боли.

Всего несколько минут назад я злилась на Джей-Джея, а теперь он мертв.

Он мертв, а я жива.

И Карла.

И Эстебан.

Я пробираюсь к ним. Карла, похоже, успокаивается; Эстебан все еще бледен. Наверное, это шок, думаю я. Слева на его лице и рубашке засыхают брызги крови.

Я показываю им письмо, хотя и не должна этого делать.

- Вот вероятная причина, по которой мы, все четверо, не получили своих писем, - говорю я. - Но сегодня все произошло не так, как в прошлый раз. Сегодня мы с вами выжили.

Не знаю, понимают ли они меня. Я в этом не уверена.

Кажется, я и сама не очень-то понимаю.

В кабинете появляются врачи и полиция. Они констатируют факт смерти Джей-Джея, уводят Лизбет, остальных начинают допрашивать. Я отдаю полицейскому красный конверт, но не признаюсь, что мы читали письмо.

Думаю, он сам догадался.

В голове снова проносятся недавние событиями я думаю, что это, наверное, мой последний День красных писем в школе имени Барака Обамы, пусть даже мне и удастся благополучно протянуть оставшиеся до моего пятидесятилетия недели.

Ожидая, пока придет мой черед давать показания, вдруг задумываюсь: стану ли я писать послание собственной юности после всего, что случилось? Смогу ли я выразить свою мысль так, чтобы прежняя я прислушалась к себе будущей? Ведь слова так легко неправильно понять.

Или неправильно прочесть.

Наверное, думаю я, в своем письме Лизбет увидела только первую

строчку. До слов «И выбрось пушку» она просто не дошла, не добралась даже до «Выкинь из головы...», потому что к этому моменту в этой самой голове уже все перемкнуло.

Но, возможно, в первый раз Лизбет этого и не писала. Или, попав в петлю времени, она пишет эти слова снова и снова, жизнь за жизнью, но не может разорвать трагический круг событий.

Я этого не знаю и никогда не узнаю.

И никто не узнает.

Все это и превращает День красных писем в бессмыслицу. Разве письмо из будущего удерживает нас на стезе добродетели? Или наоборот - отсутствие письма подстегивает нас и дает дополнительные силы?

Напишу ли я письмо, в котором попрошу себя прошлую позаботиться о Лизбет, как только ее встречу? Или лучше сразу посоветовать себе идти в большой спорт, несмотря ни на что? Предотвратит ли это сегодняшний кошмар?

Я не знаю.

И никогда не узнаю.

Возможно, прав был отец Бруссар, когда утверждал, что будущее скрыл от нас Сам Господь. Быть может, Ему было угодно, чтобы мы двигались по времени, не зная, что нас ждет впереди, и учились прислушиваться к голосу своей души, чтобы сделать единственно правильный выбор.

Кто знает?..

А может, письма вообще не имеют никакого значения. Быть может, особое внимание, которое уделяют некоторые этому дню и посланию от своего будущего «я», имеет не больше смысла, чем ежегодное празднование Четвертого июля, потому что на самом деле День красных писем ничем не отличается от остальных дней, и это мы придумали отмечать его особыми церемониями и считать крайне значительным.

Я не знаю.

И никогда не узнаю, проживи я еще хоть две недели, хоть два десятка лет.

Джей-Джей все равно не воскреснет, Лизбет будет жить дальше, а мое будущее - каким бы оно ни было - как и прежде, останется покрытым тайной.

Будущее должно быть тайной.

Тайной оно и останется.

Перевел с английского Андрей МЯСНИКОВ

© Kristine Kathryn Rusch. Red Letter Day. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Аналог» в 2010 году.

журнал
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
АНТИКВАРИАТ
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

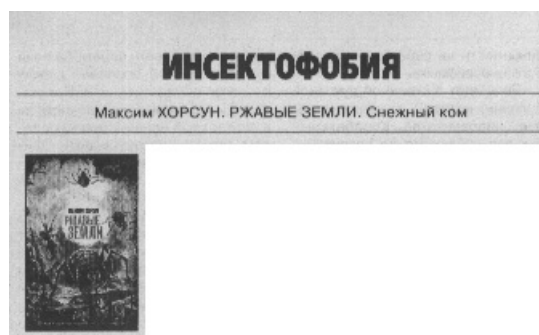
Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
- по каталогу'«Пресса России» - индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (495) 248-6295, тел./факс: (495) 248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9

Тел.: (495) 248-0576 (редакция), 248-6819 (отдел распространения), тел./факс: 248-3811

www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция), id@lkpress.ru (отдел распространения)

ИНСЕКТОФОБИЯ

Максим ХОРСУН. РЖАВЫЕ ЗЕМЛИ. Снежный ком

Максим Хорсун - автор молодой и злой. Не циничный, а, скорее, реалистичный и по-хорошему пристрастный в вопросах влияния заданных условий на развитие сюжета. Однажды поместив своих героев в неблагоприятные для жизни условия марсианской равнины, он продолжает с удовольствием проверять «счастливчиков» на прочность, тщательно взвешивая на весах вероятности саму возможность существования человеческой колонии в предложенных координатах.

Люди никогда не меняются. К такому выводу приходит писатель на примере общины балтийцев - остатков экипажа броненосца «Кречет», перенесенного на Марс волей зловредных пришельцев. Но вот инопланетная угроза устранена, и матросы тут же находят себе новых врагов - в лице офицеров, героев битвы с хозяевами. Хорсун умело показывает, как легко занимается пламя конфликта, стоит появиться в коллективе провокатору с хорошо подвешенным языком. Автор демонстрирует читателям разлад, вносимый в общество классовым неравенством. Каким внутренним стержнем нужно обладать, чтобы противопоставить диктату коллективной ненависти собственную добрую волю? Этот вопрос писатель исследует на протяжении всей книги.

Хорсун неслучайно начинает книгу о Марсе со сцены, развернувшейся на Земле. Пожилой, истерзанный жизнью врач оказывается в руках большевиков. В свете поднятого вопроса о страхе и человечности очень проста и показательна сцена в деревне, где скрывается доктор

Рудин. Диалог двух свидетелей «задержания» демонстрирует не столько позицию, сколько возможность выбора:

«- И Первомай не празднует! И в церковь ходит! - вошла в раж соседка. - Проходимец засланный!» - «Так... доктор он наш... - выдавил из себя сосед. - Ну, какой он шпион, товарищи?»

С первых же страниц мы знакомимся с рассуждением доктора Рудина о богах-насекомых: «Я называю этих индивидов «богами-насекомыми». О, как они упиваются собой, внося разлад в жизнь и коверкая судьбы... Они испытывают вожделение наркомана, вгоняющего в вену грязную иглу. Люди - плохие, хорошие; всякие... вынуждены нести на себе бремя власти богов-насекомых».

Речь идет о странной духовной болезни, которой издревле страдает человечество. Корабельный эскулап наблюдает ее развитие в своих товарищах-матросах и в других пленниках Красной планеты. Именно наличие в обществе осквернителей, уступивших свое тело безжалостному жуку, и обуславливает выбор, о котором говорилось ранее. В сущности, массовые проявления бесчеловечности - это симптом нравственного недуга, настигающего отдельных личностей.

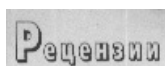
Временами по интонации текст напоминает постапокалиптические романы Харлана Эллисона, Пирса Энтони и Стерлинга Ланье. Опасные странники, вооруженные револьверами и винтовками, гуляют по пустыне. Одиноких путников поджидают банды людоедов и недобитые роботы-убийцы, мерцают странным светом руины давно ушедшей цивилизации. Мы встречали эти образы у Брэдбери и Ефремова, Ли Бреккет и Уильяма Моррисона, видели в графических новеллах. И все же Хорсун делает это по-своему. Элементы вестерна для него скорее литературная игра, чем безоговорочное стилистическое решение. Страшный стрелок Иван Хлыстов похож на мерзавцев Дикого Запада лишь отчасти. Его сущность куда ужаснее. Кроме того, писатель со свойственным ему вниманием к мелочам не дает нам забыть, на какой планете происходит действие. В связи с отсылками и аллюзиями интересен своеобразный художественный ассонанс между разными образами книги. Вот матросы, разгоряченные алкоголем и застарелой ненавистью к господам, бунтуют против власти офицеров, а вот словно гротескное отражение того же недуга - группа людоедов, опустившихся до создания первобытного культа умерщвления и поглощения. Вот зараженный инопланетным симбионтом индивид, методично уничтожающий себе подобных, и тут же - простой энкавэдэшник, расправляющийся с людьми по собственному желанию. Галерея двуликих образов.

Несмотря на тщательно сконструированную правдоподобность, в «Ржавых землях» появляется не характерный для Хорсуна авторский волюнтаризм в отношении судьбы некоторых героев. Писатель начинает жестче проявлять себя, выстраивая событийную и

вероятностную структуру сюжета не как отстраненный конструктор Вселенной, но как сила, которую в отдельных случаях можно назвать провидением. Время от времени он буквально вытаскивает своих любимцев из огня. Может, в этом отступлении от диктата фактов и условий автор демонстрирует свой собственный выбор в пользу человечности...

«Ржавые земли» - это очень вещественная, пугающая и захватывающая история. Автор словно говорит нам: да, реальность сурова. Однако в ней есть место добру.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

Рецензии

Г.Л.ОЛДИ

URBI ET ORBI, или ГОРОДУ И МИРУ.

Книга 3: ИЗГНАННИЦА ОЙКУМЕНЫ

Москва: Эксмо, 2011. - 416 с.

(Серия «Стрела времени»).

10 100 экз.

Приключения телепата Регины ван Фрассен наконец достигли финала. Недрогнувшей рукой автор провел свою героиню через три сакральные ипостаси: девушка, женщина, мать. Пристальное внимание писателей к социальной линии обусловлено гендерно. Нельзя создать полноценный, не карикатурный женский образ без печалей и радостей бытовой жизни, в которую прекрасная половина человечества традиционно вовлечена глубже и серьезнее мужчин. Вот почему на фоне событий глобальных, космических, не уступая, а иногда и затмевая их по значимости, проходят дела частные, семейные.

Читателей словно подводят к вопросу о равенстве между внешней и внутренней вселенной. Для телепата, способного проникать под «шелуху», - это и не вопрос вовсе, а данность. Для писателя-хирурга, сшивающего реальное и сверхреальное, тождественность вещественного и ментального, - важный механизм, способный трансформировать произведение из одной жанровой ипостаси в другую.

Для финальной сцены литературного действия авторы выбирают необычный мир на окраине Ойкумены. Город Шадруван, словно вышедший из арабских сказок (тут Олди - любители восточной

экзотики - «оторвались» по полной), задает тертой в разных передрыгах женщине-психиру неожиданные загадки. От решения этих шарад в итоге зависит не карьера и даже не жизнь героини, но нечто более важное. Что ж, ради меньшего, наверное, и повествование затевать не стоило.

Литературную работу Г.Л.Олди можно назвать «оправданием чуда». Они делали это в мифологической реальности, в своих мистических произведениях, старались на полях фэнтэзи. И вот теперь мы видим продолжение в космической фантастике. С одной стороны, задача выглядит сложнее: непривычные условия, жанровые ограничения и назойливые «космоштампы». Но если взглянуть на это иначе, именно в жесткой, суровой среде и рождалось настоящее, неподдельное чудо.

Николай Калиниченко

Андрей СТОЛЯРОВ

ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ

Москва: Эксмо, 2011. - 416 с.

(Серия «Русская фантастика»).

6000 экз.

В новую книгу известного петербургского писателя вошли три текста: повести «Мелодия мотылька» и «Мир иной», впервые опубликованные в «Если», а также футурологический трактат «Звезды и полосы». На страницах сборника происходит страшная борьба между Столяровым-писателем и Столяровым-политологом.

Столяров-писатель (одно из главных имен славной «Четвертой волны»!) ничуть не утратил прежнего таланта, напротив, художественная сила его с годами только растет. Маленькая повесть «Мелодия мотылька» сделана изысканно и бьет в сердце с неотразимой силой. Она представляет собой красивую реплику на рассказ Хемингуэя «Мотылек и танк». Мотылек - трепещущая тонкость человеческой души со всеми переживаниями чувств, мечтаний, любви и печали. Танк у Хемингуэя - железный рокот войны, бронированный таран, с которым сталкивается мотылек; у Столярова же это рационализированная подлость корпоративной этики, столь же свирепо губящая «мотылька», как и война. «Мир иной» дан в расширенном и переработанном варианте, отличном от журнального. И пронзительное горе людей, бежавших от серого современного мира, чтобы основать в виртуальности новый прекрасный мир, создавших уютное место обитания, но достигнутых грохочущей, разрушительной цивилизацией, переложено здесь публицистическими пассажами, которые снижают эмоциональную силу вещи.

«Звезды и полосы», хотя и названы повестью, к художественной литературе имеют косвенное отношение. Это слегка беллетризованный сценарий разрушения США, падения правительства в России и вторжения принципиально нового устройства мира из будущего в настоящее. Если Столяров-писатель - настоящий мастер, то Столяров-политолог - в лучшем случае, человек острого ума и большой начитанности. Два несопоставимых уровня! Совместив их, автор отчетливо показал, где его сила, а где - слабость.

Дмитрий Володихин

Глен КУК

МЕЧЕНОСЕЦ. ПЕСНЬ КРОВИ

Москва - СПб.: Эксмо -Домино, 2011. - 464 с:

Пер. с англ. Д.Могилевцева.

(Серия «Черная фэнтези»).

4000 экз.

Глен Кук - живой классик «черной фэнтези», давно и преданно любимый немалой частью российских ценителей жанра. В то же время внесерийным его романам по части изданий и переизданий везло у нас гораздо меньше, чем культовым «Приключениям Гаррета» или «Черному отряду». Справедливости ради скажем: и сам автор такой формат не слишком жалуется - самостоятельные, внецикловые романы можно пересчитать по пальцам. К таковым относятся и два давних романа - «Меченосец» (1982) и «Песнь крови» (1990).

Первый из них - роман сравнительно ранний и, мягко говоря, не слишком оригинальный, собраны все знаковые цитаты жанра: принц, стремящийся отомстить за гибель своей родни, магический меч, сулящий ему помощь, чудовищная трансформация, которую герой претерпевает под влиянием своего оружия, пьющего души жертв, язвительный спутник героя, наконец, боги, ведущие сложную игру между собой, в которой люди лишь пешки... Узнали? Милосердные к Куку критики пытались убедить читателя, что этот набор цитат - попытка переосмыслить сюжеты Муркока. Но... не убедительно. Честнее прямо сказать: Кук тоже не всегда был мастером, вот вам его ученическая работа.

Роман «Песнь крови» писался уже в пору «Гаррета» и «Черного отряда», когда Кук из рядового подмастерья «Новой волны» фэнтези превратился в одного из ее лидеров. Традиционный фэнтезийный сюжет о борьбе с inferнальным злом подан через захватывающую детективную интригу. Здесь тоже мы видим героя-мстителя, но уже вполне оригинального, куковского. И Кук не был бы Куком, если бы не

сдобрил повествование изрядной долей ревизионизма и мрачного реализма. Поклонники этим романом, безусловно, разочарованы не будут. Совмещение же под обложкой столь разных текстов позволяет наглядно проследить творческий рост одного из столпов нынешней фэнтези.

Сергей Алексеев

Дмитрий ФЕДОТОВ
АБЕРРАЦИЯ

Москва: Снежный ком, 2011. - 368 с.
3000 экз.

Новый роман московского фантаста - самая настоящая «твердая» НФ, столь редкая в отечественной фантастике. В нем отработываются все классические сюжетные конструкции: эксперименты со временем, контакт с внеземным разумом, «война миров».

В 2061 году цивилизация почти единой Земли сталкивается со смертельной угрозой. К планете с устрашающей скоростью летит «Гость» - космическое тело астероидного размера, оказавшееся в конечном итоге носителем некоего разума, стремящегося воспользоваться земными разработками в области темпоральных технологий. Происходят вооруженная борьба за контроль над проектом, который должен вывести Землю из-под удара, катастрофа и долгое блуждание интернациональной команды землян, пытающейся выключить хроногенератор в зоне, где параметры пространства и времени страшно исказились из-за аварии. Сюжет закручен так, что трудно предугадать не только концовку, но даже ближайшие эпизоды.

Может показаться, что Дмитрий Федотов задался целью доказать: на континенте фантастики 2010-х может полноценно функционировать текст, отвечающий требованиям хорошей фантастической литературы 1980-х. И сквозь эффекты темпоральных aberrаций порой проглядывают приключения главного героя из знаменитого романа Сергея Павлова «Мягкие зеркала»... Однако Далии Трускиновской удалось разглядеть более глубокие корни: «Это фантастика для тех, кому близки и дороги традиции Ефремова». Совершенно справедливо! Новая книга Дмитрия Федотова самым определенным образом тяготеет к тому стилю, который составители «белой серии» БСФ издательства «Молодая гвардия» называли «школой Ефремова». Введение в жизнь и быт научно-технической цивилизации индийских духовных практик, инициации, йоги, работы с тонкими энергиями четко соответствует идеалу, созданному в поздних вещах И.А.Ефремова. Для всех, кому близка и дорога такая НФ, роман «Аберрация» станет

хорошим подарком.

Екатерина Кристинина

Вадим ПАНОВ
ПОСЛЕДНИЙ АДМИРАЛ ЗАГРАТЫ
Москва: Эксмо, 2011. - 430 с.
(Серия «Герметикон»).
80000 экз.

Новая книга популярного московского писателя-фантаста вряд ли потрясет читателя оригинальными находками и необычными сюжетными линиями, хотя написана на высоком уровне. Перед нами - крепко сбитый коммерческий продукт.

Действие разворачивается в детально выписанной вселенной Герметикона, являющейся средоточием цивилизации и политическим центром человечества.

В небогатом Загратийском королевстве находят огромные залежи нефти. Некая «Компания» спонсирует мятеж Нестора дер Фунье, чтоб завладеть богатствами недр. Но у мятежника свои планы, которым, в свою очередь, пытается противодействовать мессер Помпилио. В интригу замешаны лидеры Трудовой партии, ну, и ведомые ими народные массы... Отзвуки всех «цветных» революций последнего времени в книге налицо.

Параллельно развивается сюжетная линия адептов Хозкунса. Туманит головы идея рыцаря, способного в одиночку решить исход сражения, а проще - идеального убийцы, который «убивает, но в его сердце нет места злобе». Многие страницы романа - настоящий гимн оружию и его умелым пользователям. Увы, военно-стратегические построения автора в полной мере смогут оценить только знатоки. Доступнее психологические: «Они ничему не учатся, не хотят учиться» - это про так называемый «народ»...

Интересная находка автора - загадочные «цеппели» Астрологического флота, способные преодолевать Пустоту между звездными мирами. Сама же книга - гремучая смесь паропанка, фэнтези и приключенческой НФ.

Как приключенческий роман книга Панова замечательна, и ее герои вполне способны вызвать у читателей сопереживание. Но вот как роман научно-фантастический (даже со «Словарем» терминов в конце) книга не очень-то оригинальна. Стоит отметить цветные вкладки Сергея Атрошенко (уже необычно для нынешнего книгоиздания) и выполненные в комиксовом стиле иллюстрации Евгения Гусева.

Бен КАУНТЕР

БИТВА ЗА БЕЗДНУ

СПб.: Фантастика - Книжный Клуб, 2011. -384 с.

Пер. с англ. И. Савельевой.

(Серия «Warhammer 40 000»).

7000 экз.

Несмотря на опасения, возрожденный проект «Ересь Хоруса» живет и здравствует. Были даже переизданы вышедшие ранее книги, повествующие о начале Великого Предательства, поставившего в отдаленном 30 000 г. н.э. человечество на грань уничтожения. Роман Б.Каунтера - новая книга цикла.

Стоит напомнить, что для основного потока текстов из серии «Вархаммер 40 000» события «Ереси Хоруса» представляют собой далекое и почти легендарное прошлое. При этом восстание Хоруса Воителя, старшего сына Императора человечества, определило дальнейший ход истории, помешав людям стать доминирующей расой в Галактике.

Если первые книги межавторского проекта последовательно рассказывали об истории бунта Хоруса и примкнувших к нему лидеров легионов, возглавляющих суперсолдат-космодесантников, то сейчас издаются тексты, предлагающие взглянуть на конфликт «вширь». Читатели узнают, как отреагировали на весть о начавшемся восстании отдельные братства космодесантников, примкнули они к мятежникам или предпочли сохранить верность Повелителю. Героями «Битвы за бездну» стали офицеры и простые солдаты отрядов космического десанта и звездного флота. В центре повествования - капитан Лисимах Цест из знаменитого легиона Ультрамаринов. Ему предстоит, опираясь на небольшую группу космодесантников, предотвратить изощренное преступление, задуманное и организованное изменниками из легиона Несущих Слово.

Может, Б.Каунтер пока не достиг мастерства «старых звезд» сериала Д.Абнетта и Г.Макнилла, но с каждой новой книгой сюжеты молодого автора становятся все более изощренными и увлекательными. Галактические масштабы, яркие персонажи, жестокие битвы в космическом пространстве; неизбежный в жанре, однако не раздражающий пафос. В общем, отменная космоопера! А еще... Именно так нужно писать учебники о древнейшей истории - занимательно и с размахом.

АД В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

Захар ПРИЛЕПИН. ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА. АСТ - Астрель

В российском мейнстриме самое обычное дело, когда новая большая надежда оказывается в прямой связи с фантастикой - ее приемами, ее наследием, ее пафосом. В этом ряду уже оказались Алексей Иванов, Дмитрий Быков, Ольга Славникова, Татьяна Толстая, Михаил Елизаров, Александр Терехов... да много кто. Нынче полку фантастов от мейнстрима прибыло: Захар Прилепин отдрейфовал в теплое море фантастики. Его последний на данный момент роман «Черная обезьяна» выстроен на чисто фантастической сюжетной конструкции.

Главного героя - журналиста, создателя «политических романов» - допускают в тайную лабораторию некоей спецслужбы. Там ему показывают несколько жутковатых детишек-«недоростков». Они «разговаривают какой-то странной речью, будто птичьей, только некоторые слова похожи на человеческие». Малышей считают более опасными, чем полевых командиров террористических банд и маньяков-душегубов. А им всего-то от шести до девяти лет... Их отличие от обычных детей в физиологическом плане ничтожно: повышенный уровень стрессовых гормонов, высокая активность в области миндалин и передних отделов гиппокампа, отсутствие молекул окситацина... В остальном - никакой разницы. В силу непонятных причин (скорее всего, массового генетического отклонения) они совершенно равнодушны к остальным людям - помимо себе подобных. У них полностью отсутствует способность плакать. По словам изучающего «недоростков» профессора Скуталевского, они «не просто не имеют, но и со временем не приобретают представлений о зле и..., грехе... При случае они будут убивать без любопытства и агрессии... сделают это как нечто естественное».

И «недоростки» убивают. Для начала журналист расследует, как они умертвили жителей целого подъезда, а заодно и двух милиционеров в провинциальном городе Велемире. Две вставные новеллы о «недоростках», совершающих массовые убийства, отнесены к Африке 1980-х и вообще к какому-то параллельному миру, представленному как «пример из истории». «Детки из клетки», оказывается, не являются порождением нашего времени. Тут скорее мистика, нежели НФ. Прилепин не забывает напомнить, что в России зарегистрировано более двух миллионов сирот, которых никто никогда не усыновит и не удочерит. Но эта громадная беспризорность вовсе не является питательной средой для появления чудовищных «недоростков». Скорее, она представляет собой такой же результат зарастания нашего мира грехом, злом, скверной, как и рождение детей-киллеров в массовом порядке. Они, в сущности, нечто вроде бича Божьего. И когда чаша грехов переполняется, страшные «недоростки» обрушиваются на города, народы и страны, подобно безжалостной саранче, губя то, что сгнило на корню.

Автор «Черной обезьяны» рисует Россию нашего времени темными красками. Всеобщее озверение, опустевшие села, грязь, бессмыслица, уголовщина, несправедливость. Что ни возьми, всё моментально оборачивается трухой. И даже семья - последняя крепость, оставшаяся человеку, рассыпается в мелкую крошку после того, как главный герой начинает изменять своей жене. Он чувствует, что живет в большом социальном аду, накрывшем страну помимо его воли, да еще и в маленьком персональном аду, сотворенном по собственному хотению... «Сынок, это ад, - сказали мне. - Ты в аду, сынок».

С первых страниц в романе появляется мотив: «Когда все это кончится?». Далее: «Давайте скажем прямо... Разве было бы плохо, если бы нас всех извели?.. И к этому всё идет, разве нет?». Наконец, потаенные мысли главного героя высказывает ему в лицо обезумевшая от измены жена: «Кто-нибудь пришел да и убил бы нас всех». Центральный персонаж не боится «регионального апокалипсиса» и даже хотел бы приблизить финал. Утратив надежду, он стекленеет душой, становится живым мертвецом...

Прилепин - мастер. Большой общий ад на земле и маленький личный ад в сердце главного героя он рисует с неотразимой точностью. А все же остается вопрос: вот привел автор книги читателя к завалу в туннеле и сообщил, что выхода нет... но к чему проделан весь этот путь? И хорошо, если имелось в виду алармистское: «Я предупреждаю вас - идете к завалу, в тупик, в ад! Ищите иную дорогу». Но все-таки больше похоже на другое. Весь роман как будто укладывается в одно слово: «Кончено». Дочитав «Черную обезьяну» до конца, хочется поставить ее на дальнюю полку, во второй ряд, и еще разок посмотреть «Белое солнце пустыни». Прав был упрямый товарищ

Сухов, когда говорил, что лучше все-таки «помучиться», чем торопить собственный финиш. На кой нам все это уныние?

Дмитрий ВОЛОДИХИН

СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

Довольно редкий случай, когда автор вопроса оказывается более оптимистичен, чем читатели. Вопрос московского фантаста Алексея Евтушенко звучал так: «Достижимо ли в будущем справедливое общество, подобное Миру Полудня братьев Стругацких?». И сам автор убежден: такое общество возможно уже сегодня. Если постараться. А что думают читатели?

Ответы распределились следующим образом:

Нет, эксплуатация человека человеком заложена в самой людской природе - 19%;

Да, для этого нужно провести мировую революцию и свергнуть раз и навсегда власть буржуазии на всем земном шаре - 10%;

Достижимо, но очень и очень не скоро, эволюционным путем - 30%;

Только после объединения всех мировых религий мы начнем понимать друг друга - 6%;

Лишь появление Высокой Теории Воспитания (ВТВ), о которой неоднократно говорили братья Стругацкие, может дать человечеству шанс - 24%;

Нас ожидает конец света, поэтому вопрос бессмысленный - 11%.

Всего в голосовании приняли участие 280 человек.

На самом деле, хорошо бы подобный вопрос задать читателю западному, который и Стругацких особо не читал, и о справедливом обществе, думается, имеет представление, отличное от нашего... Но это так, к слову. Наше-то понятие о справедливом обществе нам известно, верно? От каждого, как было написано и выучено, по способностям, каждому по потребностям. Правда, классики марксизма-ленинизма так и не удосужились толком объяснить, каким образом можно ограничить потребности человека и четко определить его способности без нанесения оному серьезного психологического и физического ущерба, но это уже дело десятое. К тому же мы всегда можем изменить формулировку на известные всем российским

любителям фантастики слова Рэдрика Шухарта из «Пикника на обочине» тех же братьев: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!».

Как водится, мнения по заданному вопросу разделились. Начать с того, что почти 20% опрошенных (пятая часть - не мало, согласитесь!) вообще не верят, что подобное общество достижимо, поскольку эксплуатация человека человеком заложена в самой людской природе. Что ж, подход весьма жесткий и реалистичный. Действительно, вся наша цивилизация построена на эксплуатации человека человеком, и конца этому пока не видно. А там, где присутствует эксплуатация, о справедливости говорить не приходится. У кого-то вкусный кусок всегда будет больше, чем у соседа, а без большого вкусного куска какое же счастье? Сплошная духовность и слюни изо рта.

В два раза меньше народу (10%) оказались истинными марксистами, ленинцами и революционерами, согласившись, что для достижения справедливого общества необходимо провести мировую революцию и свергнуть раз и навсегда власть буржуазии на всем земном шаре. Эх, если бы так... Понимаю, что мысль греет и руки чешутся - сам до сих пор такой. Но, увы, ничего, кроме моря крови и страданий, из этого не выйдет. А жаль. Может быть, все-таки... Нет, точно не выйдет. Но помечтать-то можно? Помечтать можно. Даже фантастический роман можно написать при желании. Дерзайте.

11% ответивших согласны с тем, что вопрос бессмысленный, поскольку нас ожидает конец света. Что ж, подобные настроения всегда были присущи человечеству в определенной степени. Вот мы и узнали эту степень. Хотя подозреваю, что как минимум треть выбравших данный вариант ответа таким образом пошутила. Прикололась, выпендрилась и вообще как бы заявила: да ну вас на фиг с вашими дурацкими вопросами. С полным на это правом, между прочим.

Слегка удивило, что верящих в объединение всех религий как в панацею набралось всего 6%. Почему-то думал, что наберется больше. Хотя, если разобраться, так оно и должно быть. Опыт показывает: ни разу ни одна религия не сделала счастливее ни один народ. А вот кровушки пролила - не дай боже. Так с какой стати от объединения религий нам станет лучше? Пусть уж их иерархи и адепты договорятся раз и навсегда о ненападении, приструнят своих фанатиков и следуют дальше. Каждая своей духовной дорогой.

А вот теперь - об оптимистах. Целых 30% (абсолютные лидеры!) искренне верят: Мир Полудня достижим! Правда, очень и очень не скоро и лишь эволюционным путем. Как писал поэт Николай Алексеевич Некрасов: «Жаль только - жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Но хоть правнукам, а? Ладно, пусть прапраправнукам (каждый ставит столько «пра», сколько считает

нужным). Что ж, уже неплохо. Эволюция - это вам не революция Это значит: шаг за шагом, постепенно, без резких движений, потрясений и жертв. Да, медленно. Зато наверняка. Во всяком случае, на это можно надеяться и к этому стремиться. Хотя бы умозрительно, в душе. Потому что, с какого перепугу эволюционное развитие человечества приведет нас к Миру Полудня, все равно никто не знает.

Нет, вру. Это знают те, кто уповает в данном вопросе на Высокую Теорию Воспитания, о необходимости появления которой опять же неоднократно говорили Аркадий и Борис Стругацкие. То есть о необходимости ее появления в том случае, если мы хотим достичь справедливого общества. А если не хотим, то она и не появится. Так вот, тех, кто сделал ставку на ВТВ, набралось 24%. Почти четверть! Очень неплохо. Эти люди верят, что человека можно изменить к лучшему не насильственным, революционным путем, не с помощью религии, которая, к сожалению, в абсолютном большинстве случаев уводит от реальной жизни, и не дожидаться, когда это случится эволюционно, само собой. Нет, его можно правильно воспитать.

И когда «человек воспитанный» придет на смену «человеку разумному», наконец и наступит золотой век, в котором «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!». Правда, непонятно, как долго нам ждать появления этой самой Высокой Теории Воспитания. И вообще, возникнет ли в ней необходимость? Все тот же опыт развития цивилизации показывает, что теории, а за ними и практики воспитания менялись со временем, подстраиваясь под те или иные запросы общества, но никак не наоборот. Будем справедливы: общественные запросы становились мягче и гуманнее от века к веку. Чтобы увидеть это, достаточно сравнить практику воспитания и обучения детей еще двести лет назад и нынешнюю. Прогресс налицо. Но что будет завтра? Пока лишь видно, что понятие «счастье» общество успешно подменяет понятием «потребление» и «богатство» и в обозримом будущем не собирается менять своих позиций.

Нет, человек способен к изменениям под влиянием доброго примера, умного, внимательного и талантливое наставника, хороших книг, прекрасных произведений искусства, творческого, хорошо оплачиваемого труда, терпеливых и понимающих родителей, верных друзей, любящих и любимых спутников и спутниц жизни, собственных детей, наконец! Но все перечисленное, согласитесь, доступно нам в какой-то мере и сейчас, сегодня. Так чего же мы ждем? Давайте постараемся обрести счастье (не богатство, а именно счастье!) уже при этой жизни. Доступными нам методами. Поверьте, это вполне возможно. А там, глядишь, и Мир Полудня приблизится на вполне преодолимое расстояние.

Алексей ЕВТУШЕНКО

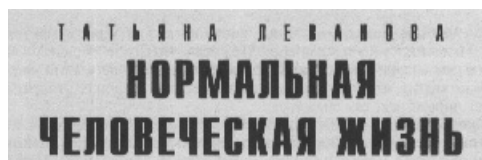
КОНКУРС «РВАНЯ ГРЕЛКА»

Наш журнал неоднократно участвовал в популярном сетевом конкурсе «Рваная грелка»: темы для конкурсантов предлагали и сама редакция, и члены Творческого совета «Если». На этот раз организаторы попросили редакцию обратиться к давнему автору журнала Майклу Суэнвику. Известный писатель с охотой откликнулся на нашу просьбу и предложил тему «У холмов одни боги, у долин - другие». Это слова пионера Вермонта и героя Американской революции Итана Аллена. По мысли Суэнвика, произведение должно быть о конфликте старых и новых ценностей.

В конкурсе приняли участие 220 авторов. Напомним читателям его условия. Работа выполняется в течение суток с момента объявления темы. В роли членов жюри выступают сами участники: на первом этапе по результатам голосования отбираются 50 произведений, на втором - определяются лидеры. По традиции редакция знакомится с первой десяткой новелл и выбирает тексты для публикации. Предлагаем вниманию читателей рассказы Катерины Довжук «Качибейская опера» (первое место) и Татьяны Левановой «Нормальная человеческая жизнь» (четвертое).

Леванова Татьяна Сергеевна родилась в 1977 году. Окончила филологический факультет Соликамского государственного педагогического института. Живет в городе Березники Пермского края. Работала в библиотеке, в местных журнале и газете. В 2005 году выпустила дебютную книгу «Первая миссия» из фантастической серии для школьников «Сквозняки». В той же серии выходили и следующие ее романы: «Повелитель иллюзий», «Ледяной Рыцарь», «Аквамариновая звезда», «Ночные Птицы Рогонды».

Катерина Довжук предоставила о себе информацию скудную, но редакция не стала заниматься расследованием. Итак: «Родилась в прошлом веке за Полярным кругом. Дизайнер, художник-иллюстратор. Автор обложек для книг Далии Трускиновской, Дмитрия Колодана, Юлия Буркина и других. Первая публикация - рассказ «Панкратов и бездна» в сборнике «Цветной день». Кроме того, публиковала рассказы в сборниках «Точка встречи» и «Цветная ночь».

ТАТЬЯНА ЛЕВАНОВА

НОРМАЛЬНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Прижаться спиной к ребристой стене и не дышать. Раз, два, три... Пол чуть ощутимо дрогнул. Вдох. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Выдох. Раз, два, три. Вдох. Теперь бежать. Бежать, согнувшись, потому что над головой, словно гнездо окаменевших змей, - трубы. Пол снова дрогнул под ногами и, кажется, стал чуть теплее. Из трубы над головой со свистом вырвалась струйка пара. Всё.

Когда у меня есть минута покоя, я снимаю кепку. Защитная пластина на макушке перекрывает родничок, это не очень заметно поначалу, лишь слегка неприятно, словно кто-то проводит над головой рукой. Но уже через полчаса я теряю сверхчувствительность, словно слепну на один глаз и глухну на одно ухо. Начинаю присматриваться и прислушиваться с напряжением, и от этого ломит в висках и ноет между лопатками. К счастью, сверхчувствительность восстанавливается, стоит ненадолго освободить канал родничка. Терпимая плата за возможность защитить голову. А вот фонарик между бровями мне нравится - хорошо, когда есть стекло в области третьего глаза. Горный хрусталь, говорят, лучше, но я не пробовала, не знаю. У Ночки есть, но на то она и доктор. Хороший доктор у нас бесценен, ей нельзя терять чувствительность.

Пол снова дрогнул, я снова натянула кепку и включила фонарик. Вдох, семь секунд паузы, выдох, три секунды, глубокий вдох - пошла. Осталось два узла - и я в относительной безопасности. Поблизости от жилых узлов повреждений в трубах больше, то из одной, то из другой вырываются струйки пара. Они не мешают слышать то, что происходит позади, но я с детства боюсь ожогов больше, чем укусов и радиации, поэтому струйки пара меня отвлекают сильнее, чем других. Однако я всегда ношу в кармане пяток «малышей». Прижавшись спиной к стене, вынимаю первого - уже потрепанного, с исцарапанным, но еще крепким панцирем. Подсаживаю на поврежденную трубу - он тут же семенит на своих восьми тонких ножках и садится пузиком на дырочку. Пять секунд - и «малыш» снова на ножках, ковыляет к следующему повреждению. Пол под моей рукой начинает дрожать почти без перерыва. Нарастает ощущение кошмара. За мной идут. «Малыш» еще не закончил, поэтому начинаю двигаться ползком. Медленно, но все же вперед. Пол становится еще горячее, а впереди я уже вижу нору, похожую на

зубастую пасть. Здесь и ста «малышей» не хватит, чтобы залетать раны на металле. Хорошо, что я не так боюсь порезаться, как обжечься.

Проползаю в нору как раз вовремя - за спиной раздается жалобный писк «малыша». Оборачиваюсь для того, чтобы увидеть: панцирь посветлел, стал похож на стеклянный, ножки поджались, «малыш» рухнул на пол, и его тут же покрыло роем черных искр. Еле успеваю отдернуть ногу - искры заполняют коридор и шепчут, шепчут так, что голову мою распирает изнутри. В этот момент лифт наконец распознал человека и рухнул вниз. Жива...

- Жива? - Ночка останавливает Присоску напротив лифта. - Помощь нужна?

- Нет, я сама, спасибо, - сдержанно отзываюсь я. Мы не очень любим Ночку, но она нужна нам больше, чем любой из нас. Поэтому мы стараемся быть вежливыми. Хотя с чувствами справиться трудно. Я смотрю на нее всего три секунды - осточертевшие круглые щеки, черные глаза, хрустальная бусина на золотой цепочке между бровей, черные косы. Тошнота подкатывает к горлу.

- У тебя бок в крови. Я помогу?

- Катись дальше. - Кажется, что вместе со словами из меня сейчас выплеснется желчь.

- Если что, зови. - Ночка далеко не дура, но она тоже не выносит конфликтов. Поэтому, не споря, жмет на педали и прыгает на своей Присоске по стенкам вперед. Мне сразу становится легче.

Мне всегда легче в жилых узлах. Я чувствую жизнь, жадно ловлю тепло чужого дыхания, оживаю от следов человеческого присутствия, купаюсь в лучах зова Гнезд. Выползаю из лифта, оставив красные следы - и когда успела расцарапать бок? Иду к своему Гнезду, привычно пригибая голову.

- Здесь нет труб, выпрямись, - насмешливо произносит кто-то в моей голове. Привычная манера общения Дождя, нашего радиста, от которой мигрень у всех, кроме него. С Дождем у меня особые отношения, которые нам не удастся скрыть. Если мы случайно встречаемся в коридоре, как сейчас, у всех начинает чесаться под мышками. Меня уже предупреждали, но мне плевать. Рядом с Дождем моя голова становится изнутри гладкой, чистой и прохладной, словно полый шар из неометалла. Ничто не стоит этого ощущения, честное слово.

Смущаясь от его взгляда и мыслей, я все же выпрямляюсь и снимаю с головы кепку. Дождь осторожно прикасается к моим волосам.

- Ты стала краснее, чем обычно.

В стенах из неометалла скользит мое отражение, словно листик по воде. Мои волосы действительно необычно красного цвета.

- Потому что искры подобралась ближе, чем в прошлый раз. Я пойду

отдохну.

- Береги себя, Ветер...

Минуя Дождь, а за ним Снег, Листопад, Рябь, Туман и Облако, отдыхающих в своих Гнездах, я наконец добираюсь до моего Гнезда. Моя рубашка к этому моменту уже промокла от крови настолько, что ее можно выжимать. Я сняла ее и занялась своими ранами. Рубашку тут же уволокла Рябь, она любит чинить все материальное, но больше всего то, что не содержит органического неометалла. Кожа под моей ладонью пустила побеги, переплелась и выровнялась, закрыв красноту. Боль приглушилась, словно кто-то повернул ручку громкости. Я расслабила канал родничка, ища свои материальные следы, - капли крови в коридоре тут же подсохли и улетели темными чешуйками по сквозняку из кондиционера. Все хорошо. Час покоя и безопасности, час жизни на всей поверхности моей кожи. Роскошь.

И тут, конечно же, зажужжал «связной». Я расправила его на ладони - сеанс связи с Рыжим. Рыжий был нематериален: он для меня всего лишь звук и картинка, но я его ощущаю, словно пузырьки газировки где-то под крышкой черепа. Конечно, он человек из плоти и крови, но я это знаю только теоретически, потому что он никогда не покидает Соцветья. Говорят, все мы родом с Соцветья, но если и так, то я этого практически не помню. В моей жизни были только трубы, стекло, металл, неометалл, искры, жижа, звезды за иллюминаторами, солнечные батареи - другого я не знаю.

- Привет, Ветер.

- Привет, Рыжий. Давай не сейчас? Я сплю.

- Мне звонила Ночка, тебе намного хуже.

- Вовсе нет, я сама расцарапала бок и ногу, по неосторожности.

- Кого ты обманываешь? Я даже на мониторе вижу, какого цвета твои волосы и кожа. Так больше нельзя, ты должна вернуться домой.

- Рыжий, у нас с тобой разные понятия о доме. Я уже дома, понимаешь?

- Ночка беспокоится за тебя как доктор. Ты реально на пределе, понимаешь? Конечно, не понимаешь! Ты сама себе лжешь! Должен сказать, что ты не одна такая. Твои коллеги с каждым годом все неохотнее возвращаются домой из космоса, все чаще гибнут на спутниках и станциях. Seriously, я узнавал.

Перед моими глазами встал давешний «малыш», чей панцирь стал хрупким и прозрачным. Я чувствовала себя примерно так же, да и искры в четвертый раз уже так близко подобрались ко мне.

Но заклинать меня именем Ночки со стороны Рыжего было неуклюже как минимум.

- Ночка беспокоится, что ей мало достанется в случае моей гибели? - не сдержалась я.

- Ночка перенасыщена, ты же знаешь. У нее нет заинтересованности

в новых донорах. Она объективна в оценке твоего предела. Твоя работа на этой станции не настолько важна, чтобы отдать за нее жизнь. Ты молодая, у тебя есть я, мама, папа, ты еще сможешь восстановиться дома, выйти замуж, получить другую работу, зажечь нормальной человеческой жизнью!

- Я не буду сейчас ничего решать, Рыжий. Я должна отдохнуть.

- Послушай меня! Пройдет меньше часа, Гнездо лопнет, и тебе придется снова бежать за следующим. И может статься, в этот раз искры или жижа догонят тебя. Вернись домой сегодня, сейчас же!

Обычно на этой ноте я с ним прощаюсь. Но сегодня я действительно была на пределе. Только это заставило меня спросить:

- Что я почувствую дома? У меня не получается просчитать...

Рыжий не мог ответить на этот вопрос. Люди с Соцветья не чувствуют так, как я. Но он попытался:

- Что ты чувствуешь, находясь в Гнезде, встречаясь с друзьями? Умножь это в тысячу раз.

Ответ был неожиданным для меня - впервые Рыжий пытался говорить со мной, основываясь на моем опыте, а не на своем. У меня не было воспоминаний о семье и доме, только одно: мокрый стол, в чашку с чаем капает вода, в вазе с красными ягодами - лужа. Я поняла, что почти готова оставить станцию, и от этого вдруг испугалась настолько, что сжала «связного» в кулаке. Тот хрустнул. Через десять секунд я услышала в коридоре чавканье Присоски. Ночка откликнулась на мой панический мысленный крик.

- Ты меня звала?

- Против моего желания, - ответила я.

- Я могу показать тебе мои донесения, - осторожно сказала она. - Они тебя убедят. Ты на пределе. Возможно, по истечении часа гарантированный предел закончится.

- Я не могу оставить станцию.

- Можешь, конечно, уже два цикла Гнезд ты, скорее, обуза для нас. Ты медлительна и непродуктивна. Будь я голодна, мои глаза и волосы сильнее почернели бы - за твой счет.

- Так чего ты ждешь?

- Нет необходимости. Пока нет необходимости, ты можешь вернуться на Соцветье, по желанию.

- На Соцветье нет Дождя... - Ночка и Рыжий вывели меня из равновесия, иначе бы я в жизни не призналась, почему отказываюсь покинуть станцию. Ночка - доктор, она видела нас всех насквозь, и она в полной мере оценила мою откровенность.

- Я клянусь тебе, Ветер, когда придет время Дождя, я предложу ему тот же выбор, что и тебе. Если, конечно, не будет экстренной необходимости в обратном.

Ночка забрала мою кепку, моих «связных», моих «малышей», дала

мне вместо рубашки комбинезон из неометалла, тонкий, но жесткий. Напоследок она взъерошила мне волосы, словно ребенку, и улыбнулась. Я постаралась не отвести взгляда от ее тонких черных губ. Отныне Ночка мне не страшна, я возвращаюсь на Соцветье, Рыжий - моя гарантия.

- На Соцветье много горного хрусталя, намного больше, чем неометалла, - сказала она на прощание. - Он дешевый, не стесняйся, проси у своей семьи его в подарок. С ним действительно не сравнится никакое стекло.

- Спасибо, - искренне поблагодарила я ее. Подобный совет мог быть с ее стороны чем угодно, в том числе издевкой или ловушкой, но я первым делом спрошу у Рыжего, он не обманет. Горный хрусталь между бровями - моя несбыточная мечта, им надо было раньше сказать мне об этом, я бы, наверное, тут же устремилась на Соцветье...

Неометалл стек со стен, просачиваясь в решетки воздухопровода и канализации. По потолку поползли трубы. Неужели прошел час?

- Счастливого пути, привыкай к дому и жди своего Дождя, - попрощалась со мной Ночка, запрыгивая в свою Присоску. - Сейчас твое Гнездо лопнет, но ты оставайся в нем, что бы ни случилось. Мегателепорт уже запущен.

С чавканьем Присоска помчалась вниз по стенам, доктору нельзя встречаться ни с искрами, ни с жижей ни при каких обстоятельствах. Ей нельзя рисковать своим молекулярным составом, не то она поправит его за счет кого-то из нас. А я продолжала сидеть в Гнезде, с тревогой наблюдая, как темнеют стены, как то тут, то там из труб вырываются струйки пара. Вдали показался зеленый свет - наверняка это жижа ползет на слабый аромат жизни, поглотить, переварить, размножиться и ползти дальше... Гнездо еще было мягким и удобным, но уже тревожно пульсировало подо мной, его лепестки наливались красным, проступали вены и светились капилляры. Мне уже приходилось бывать в лопнувшем гнезде - это словно ванна из теплой крови, фонтан жизни и тут же ужасный холод и боль. Мой комбинезон медленно нагревался и давил на мои кости все сильнее. Я боялась вмешаться в его работу, только повторяла про себя: «Быстрее, быстрее!».

Гнездо лопнуло, но я не успела испытать ни жизни, ни холода. Я по-прежнему сидела в позе лотоса, по моему зеркальному костюму стекал сок Гнезда, я ничего не чувствовала, хотя все видела. Вокруг меня пространство переливалось и преломлялось, словно я была внутри стеклянного шара с неровной поверхностью. Шар рассыпался в полной тишине, и я увидела перед собой нескольких людей. От них не было никаких ощущений, но чисто зрительно, словно картинку, я узнала Рыжего. Он сделал шаг вперед, однако мужчина с бородой схватил его за руку. В этот момент я услышала, но не речь и другие звуки - я

услышала мысли. Люди думали, и тут же шевелили губами, произнося вслух то, что думали. Эта дважды произнесенная информация напрягала, словно испорченный «связист». Мои друзья думали и говорили одновременно, речь и мысли дополняли друг друга, добавляя нюансы. Я подумала: хорошо, что я пока только слышу мысли и вижу, как шевелятся губы, иначе я бы сошла с ума... Они думали все одновременно, и они думали обо мне. Тут подошла женщина в белом, скатала на палочку мой перемазанный комбинезон из неометалла и сунула палочку в пробирку. Пробирка тут же замигала разноцветными лампочками на крышке. «В норме», - подумала женщина и тут же сообщила об этом остальным. Рыжий: «Почему она молчит?». Мужчина с бородой: «Шок чувств, с такими, как она, это бывает. Слишком много ощущений, вот она и отключилась ото всего, кроме зрения. Скоро пройдет. Надо мне забрать эту пробирочку...». Я напряглась, понимая, что со мной не все в порядке, ведь я действительно ничего не чувствую и не могу сказать ни слова. И в этот момент вселенная взорвалась внутри и снаружи меня. Я увидела, услышала, почувствовала много всего, больше, чем была способна, и тут же оказалась в полной темноте, вне времени и пространства.

Когда я открыла глаза, было тепло, мягко, старо, шершаво, чуждо, деревянно, но очень, очень живо.словно я действительно находилась в Гнезде, только не в своем, может быть, даже заболевшем, но еще гостеприимном. Я знала, что ткань, на которой я лежала, была живой, росла в поле, пила воду, что она была пропитана разными химическими составами: что ткань, которой я была накрыта, тоже когда-то была жива, росла, болела, имела носителя и тоже была пропитана незнакомыми смесями знакомых веществ. Под моей головой находилось то, что напоминало по настроению ткань, которой я была накрыта, но, в отличие от нее, оно познало смерть носителя, еще не покинув его. Смерть ощущалась как Ночка. Я резко мотнула головой, сбрасывая то, что было под ней. На пол упал какой-то белый мешок.

- Не любишь подушки? - спросил кто-то, чье присутствие ощущалось шершавым и теплым, похожим на ткань, которой я была накрыта. Рядом сидела женщина в белом халате. Она подняла мешок и показала мне его. - В космосе таких нет?

- Она мертвая, - ответила я, пытаюсь одновременно передать информацию о мешке, но информация словно вязла в чем-то, не проникая внутрь женщины. Женщина не была сверхчувствительной, как я. Она спросила, не болит ли у меня что-нибудь, пощупала руки, ноги, заглянула в глаза.

- Ну хорошо, - женщина улыбнулась. - Я сейчас приглашу к тебе профессора Чудова. Если тебя что-то будет беспокоить, позвони в колокольчик и позови меня.

Она дала мне медный колокольчик и вышла. Колокольчик был очень старый и помнил разные руки. Для меня эта информация была лишней. Я отложила его и снова сосредоточилась на своей постели. Потом перешла на кровать - деревянную, старую. Не углубляясь в ее историю, прочувствовала предметы в комнате, затем пол, стены. Почувствовав трубы, насторожилась, но тут же успокоилась - трубы были мертвыми, в них не ощущалось ни грамма неометалла.

Зато за стенами и трубами была жизнь, такая громкая, яркая, вкусная, разная, что сердце мое подпрыгнуло от радости. Комнату и кровать можно потерпеть, но недолго и всего лишь в обмен на обещание этой струящейся искристой жизни снаружи дома...

- Здравствуй, Ветер, - вошел мужчина с бородой, которого я уже видела в момент прибытия. За ним, очень тихо ступая, следовал Рыжий. - Мы с Рыжим будем помогать тебе привыкать к твоей новой жизни. В этом доме только мы имеем представление о твоей работе и привычках, поэтому мы очень тебя просим, пока ты не освоилась, не покидай этот дом и сад, держись в границах из металла.

Я мысленно пробежала по комнате и саду и нашла границу. Комната была частью дома, в котором насчитывалось еще шесть комнат. На пороге дома тоже лежал металл. Мне туда было пока нельзя, но внутри я почувствовала кого-то, похожего на меня, как были похожи на меня мои Гнезда. Через пару дней я узнала, что это называется «родной». Рыжий тоже был родной, но он не боялся меня, как другие родные. Он по-прежнему вызывал ощущение пузырьков, срывающих крышку бутылки.

Дни были заполнены безопасностью, покоем и кипящей, пузырящейся жизнью. Я быстро училась. Сначала меня отучали от заботы Гнезд. Жевать и глотать еду было смешно и одновременно очень скучно. Потом приучили спать по ночам, восемь часов без перерыва. Пока было лето, я спала в саду. Потом, когда я уже ела, одевалась и жила, как все люди, ко мне пришли мама с папой, и я узнала, что Рыжий - мой брат-близнец. У нас одинаковые носы, лбы, глаза, только мою молекулярную структуру изменили космос, станция и неометалл, поэтому кожа Рыжего была цвета топленого молока, моя - стальная. Волосы Рыжего были оранжевые, как апельсин, а мои - ярко-красные и неестественно блестящие. Говорили, что я одарена сверхчувствительностью с пеленок, поэтому еще в детстве меня забрали для работы на космической станции. Рыжий не одарен, но он очень гордился сестрой-космонавтом и тоже решил посвятить жизнь космосу. Только он учится на Восстановителя и собирается защищать диплом по теме: «Возвращение космонавтов и адаптация их к нормальной человеческой жизни в условиях семьи», профессор Чудов ему помогает. Все говорили, что я учусь очень быстро и уже весной смогу держать экзамен на статус «Восстановленного в правах».

Конечно, мне подарили много кварца, это были и кулоны на цепочке, и диадемы, и отдельные камушки, но я их редко носила. Кварц усиливал мою чувствительность, а на Соцветье чувств и так было в избытке.,

Иногда мне снились черные искры и переплетения труб, зеленая жижа и теплые Гнезда, черные глаза и пухлые щеки Ночки, но никогда не снились друзья. Ни разу за несколько месяцев мне не приснился Дождь. А я очень по нему тосковала. Однако я не могла ему позвонить, как мне звонил Рыжий, - здесь не было «связных», а пользоваться телефоном-плоскарем и галакт-нетом мне будет позволено лишь после сдачи экзамена.

Когда за окном заметно пожелтели деревья и профессор запретил мне спать в гамаке, потому что похолодало, с неба чаще начала капать вода. Помню, мы пили чай, я сидела рядом с мамой, вдруг застучало по стеклам, и все закричали: «Дождь! Дождь!». Я выскочила из-за стола, опрокинув чашку, побежала в сад, но там было пусто. Вода лилась и лилась с неба, промочила насквозь мои волосы и одежду. У пожухлых розовых кустов стоял стол, в нем в большой миске лежал недочищенный мамой шиповник, он тоже плавал в этой воде. Мое единственное воспоминание о детстве нашло меня, но мне было все равно. Я не хотела эту воду, пролетевшую над планетой и щедро делившуюся со мной информацией, я хотела домой, в черное небо. Мне был нужен другой Дождь...

Рыжий догнал меня и укрыл плащом. Все спрашивали, почему я выбежала. Рыжий рассказал им про Дождя, и все тут же замолчали.

- Какие странные имена, - сказала мама. - Дождь, Облако, Ночка. Почему вас так называют, почему Ветер, а не Вика?

- Это традиция, - ответил ей профессор Чудов, который жил в доме, чтобы наблюдать за моей адаптацией и помогать Рыжему с дипломом.

- В космосе люди почему-то больше всего скучают по явлениям природы: по шуму листвы, дождю, ветру. Космических детей так и называют, чаще всего по последнему воспоминанию ребенка.

- Но я не помню ветер, я помню дождь в нашем саду, - я сбросила плащ, от моих волос поднимались клубы пара, как над чайником.

- А в твоём случае тебя называли по созвучию с настоящей фамилией.

- Может, поэтому она влюбилась в мальчика по имени Дождь, что запомнила дождь? - спросила мама. А потом посмотрела на меня с опаской. - От тебя пар валит. Ты заболела?

- Она приводит свое тело в порядок, их этому учат, - объяснил ей профессор. - Сейчас высушится, затем поднимет температуру тела и сожжет вирусы, если подхватила. Потом начнет восстанавливать силы: сначала будет пить много воды, затем есть много кислых фруктов и зеленых овощей, не пугайтесь, просто дайте ей все, о чем она попросит. В космосе в экстремальной обстановке ей требовался особый доктор, но дома, в безопасности и покое, она справится сама.

Привыкайте. Ваша дочка никогда не заболеет всерьез, все, о чем вам надо думать, - это ее душевное спокойствие и обучение законам нормальной человеческой жизни на Соцветии.

Я уже поняла, что должна выучиться как можно быстрее, чтобы получить право на пользование галакт-нетом. Чем скорее я сдам экзамен, тем скорее позвоню Дождю. Рыжий для меня отслеживал всех «возвращенцев», но моих друзей среди них не было. Вообще ребята из космоса почти не возвращались, брат был прав, когда предостерегал меня. Они предпочитали гибнуть на станциях или в открытом безвоздушном пространстве, дойдя до предела, становиться донорами для космических докторов, но не покидать мир, к которому привыкли, и друзей, с которыми сроднились. Надо сказать, что и дома их принимали неохотно, простившись с ними навсегда еще в младенческом возрасте, а мне просто повезло...

На курсах подготовки к экзамену я познакомилась с Солнышком. Она была даже моложе меня на два года, тоже серая, с такими же красными волосами, мать вытащила ее с орбиты в последний момент. Солнышко никак не могла привыкнуть к еде и больше всего на свете тосковала по Гнездам. Единственное, что ей нравилось, - это молоко, причем любое, и натуральное, и порошковое, и сгущенное. Мама приходила за ней на курсы, приносила с собой разноцветные пакетики молока с добавками - с шоколадом, с соком, с витаминами. Но профессор Чудов говорил, что этого недостаточно и что экзамен Солнышку в таком случае никогда не сдать.

Наконец наступил день экзамена. Дома Рыжий показал мне коробочку с новым плоскарем, сказал, что он мой, и, как только я вернусь, он тут же свяжет меня с Дождем. Я очень волновалась. Мама купила мне черное платье, короткое и блестящее, волосы мне красиво постригли, на шею надела золотую цепочку с кварцем. Я хотела надеть ее на лоб, но профессор Чудов предупредил, что кварц между бровей снизит мне баллы. Я обязана выглядеть и вести себя как нормальный человек, никогда не покидавший Соцветья.

Экзамен проходил в ресторане «Озарение», это была чудесная сфера, парящая над городом. Из прозрачных стен открывался вид на огромный город, на горы на горизонте. Солнышко уже бывала там с мамой, она рассказывала, что по ночам там чувствуешь себя, как в космосе - черное небо и яркие россыпи огней в домах, словно созвездия. Но экзамен традиционно проходил днем, поэтому небо было голубым, город - серым и скучным. Экзаменатор встал при моем появлении и придвинул мне стул. Первое, что я испытала при встрече с ним, словно рядом со мной оказался комок зеленой жижи. Такой же голод, алчность, безумное желание употребить меня. Я никогда не испытывала этого ощущения дома. Мне сразу стало нехорошо. Настолько нехорошо, что кроме ощущений от экзаменатора, я не сразу

обратила внимание на его внешность, первый прокол с моей стороны. Люди сначала смотрят, потом чувствуют, если чувствуют. Он был старше меня лет на пять, высокий, светлокожий, с черными, как у Ночки, волосами. Гармоничные черты лица, светло-голубые глаза. Чтобы успокоиться, я старалась не смотреть на его волосы, только в глаза цвета неба над маминым садом.

- Вы хорошо себя чувствуете?

- Все в порядке, благодарю вас, - я улыбнулась, привычка улыбаться автоматически выработана на курсах подготовки.

- Разрешите представиться, меня зовут Николай Громов, я буду принимать у вас экзамен, Виктория.

- Гром, - вырвалось у меня. Второй прокол. Космическая привычка к именам. - Громов, Николай, - поправилась я поспешно. - Верно ли я запомнила?

- Да, все верно. Что вы хотели бы заказать?

Я глубоко вздохнула: стадия знакомства миновала, вторая стадия - еда, тут у меня проколов не будет, Рыжий и мама со мной возились все лето и осень. Я решила выбрать самое трудное, что дольше всего жевать и чистить, чтобы произвести впечатление на экзаменатора, и при этом так, чтобы он меня в том не заподозрил. Я внимательно изучила меню.

- Я бы хотела салат из морепродуктов, затем лангуста, черный хлеб, апельсин и воду без газа.

- Я буду то же самое, - сказал Николай официанту и улыбнулся мне. Я продолжала старательно тянуть уголки губ в разные стороны. В ожидании заказа Николай принялся со мной беседовать. Как мне и подсказали на курсах, экзаменатор, болтая, старался задеть все стороны «нормальной человеческой жизни». Для начала спросил о погоде, но на этот раз я не сбилась, говоря об облаках и солнце как о явлениях природы, а не как о людях. Затем обратил мое внимание на картины на стенах ресторана, мимоходом пробежавшись по эпохам в искусстве, к салату он уже выяснил, какие фильмы и музыка мне нравятся, за лангустом поговорили про современную политическую обстановку и перечислили столицы всех стран. А потом, когда я чистила апельсин, вдруг спросил, не скучаю ли я по друзьям.

- Я надеюсь, что друзья примут правильное решение и вернуться домой, - ответила я. - Что мы сдадим экзамен и проживем нормальной человеческой жизнью.

- Ну, что касается вас, то примите мои поздравления, - улыбнулся Николай. - Вы сдали экзамен. После выходных можете подавать заявление на статус. И жить нормальной человеческой жизнью.

От радости я едва не бросилась домой. Но приличия требовали, чтобы я досидела до конца. После обеда Николай предложил выпить кофе, алкоголь мне еще не полагался, несмотря на сданный экзамен.

Мы перешли в бар и устроились на мягких диванах. Николай начал рассказывать мне о других, таких же, как я, у кого он принимал экзамен. Ему все было смешно - и попытки экзаменуемых заказать одну только воду, и ошибки в именах художников, и наивные признания в том, что они не понимают фильмы, предпочитают музыку. Мне не было смешно, но я улыбалась. Во время разговора он часто доверительно брал меня за руку. Мне это было неприятно. Я все думала, когда же он меня отпустит. После кофе он заказал для меня шоколад, а для себя коньяк, а потом положил руку мне на колено. Об этом на курсах не говорили. Ощущение вечно голодной жижи стало сильнее. Я напряглась.

- Вы знаете, меня очень ждут дома, - сказала я. - Мой брат, кстати, это именно он уговорил меня покинуть станцию, сейчас, наверное, места себе не находит. Вы сказали час назад, что я сдала экзамен. Можно, я обрадую брата и родителей?

Я имела в виду, чтобы он отпустил меня домой, но вместо этого Николай протянул мне свой плоскарь.

- Я пока не имею статуса, - осторожно сказала я.

- После экзамена уже можно, - успокоил он.

- Но я не знаю номера.

- Я знаю все номера твоей семьи. Позвони лучше маме и предупреди ее, что пойдешь ко мне в гости.

Его рука на колене поползла вверх, мне стало так холодно, словно я пережила смерть Гнезда.

- Домогательства экзаменуемых? - мужчина, сидящий к нам спиной на высоком барном стуле, вдруг повернулся, и я узнала профессора Чудова.

- Нет-нет, - ответил Николай. - У нас все полюбовно. Я объявил ей о сдаче экзамена час назад, но она осталась, и мы очень приятно беседуем.

- Я все слышал. Это низко.

- Вы же не будете говорить, что она ничего не понимает, - нагло сказал Николай. - Если она совершенное дитя, то ее плохо учили, и результаты экзамена можно пересмотреть.

Профессор Чудов сверлил его взглядом, но молчал. Я поняла по ощущениям от него, что Николай прав, я не сразу поняла его мотивы. Но они оба забыли, что я могу слышать мысли. И что я быстро учусь.

- Я неоднократно давала вам понять, разумеется, в рамках этикета, что мне пора домой, и вы прекрасно это понимаете. Я могла бы поступить грубо, когда вы начали меня лапать, могла дать вам сдачи, но вы все еще мой экзаменатор. Я была вынуждена терпеть ваше свинство, а это значит, что вы действительно воспользовались вашим служебным положением.

Я просто повторила то, что было у него в голове, правда, изменив порядок слов и добавив кое-что, что слышала в голове профессора

Чудова, например, незнакомое мне слово «свинство», но они об этом не догадались. Профессор принялся мне аплодировать, Николай же не знал, куда девать глаза.

- Она действительно одна из лучших экзаменуемых, видимо, вы лично ею занимались? - спросил мой экзаменатор. - Какая речь. Ну, я надеюсь, вы поняли, что это была последняя проверка? Она ее блестяще выдержала.

- Этой проверки нет в кодексе.

- Если вы донесете на меня, экзамен придется пересдать, - быстро нашелся Николай.

- Я не боюсь, - ответила я.

- Пусть это будет проверкой самой жизни, - примиряюще сказал профессор Чудов. - В жизни будет еще столько проверок и пострашнее этой. Но за вами, Николай, я отныне стану приглядывать. У вас уже был случай связи с «возвращенкой».

- Мне нравятся рыженькие, - Николай осмелел и снова заулыбался. - Но ваша, кроме того что красавица, еще и умница. Я бы хотел получить приглашение в дом Ветровых, может быть, мы с Викторией подружимся? Ей же придется выходить замуж, как любой нормальной девушке, хорошо, если ее мужем станет человек, знающий, через что она прошла, и симпатизирующий ее необычной внешности. Например, я.

Сначала я не обратила внимания на его слова, отпустил - и ладно. Я торопилась домой, не столько чтобы успокоить домашних, сколько чтобы связаться с Дождем. Но тот не вышел на связь.

- Ты не волнуйся, он, скорее всего, сейчас работает, - успокаивал меня Рыжий. - Ты же помнишь, как это было, вся ваша беготня, нарощенные трубы, пополнение донорских запасов неометалла, починки, солнечные батареи... Когда я тебе звонил, я, бывало, по сто раз номер станции набирал, пока не находил тебя в Гнезде, а ты еще и разговаривать никогда не хотела.

- Но у нас же график, - в отчаянии сказала я ему спустя пять часов после дозвона. - Тридцать минут работы на станции или пять минут в открытом космосе, потом час в Гнезде. Он бы сто раз мог ответить. Он еще там? Он вообще жив?

Рыжий помог мне справиться с плоскарем, и мы запросили автоматическую информацию по станции. Она меня напугала. Станция считалась нерабочей уже четыре года. На ней не было космонавтов.

- Как? - растерялась я. - Но я же была там еще в начале лета. Мегателепорт работает считанные секунды. Тут какая-то ошибка.

- Станция считалась неудавшейся, потребляющей слишком много ресурсов и дающей мало энергии Соцветью. Но она точно была рабочей в начале лета, когда я звонил тебе, - подтвердил Рыжий.

Что мы могли поделать? Профессор Чудов впервые столкнулся с

таким явлением. Он помнил, что я с этой станции, но по всем документам и приметам станция была уже четыре года заброшена. Никто не мог объяснить, почему так вышло. Соцветью дарили энергию сто семнадцать подобных станций, но о сто восемнадцатой никто не помнил. Мы проверяли спутники, отвечающие за связь, антиметеоритные установки, страховочные солнцесберегающие установки, однако людей, которых я помнила, не было ни в космосе, ни на Соцветье. Я продолжала вызывать постоянно, но безрезультатно. Станция была мертвым космическим мусором, она не подлежала восстановлению. К счастью, уборке она тоже не подлежала, поскольку находилась в опасном для мусорщиков месте - задевала край кольца астероидов, именно поэтому нам приходилось ее чинить так часто и именно поэтому она потребляла слишком много ресурсов.

Между тем время шло. Я получила статус «Восстановленного в правах», могла ходить в кино, в магазины, путешествовать, пользоваться галакт-нетом без ограничений, пить алкоголь, но я сидела дома и набирала номер станции. К нам зачастил Николай, к ноябрю его уже величали дома «женихом», сперва иронично, потом привыкли. Я не уклонялась от встреч с ним, хотя каждый раз чувствовала себя так, словно все еще идет экзамен. Впрочем, от людей на Соцветье можно было и такой подлости ожидать. Домашние считали, что мы неплохо ладим. Я могла три дня не выходить из комнаты, но если Николай звал в кино или кафе, я соглашалась. Я могла не есть сутки, пить только сок, а если к обеду появлялся Николай, я ела все, до чего могла дотянуться. Мама считала, что он хорошо на меня влияет. Она мерила меня мерками Соцветья, в нормальной человеческой жизни считалось, что если девушка плохо ест и сидит в своей комнате, она больна психически и физически, а вот если девушка гуляет с кавалером и ест все, что дают, она счастлива и здорова. На самом деле все было наоборот. Я чувствовала себя больной и загнанной, когда жила по указке Николая и по законам «нормальной человеческой жизни». Я всю жизнь провела в замкнутом пространстве, питаюсь внутривенно от Гнезда, как не родившийся ребенок, зачем было насильно менять мои привычки? Я могла есть и вести себя, как люди с Соцветья, но это было притворство.

Рыжий ссорился из-за меня с профессором. Рыжий не был сверхчувствительным, как я, однако он тоже чувствовал тоньше, чем другие люди. Он понимал, что его дипломная работа зашла в тупик. Я соответствовала нормам, но мне от этого становилось только хуже. Рыжий рискнул заявить профессору, что нормы неправильные. Что «возвращенцы» другие и в молекулярном, и в физическом, и в психическом смысле, что их нельзя сравнивать с людьми, как нельзя сравнивать дельфина и слона. Оба обладают легкими и кровеносной системой, но они разные... Профессор ответил, что теория чересчур

революционная, особенно для дипломной работы, и что, если Рыжему такая блажь в голову стукнула, он должен предложить себя и свою сестру в качестве подопытных кроликов, так как мы близнецы и при этом космонавт и человек с Соцветья. Рыжий ответил, что его сестра, то есть я, и так достаточно натерпелась от людей с Соцветья, профессор заявил, что это еще цветочки и что среди «возвращенков» я самая неблагоприятная, потому что другим приходится намного хуже. Конфликт достиг апогея, когда Николай проболтался мне о Солнышке.

Она не сдала экзамен. В кафе она с трудом проглотила картофельное пюре с молоком и молочный суп, а потом ее вывернуло на экзаменатора после чашки кофе с молоком. Солнышко игнорировала фильмы, книги и музыку. Она полюбила только живопись, но почему-то лишь авангардистскую. Солнышко ничего не понимала в современном мире. Николай сказал, что Солнышко покончила с собой, прыгнув с крыши ресторана «Озарение», прямо в созвездие огней города. Рыжий сказал мне, что Солнышко попыталась дома вырастить костюм из неометалла на ресурсах своего тела и с помощью него вернуться на родную станцию, но что-то не получилось, ее не приняли...

Я сказала брату, что согласна быть подопытным кроликом, если они с профессором помирятся, он обозвал меня дурой и уехал из города. Тогда я перестала общаться со всеми, даже с родными. Я перестала дозваниваться до станции. Я потеряла надежду. Сутки напролет я сидела у окна, глядя, как ветер колышет голые ветви деревьев, и сжимала в руках плоскарь. Форточка была открыта, ко мне долетали ветер и дождь. Если ее закрывали, я отворяла ее усилием воли. Больше я ничего не делала, вообще не двигалась. Мама часто заходила ко мне в комнату, пыталась звать меня, влить в рот ложку супа, но я отключила все чувства, кроме зрения. Однажды я ощутила, что истощена, как тогда, на станции. Я поняла, что умираю.

И вдруг из форточки мне на плечо спустился «связной». У него был парашютик из неометалла. Я тут же включила все чувства. От неометалла пахло Ночкой. Я и забыла, что неометалл бывает разный. На станции весь неометалл был из нас, он пах мной, Дождем, Облаком, Рябью, Туманом, Листопадом, Снегом и Ночкой, всеми нами. А теперь пахло только Ночкой. Я расправила «связного» на ладони, отложив в сторону бесполезный плоскарь.

Ночка появилась на экране, но я не сразу ее узнала. Одутловатые щеки повисли, как у бульдога, в черных волосах блестели яркие красные пряди, но что больше всего меня напугало - ее глаза тоже были красными и светились.

- Плохо выглядишь, - усмехнулась Ночка.

- Ты тоже, - пробормотала в ужасе я. Попыталась отвести взгляд от ее жутких глаз, посмотрела в угол экрана - дата была четырехлетней давности. Но Ночка видела меня и говорила со мной.

- Тебе плохо на Соцветье? Почему ты снова истощена?
- Все было отлично, но я не могла с вами связаться и очень переживала.
- Я чувствую.
- Послушай, ты умираешь? А Дождь, ты его не...
- Не волнуйся, я держу обещание. Хотя необходимость поглотить его есть, как ты видишь. Ветер, никого не осталось. Станция умирает, мы израсходовали все ресурсы. Посмотри на дату.
- Я не понимаю, я пыталась с вами связаться, но тут какая-то путаница...
- Никакой путаницы. Вскоре после твоего ухода нам объявили, что мы нерентабельны. Я хотела отправить ребят, но вышла поправка к закону - на Соцветье отправляли только тех, у кого есть семьи, согласные их принять. Мы не успели связаться с семьями сразу - нас отключили. Успела только Рябь, но ее не приняли. Она стала первым моим донором и дала жизнь станции еще на месяц.
- Ты их всех съела? А Дождь?
- Не перебивай, я и так опаздываю с этим разговором на четыре года,
- Ночка усмехнулась, и черная кровь потекла у нее из уголка рта. - Мы хотели отправиться на Соцветье сами, без участия людей. Мы собрали весь неометалл, разобрал и отключив полстанции. Мы надеялись, что ты выйдешь на связь и примешь нас. Что тебе помешало?
- Я вышла на связь, как только сдала экзамен. До сдачи экзамена я не имела права пользоваться плоскарем! Я и так спешила...
- Ты могла попросить Рыжего, верно? Пусть он бы говорил от твоего имени. Ты всегда действовала недостаточно продуманно. Но послушай. Мы изыскивали все ресурсы, создали четыре костюма из неометалла, больше не успели. Убегать по уменьшившейся станции от эрозии становилось все опаснее, Листопад был сожран жижей, Облако поймали искры. Время восстановления в Гнезде сократилось до пятнадцати минут.
- Пятнадцать минут! - в ужасе прошептала я.,
- Мы исчерпали все ресурсы, и в это время Туман открыл, что время - тоже ресурс и его можно перевести в энергию. Эту технологию воспроизвел и сохранил Дождь. Так мы украли сами у себя четыре года. Мы говорим в настоящем времени, но на вашей планете мы четыре года как мертвы.
- Это невероятно...
- Заткнись и слушай. Ресурсов, выделенных с помощью этих четырех лет, хватило на постройку одного мегателепорта. Мы начали спорить, кому он достанется. Дождь в это время был уже истощен, и я предложила его кандидатуру, помня о своем обещании. Туман заявил, что он автор изобретения, значит, оно принадлежит только ему. Тогда я поглотила его. Во время драки мы угодили в жижу и испортили свои

костюмы из неометалла. Снег пошел на костюм для Дождя. Я пострадала от жижи и не могу его восстановить. Тем не менее у меня есть Дождь в костюме и готовый мегателепорт. Я могу отправить его тебе, если ты примешь.

- Я приму! Но почему ты... Ты же можешь его использовать, восстановиться и улететь сама! - закричала я и зажала себе рот рукой.

Ночка засмеялась, струйка пошла сильнее, и она начала кашлять:

- Я хотела, но остатки свободной энергии ушли на связь с тобой. Береги этого «связного», можешь похоронить его вместо меня. Я сейчас стану дровами, брошенными в топку мегателепорта. Дождь без сознания и стать дровами не может, видимо, такова судьба. Иди на открытое пространство, поймай Дождь и жди... Сейчас же!

«Связной» кубарем покатился с моих коленей. Я выскочила из дома в одном халатике, несмотря на то что земля уже была покрыта снегом. Шатаюсь от слабости, выбежала на пустырь позади дома. Тут меня приняли, когда я прибыла в начале лета... Небо было серым, затянутым тучами, но я знала, что это все обман, что на самом деле оно черное, такое черное-черное, в искрах звезд, в космических радугах, туманах, вспышках, нет ничего прекраснее этого. Где-то там потерялся еще четыре года назад мой Дождь, юноша с красными волосами и серой кожей, от которого моя голова внутри становится, словно полый шар из неометалла, гладкой и шелковистой, чистой и твердой, ничто не сравнится с этим ощущением, даже ощущение от цветущего маминого сада и кусочка кварца между бровями. Я вспомнила про кварц и надела цепочку на лоб, завязав узелком, который не распутать. Вот теперь я чувствую ясно, где мой Дождь.

- Я здесь, - шептали мои губы. - Иди на меня, чувствуй меня, узнай меня.

Я раскинула руки и на одной из ладоней уловила щекотку, словно крохотный сахарный муравей пробежал. Это был след Дождя. Он шел ко мне.

Земля и небо перевернулись и смешались, словно акварельные краски. Я была в космосе, Дождь - на Соцветье. Я была на Соцветье, Дождь - в космосе. Наши руки встретились. Хрустальная сфера рассыпалась. И тут же он навалился на меня всей тяжестью, словно парализованный. Я приняла его на руки, как мать принимает дитя, но упала вместе с ним. Его костюм растаял, растворив в воздухе ароматы Снега и Ночки.

Мы лежали на заснеженной земле, и нас засыпал снег. Я не могла поднять Дождя и не смела оставить. Можно было только надеяться, что кто-то из домашних выглянет в окно, посмотрит на пустырь позади дома, до того как поверх нас вырастут сугробы. Я кляла себя за то, что была слишком эгоистична в своем горе, что зря сидела у окна почти две недели и израсходовала ресурсы своего тела. Но все равно у

меня, прожившей в безопасности и сытости последние полгода, было намного больше, чем у пленника космоса и времени. Я поделилась с ним тем, что имела, и он открыл глаза.

- Ветер, - беззвучно прошептали его губы.

- Все хорошо, - я знала, что он сейчас отключен и слышит только мысли, как я полгода назад. - Мы на Соцветье. Мы дома.

Он глубоко вздохнул и замер, глядя в бездонное серое небо.

- Ты чувствуешь, сколько здесь жизни? Земля и растения сейчас застыли от холода, насекомые спят под снегом, птицы укрылись в гнездах, звери - в норах, люди - в домах, но это жизнь, настоящая, горячая, кипучая, не то что в космосе. Чувствуешь, как ее много?

Я знала, что Дождь чувствует так же, как и я, ощущала, что он проник в снег, в землю, в воздух, что он повсюду - в доме, в заснеженном саду, в кустах шиповника, в заброшенном гнезде ласточки под крышей, в уснувшей на чердаке бабочке, в моих родных, мирно спящих в доме, во мне.

- Дыши, Дождь, - повторяла я снова и снова, обнимая его крепче и крепче. - Чувствуй, Дождь. Живи, Дождь...

КАТЕРИНА ДОВЖУК

КАЧИБЕЙСКАЯ ОПЕРА

Пройти следует мимо сиротского дома, мимо ателье старого Шойла, но не слишком далеко. Еще не видна знаменитая краснокирпичная громадина, где издавна, насколько хватает короткой памяти горожан, помещалось ремесленное училище; еще не слышен грохот трамвая, а уже пора убавить шаг и повернуть направо. Неприметная арка ведет в самый обыкновенный двор, каких в городе несчетно. Тут не нужно спешить, как не спешил никогда Соломон.

Ни за что с первого взгляда не разглядеть вам вывеску, некогда голубую с белыми буквами, теперь же - неопределеннейших цветов, вывеску, из которой грамотному человеку становится ясно, какой замечательный и необходимый в культурном обществе специалист был наш Соломон. Вывеска эта помещается на двери, и ее невозможно прочесть, не спустившись прежде по пятнадцати кирпичным ступенькам. Прописными буквами и теперь написано на ней все то же: НАСТРОЙЩИК. И ниже буквами помельче: *поддержанный*

инструмент.

Внутри сейчас мало что сохранилось. На стене слева от двери - старая афиша театра «Прожектор», на которой карикатурно изображены собаки, играющие в карты. Справа - рукомойник и узкая скамейка. Над дверью - медный колокольчик. Два колченогих, заросших паутиной табурета в центре комнаты.

Но что тут было прежде! всю левую стену загоразживало черное пианино. На нем имелась табличка, вравшая, будто инструмент этот был создан лично бельгийцем Лихтенталем. Дальше - открытый шкаф со скрипками и валторнами, специальная тумба с инструментами, ключами и камертонами. Справа - рабочий стол, он же верстак, с разнообразными тисками, держателями, измерительными приборами, колбами, ящичками и другими приспособлениями, которые скорее уместны в мастерской алхимика.

За этим самым столом сидел Соломон вечером восьмого апреля, вечером, о котором теперь пойдет речь.

Похоронили Туманского. Город был сер, мрачен, словно весь прощался с Мойшей. На Соломоне и вовсе лица не было.

После похорон Соломон успел еще зайти на квартиру Туманского и забрать у хозяйки кота. Теперь кот скрипел суставами этажом выше, у Муси Лазаревны. Кот был временно оставлен там Соломоном, чтобы своим скрипом и кряхтением не мешал думать.

Соломон держал в руках газету, но текста не видел.

Похоронили Туманского, а вместе с ним все привычное мироустройство, сам порядок лег в землю.

И половина жизни Соломона. И половина его сердца.

Меланхолические размышления Соломона текли без всякого русла и системы, он вспоминал недавние события и далекие, живых людей и давно ушедших. Всё, всё было в прошлом. Сейчас только, со смертью Туманского, Соломон осознал окончательно, что будущего нет. И мысль эта грызла его изнутри.

От этого грызения Соломона отвлек визитер.

Никто не знал, откуда явился этот человек. После, конечно, придумали, что пришел он от Старого Базара, картинно прихрамывая и правой рукой то и дело опираясь о шершавый кирпич стен. Человек вошел в каморку и в жизнь Соломона внезапно и даже с грохотом. Весь он был мят, пылен и подозрителен. Правда, наблюдательному Соломону не удалось изучить посетителя как следует. И вот почему: едва распахнулась дверь и коротко звякнул колокольчик, как человек рухнул на пол, гулко и неуклюже. Так это выглядело, точно он держался только одной мыслью - добраться до спасительного подвала настройщика, чтобы найти здесь покой.

Соломон отложил газету в сторону и поверх очков поглядел на вошедшего - теперь уже лежащего.

- Однако! - сказал Соломон.

Это было такое время - вам, сегодняшним хозяевам жизни, новой жизни, не понять, какое это было время. Люди тогда не умели удивляться. Вечер они проводили за сбором чемодана - на случай. А каждому спокойному утру радовались детской радостью. Подозрительные типы - в военной ли форме, в штатском ли платье - толпами заполняли Качибей, провозглашали лозунги и новую власть, занимали стратегически важные здания и объедали огороды. Потом власть менялась, исчезали штатские, появлялись бандиты, казаки или коммунары. Такое положение дел приучило качибейцев ежедневно сверяться с газетой - какая теперь власть? Чтобы не попасть в неудобное положение, ежели вдруг что.

Соломон перевернул пришельца и увидел его лицо - самой бандитской формы. Грязные волосы неопрятно спадали из-под картуза на крупный лоб и небритые скулы. Платье соответствовало. Под бурым пиджачишкой виднелась нестираная рубаха с национальной вышивкой. Кисти рук скрыты перчатками. Соломон приподнял левую руку гостя, задрал рукав и охнул, разглядев тусклый блеск и нащупав металл вместо обыкновенного человеческого запястья.

Визитер, как будто не приходя в сознание, трагически застонал.

Тут надо объясниться: Соломон никогда не был трусом. Но он был человеком рассудительным. Приди к Соломону еще за пять лет, за три года до того подобный тип с металлическим запястьем, упави он хоть в десять обмороков - Соломон не изменился бы в лице. Но в те дни, когда произошла эта история, с металлическими частями тела уже не разгуливали вот так запросто.

И Соломон оставил пришельца лежать на полу, а сам отправился к Мусе Лазаревне за советом и аптечкой.

Муся Лазаревна была мудрая женщина.

- Это провокатор, Соломон, - сказала она.

- Пусть так, Муся, - отвечал Соломон. - Но прежде он человек.

Соломон взял аптечку, а саму Мусю Лазаревну решительно усадил на табурет и велел дожидаться его, Соломона, возвращения.

- Муся, ты знаешь, что делать, если вдруг, - напомнил он.

Когда Соломон с аптечкой вернулся в мастерскую, посетителя там уже не было. Сказать, что Соломон не удивился, - ничего не сказать. Соломон не удивился совсем. Будь у него самого металлическое запястье, он тоже не стал бы разлеживаться в чужих каморках. Только один человек на весь Качибей не прятал свою механическую руку. То был куплетист, скрипач и мим Фалехов, любимый артист всего города, который от каждой новой власти получал официальную разрешительную печать для правой руки. Да и Фалехова едва не забрали при очередном нашествии коммунаров, когда сплошной сеткой сгребли последних имперских недобитков - так звали мехов веселые

русские морячки. Увезли стариков и совсем еще детей, увезли маленького Пицульского. Соломон знал этого мальчика, у него были слабые ноги, так отец за месяц до революции неосмотрительно купил ему новые. И где теперь ходит Фроя Пицульский на своих металлических ногах?

Бегло осмотрев комнату и убедившись, что ничего сколько-нибудь ценного не пропало, Соломон поспешил к Мусе Лазаревне, чтобы позволить ей покинуть пост на табуретке.

* * *

Было уже совсем темно, когда Соломон шел из мастерской домой, на Балку, по пустынному неосвещенному переулку. В саквояже его среди инструментов мирно дремал кот Туманского, забранный у Муси Лазаревны.

Качибей наполнился запахом дыма - ночи были еще холодные, и к вечеру хозяйки протапливали дома. Из приоткрытого окна второго этажа слышался высокий хрипловатый голос:

*Если есть у Бени мать,
Значит, есть куда послать!..*

Соломон прислушался и горько усмехнулся: патефон. За три года революционерам всех цветов удалось отбросить Качибей на десятилетия назад. Руководствуясь разными мотивами, баловни случая, по очереди становившиеся во главе Качибей, в несколько приемов очистили город не только от людей-мехов.

Громоздких грузчиков, примитивных болванов с тремя шестеренками, и уголь для них в порту стали выдавать по списку, в порядке очереди. Большую часть работы, которую еще позапрошлой зимой выполняли такие вот болваны, теперь приходилось тащить на себе обыкновенным людям. Только и радости от этого, что замолчали наконец даже самые крикливые технофобы. Одно дело - теория, когда все больше про других, но с глубоким пониманием вопроса, другое - собственные отмороженные пальцы и сорванные спины. Побывав хозяевами города дважды, больше всего вреда механическому оснащению Качибей нанесли коммунары. Для нужд порта они оставили пятерых механических грузчиков... Остальных перековали в солдат. Вся современная техника, в том числе радиоприемники, исчезла уже при Гетмане. Куда? Вопрос. Удивительно, как еще функционировали трамваи и фуникулер.

Неожиданно на пути Соломона вырос черный силуэт, большой и неопрятный.

- Руки вверх, папаша, - сказал силуэт. На мгновение его осветил прожектор дирижабля, медленно проползшего по ночному небу, и

Соломон разглядел знакомое неприятное лицо: именно этот человек сегодня приходил полежать к нему в мастерскую.

- Брось этих глупостей, мальчик, - спокойно отвечал настройщик. - Что ты хочешь со старого Соломона? Ты ошибся адресом.

- Не надо шуток, папаша. Саквояж, быстро. Не то я тебя мигом вычеркну из городского справочника.

Соломон поморщился от такой пошлости. Качибей мельчал, мир катился в пропасть - и это была печаль. Куда-то исчезал неповторимый стиль города - растворялся ли революцией, смывало ли его волной оборванцев, заполонивших Качибей в последние годы.

Но расстаться с саквояжем Соломону не пришлось. Откуда-то из-за его спины появилась еще одна тень, на этот раз невысокая, но очень уверенная.

- Вычеркивал один такой, - сказала вторая тень знакомым звонким голосом.

Дальше события в переулке развернулись и свернулись стремительным галопом. Соломон еще только соображал, где он мог слышать второй голос, когда хозяин этого голоса точным ударом уронил бандита на мостовую. Бандит отполз на несколько шагов, ловко перевернулся на четвереньки и с низкого старта унесся прочь. От стены отделились две тени и бросились следом. Спаситель обернулся к настройщику.

- Не зашиб? - заботливо поинтересовался он, и тут Соломон узнал Даньку.

Данька был как раз из тех оборванцев, что появились в Качибее после революции. Одно время он крутился рядом с Туманским, считая Мойшу за великого ученого, но быстро распознал в нем сумасшедшего и разочаровался. После Соломон не раз встречал Даньку и в подозрительной компании цыган, и в солидном обществе гимназистов. Юноша всегда был приветлив и учтив с настройщиком, но взгляд его оставался холодным. Соломон не доверял Даньке. Соломон доверял своему чутью, которое за семь десятков лет не подвело его ни разу. Нередко Соломон понимал про жителей Качибее такое, чего они не знали о себе сами, Данька же оставался для него тайной. Но это полбеды. Бандит, жулик или обыкновенный горожанин - любой человек мог рассчитывать на симпатию Соломона, но в Даньке было что-то совершенно чужеродное, неприятное и непонятное Соломону. Данька был человеком нового мира, такого, в котором бесследно исчезают из города все радиоприемники, а рабочих перековывают в солдат. И этот мир, и люди этого мира не находили места в сердце Соломона.

Когда Данька вызвался проводить Соломона домой, тот только усмехнулся.

- Не нужно прелюдий, - сказал Соломон. - Мы деловые люди. Говорите свою пару слов.

- Вы были другом Туманского.
- Революция разве отменила загробную жизнь? - ответил Соломон. - Я и теперь друг Туманского.
- Туманский строил ракету.
- Мойша строил ракету десять лет, это не новость.
- Так он ее построил.

Соломон приостановился и недоверчиво покосился на Даньку. Туманский бредил космосом, и все его предприятия, все его эксперименты в последние десять лет были так или иначе связаны именно с ракетой. Но Туманский был мечтателем. Соломон верил, что на бумаге Мойша мог сочинить вполне пристойную ракету. Но построить?

- Коммунары дали денег Туманскому на ракету? - иронически спросил Соломон. Данька вздрогнул, но сумел удержать лицо.

- Вы не любите коммунаров? - Не получив ответа, Данька продолжил:
- Коммунары еще не сошли с ума. Но... Вы слышали, Соломон, что Туманский подрядился на реставрацию оперы?

В этом месте надо дать немного истории, чтобы в вашей голове случилось такое же понимание, как и в голове Соломона после Данькиных слов. Опера - это был центр культуры Качибея, знаменитый на весь мир театр, где не стеснялся выступать сам Шаляпин. Опера горела год назад, горела красиво, громко и с фейерверком. С тех пор, черная, стояла она в строительных лесах, всем своим несчастным видом отражая положение дел в городе и мире. Соломон со слов самого Туманского, конечно, знал, что тот взялся за оперу, и Соломон не был удивлен. Во-первых, Туманский был первый трепач, верить которому на слово Соломон разучился еще шестьдесят лет назад. Во-вторых, ни один разумный человек не доверил бы Туманскому реставрацию даже курятника. Имелся и третий аргумент, который вступал в противоречие с первыми двумя, но который всегда решал дело: Мойша бывал так убедителен, строя свои воздушные замки, что разум собеседников бежал прочь и прятался на время в темной комнате. К тому же Туманский был чрезвычайно настойчив, проще было уступить. Так, когда он решил устроить современный экспериментальный паропровод в доме у Янкелевича, тот счел за лучшее переехать со всеми ценными вещами к зятю.

Короче, Соломон не был удивлен, и точка.

Его волновало другое. Уже на Балке, у парадной своего дома, Соломон взял Даньку за манжету и заглянул в его холодные голубые глаза:

- Послушайте. Туманский был талантливым прожектором. Но что вам его прожекторы? Вы знали Туманского, я знал Туманского. Пусть он построил ракету, но она же не полетит. Зачем этот разговор, Даня?
- Я знал Туманского, - подтвердил Данька. - И я видел ракету -

барахло. Что она не полетит - то знаем мы с вами. И весь Качибей. Но на эту ракету я ловил большую рыбу. Я не уследил - и рыба сожрала Туманского. Теперь эта рыба ходит за вами.

* * *

Дома Соломон выпустил кота Василия из саквояжа и завел его специальным ключом через маленькое отверстие в правом боку. Кот тотчас ожил и принялся изучать квартиру.

Кот этот был дорогой, китайский, старой сборки, но к нему приложил руку Туманский, потому кот уже с десятков лет функционировал исправно, тогда как обыкновенные китайские механизмы, тонкие и капризные, отправлялись на свалку после двух-трех месяцев существования во влажных качибейских условиях. Раз в несколько дней кот начинал двигаться неровно, дергано, скрипеть и посвистывать суставами, но проблема эта легко решалась машинным маслом. Главное же правило обращения с котом было до крайности простым: не забывать каждый день его заводить.

Василий был приучен разгуливать по всему доступному пространству, издавать даже отрывистые кряхтящие звуки, мало похожие на кошачий мяв и не слишком музыкальные. Туманский был этими звуками весьма доволен, а Соломон кое-как мирился.

Заварив себе крепкого чаю, Соломон стал отрешенно смотреть на кота и думать о Туманском.

Мойша погиб странно и страшно. Позавчера рано утром Туманского обнаружил рабочий неподалеку от Тупика. Тело с расколотым черепом лежало там, где рельсы выходят из туннеля. Как если бы Туманский выпал из вагона или его выбросили. Но Туманский не ездил поездом, это было совершенно исключено. При всех странностях у него имелась еще и фобия: поездов Мойша боялся с детства. Тем более невозможно было присутствие Туманского в поезде, что по той линии, где было найдено его тело, ходили только редкие товарняки из губернии. Пассажирских вагонов в тех составах просто не было.

Что же это за рыба пережевала Туманского и выплюнула на рельсы?

Соломон понимал слова Даньки так, что юноша наивно и жестоко подставил старого Мойшу, накормив какую-то глупую рыбу - иностранную или отечественного разлива - смешной информацией о ценности работы Туманского.

Результат был предсказуемее кошачьей свадьбы.

Туманского натурально тошнило от всей этой современной политики и политической коммерции. Мойша был идеалист от науки. Приди к нему такая рыба, Туманский просто спустил бы ее с лестницы. И, надо полагать, так и спустил. За что и поплатился.

У Туманского не было родных, но на его похороны пришли многие. Мойша Туманский был семидесятилетним ребенком, который всем желал только добра. На Туманского не сердились, даже когда после его натуралистического опыта взлетел в воздух заброшенный дом на Старопортофранковской. Даже когда после его экспериментов маленькая пригородная речка сделалась на месяц вонючкой, да так и осталась на картах с этим названием. Туманский только улыбался и разводил руками - и ему всё прощали.

Утром, после похорон Туманского, к Соломону подошел пижон в кепке, полосатой тройке и лакированных ботинках. Глаза у пижона были серые и мертвые. Пижон сказал:

- Соломон, дай нам знать.

Соломон кивнул, и на том беседа завершилась. Постороннему человеку трудно понять всю важность этой беседы. Так я поясню. Пижон этот звался Сема Грач и был правой рукой уважаемого в Качибее человека. Сема Грач знал цену своему слову. И Соломон знал.

Туманского убил человек без сердца, и этот человек должен быть наказан.

* * *

Утром Соломон отправился в Тупик. Это был старый заводской район со множеством складских зданий, которые стояли почти вплотную к железнодорожным рельсам. Поговаривали, что скоро здесь все будут сносить, но где то «скоро»?

Соломон пришел посмотреть на место, где нашли тело Туманского. Соломон чувствовал себя престранно: был он полон неприятным мандражом, какого не случалось с ним уже много лет. То ли дело было в самом этом месте и в знании, что где-то рядом убили Туманского, то ли Соломон чувствовал близость развязки, как охотничий пес чувствует вальдшнепа.

Соломон обогнул склады с востока. Существовал и совсем короткий путь, но Соломон не спешил. Он прошел по рельсам к въезду в туннель. Слева возвышалась бурая громадина - старое здание, в котором раньше помещался табачный склад. Соломон узнал это здание, он бывал здесь не так давно. Табака здесь не было, склад закрылся еще до революции, а стал это доходный дом с огромными студиями, которые предприимчивый хозяин умудрялся задорого сдавать иностранцам и идиотам.

К одному из таких идиотов приходил сюда Соломон всего месяц назад - по делу.

Идиотом этим был тот самый Фалехов, знаменитый куплетист и мим.

Изредка он развлекал публику игрой на скрипке, потому случалось и ему приглашать Соломона для наладки инструмента.

Фалехов приехал в город вроде бы из самой Москвы несколько месяцев назад - на короткие гастроли, но задержался надолго, объясняя этот поступок внезапно вспыхнувшей любовью к Качибею. Качибейцам неожиданное чувство со стороны знаменитости чрезвычайно льстило, и они отвечали Фалехову полной взаимностью. Куплеты Фалехова пользовались большой популярностью, расходились на патефонных пластинках и в списках, а самого его разве что на руках не носили.

Жил Фалехов во втором этаже этого вот бывшего склада, и прямо под окнами его гремели поезда - не слишком часто, зато громко.

Некоторое время Соломон, прищурившись, внимательно глядел на окна второго этажа. Потом обошел здание и направился к трамвайной остановке.

Рассказывают, будто Соломон в один прием сопоставил все факты и шел к трамваю с полными карманами подозрений. Это не так. Но что Соломон был задумчив - правда.

Приближался уже с яростным звоном трамвай, когда Соломона окликнули высоким голосом. К остановке быстро, но с известным изяществом, двигался человек в элегантном светлом плаще. Его полосатый шарф романтически развевался на ветру.

Это был Фалехов. Внешность его по открыткам была знакома в то время всякому культурному человеку. Свой возраст - немного за сорок - Фалехов тщательно скрывал, за лицом очень следил, сверял его с открытками десятилетней давности и расстраивался, если находил новую морщинку. Верхнюю губу Фалехова украшала раздражающе тоненькая полоска усов. Вы скажете: опереточный злодей, известный типаж. И будете кругом правы.

* * *

В то время когда Соломон с Фалеховым садились в трамвай, в квартире Соломона случилось происшествие.

Кот Василий, заведенный с вечера, теперь неэкономно расхаживал из угла в угол, наслаждаясь движением с тем рвением, на какое только способен неодушевленный механизм.

В коридоре слышались скрип половиц и невнятное ворчание. Заскрежетал английский замок. Кот напряженно остановился. Внутреннее механистское чутье говорило ему, что происходит странное. Дверь приоткрылась, и в комнату проник незнакомец. Если бы здесь был Соломон, он непременно узнал бы вчерашнего громилу из переулка, того самого, что вчера же успел полежать в мастерской

настройщика. Ясно, что помощники Данькины догнать бандита не смогли. При свете дня этот тип выглядел еще более подозрительно. Маленькие глаза его под густыми низкими бровями неприятно бегали (правый был украшен здоровенным фингалом), сам он имел вид неуклюжий и неотесанный, будто деревянный медведь, двигался вперевалку. Любой случайный свидетель определил бы в визитере человека приезжего и крайне сомнительного. Но дом, в котором проживал Соломон, был сегодня не по-качибейски тих и пуст.

Кот оставил без внимания внешность субъекта. Он зафиксировал только, что вошедший не был Соломоном. С тихим кряхтением Василий пополз под кровать, в надежде пересидеть опасность, но совершенно напрасно. Громила неожиданно ловко подскочил к коту и ухватил за хвост. Кот, не приученный к такому обращению, недоуменно заскрежетал. Преступник оставался невозмутимым. Игнорируя протест механического животного, спрятал его под пиджак и стремительно покинул квартиру Соломона.

Грабитель не заметил, как из парадной за ним вышел Данька и неспешно двинулся следом, не вынимая рук из карманов и насвистывая «Лимончики».

* * *

Фалехов заказал себе стакан теплого молока и теперь пил его маленькими глотками.

Он уговорил Соломона устроиться для беседы на террасе Приморского бульвара, откуда хорошо был виден порт и за ним - море, серое еще и недоброе в апреле.

Похолодало, ветер дул с моря, унося со столов салфетки и вырывая зонтики из рук неосмотрительных девушек. Но Фалехов, будто не чувствуя ветра и холода, снял плащ и перекинул через руку. Соломон и раньше замечал за Фалеховым подобное: иногда Фалехов словно стеснялся своей правой руки, кисть которой в любое время года была обтянута перчаткой. Такой внезапной и обыкновенно кратковременной застенчивостью Фалехов обезоруживал собеседников. Соломон остался равнодушен к этому жесту.

Фалехов был бледен. Соломон не мог объяснить происхождение этой бледности. Возможно, это был только грим. Высокий лоб куплетиста портила вертикальная морщина, которая выдавала его напряженное состояние.

Соломон рисовал на салфетке.

- Что вы рисуете? - заинтересовался Фалехов, и Соломон продемонстрировал ему городской пейзаж - схематичный, но вполне узнаваемый: из крон каштанов поднимался купол оперного театра.

Лицо Фалехова сделалось равнодушным, морщина на лбу разгладилась. Фалехов закурил папиросу.

- Туманский был вашим другом, - Фалехов сощурился и внимательно смотрел на Соломона. - И мне он был не чужим.

Соломон кивнул. Фалехов продолжил:

- Туманский делал большое дело. Нельзя, чтобы теперь все пропало.

- Вы говорите за ракету? - уточнил Соломон.

Фалехов кивнул и нервно оглянулся по сторонам.

- Именно.

- Что ей сделается, - сказал Соломон. - Ракета - она не человек.

- Никак нельзя, чтобы ракета досталась коммунарам. - Фалехов по артистической своей привычке все слова произносил очень четко и раздельно.

- Отчего же?

Куплетист, не встретив в Соломоне сочувствия, отвечать не стал, потушил папиросу и в один глоток допил молоко. Разговор не ладился. Некоторое время помолчали.

- Соломон, не будем темнить. У меня к вам простое дело. Продайте мне кота.

- Кота Туманского?

- Его. Василия. Вам он совершенно ни к чему, вреден даже. Скоро здесь появятся коммунары, и такие коты пойдут под пресс вместе со своими хозяевами. А я увезу его. Хоть бы и в Германию.

- Что вам с того кота? Пусть себе идет под пресс, не жалко. Животное вредное, да и кряхтит препаршиво, - равнодушно ответил Соломон, несколькими уверенными штрихами дорисовывая на салфетке рядом с оперой весьма точный портрет Фалехова. Но куплетист не смотрел больше на салфетку. Фалехов нервничал все заметнее, то и дело оглядывался на бульвар, точно высматривая кого-то. Он отвечал Соломону принужденно, видно было, что разговор тяготит его, но неприятное это дело он намерен довести до конца. Фалехов сказал:

- Решительно не понимаю вас, Соломон. Вам же не дорог этот кот.

По лицу Соломона нельзя было понять, нравилась ли ему вся эта комедия. Лицо Соломона было непроницаемым и серьезным. Он только слегка наклонил голову вперед, чтобы взглянуть на Фалехова поверх очков.

- А что Туманский? Не хотел продать вам кота?

Фалехов поджал губы, отчего стал похож на популярную открытку, где он же был изображен в роли босняка.

Соломон смотрел на Фалехова особенным своим взглядом, понимающим. Этот взгляд Соломон выработал за пятьдесят лет работы настройщиком. Так он смотрел на юных качибейских пройдох, которые грубыми, варварскими методами выводили из строя скрипки и иные инструменты, после чего рассказывали родителям небылицы о

бестолковом настройщике, - только бы выиграть себе свободный от музыкальной каторги день. Фалехов не знал этого взгляда. Фалехов вырос в другом городе, там он ломал свою скрипку и портил нервы воспитателям. Он пожал плечами и демонстративно отвернулся к бульвару, делая вид, что любит девушек.

Соломон как раз дорисовывал на салфетке черную птичку вроде грача, когда Фалехов увидел наконец в конце бульвара что-то радостное. По всему выходило, что обрадовал Фалехова тот самый бандит, который ограбил квартиру Соломона. Бандит с постной физиономией приближался теперь к террасе по бульвару. Пиджак его бугрился и шуршал. Все это Фалехов разглядел в секунду, вздохнул с облегчением и вновь обернулся к собеседнику.

- Знаете, Соломон, пожалуй, хватит этих танцев. - Тон Фалехова изменился, стал деловым, жестким. В сочетании с его высоким артистическим голосом это производило впечатление. - Вот как мы теперь поступим: вы пойдете со мной. Чтобы обошлось без споров и сюрпризов, предупреждаю - в правой моей руке, под плащом, шестизарядный револьвер системы Смита-Вессона, и дуло этого револьвера смотрит прямо на вас.

Соломона, кажется, не впечатлила история с револьвером, но он послушно поднялся. Лицо его имело совершенно беззаботное выражение.

Едва Соломон и Фалехов покинули террасу, к их столику подошел юный официант, чтобы собрать посуду. Официант заметил салфетку, уголок которой Соломон предусмотрительно придавил солонкой, а на салфетке - силуэт грача. Оставив посуду тут же на столике, не сняв даже фартука, мальчик короткой дорогой помчался в «Фанкони», где человек по имени Сема Грач обыкновенно обедал в это время дня.

* * *

Соломон не спрашивал, куда идти. Он неторопливо шел к опере. За ним следовал Фалехов, через правую руку которого все еще был перекинут плащ. Фалехову без плаща было зябко, оттого он хмурился и хотел идти быстрее, но подгонять Соломона не решался, опасаясь публичного скандала и срыва так удачно сложившихся обстоятельств.

На почтительном расстоянии держался громила с котом за пазухой. Процессию замыкал встревоженный Данька.

Несмотря на прохладную, ветреную погоду, бульвар был полон жизни. Пожилые дамы совершали моцион, спешили по делам курьеры, празднично шатались разнообразные иностранцы - марокканцы, сенегальские негры, греки, итальянские и французские моряки; оборванцы искали наживу. На углу стоял мальчик с газетами.

«Обкраденная почта! Свободные мысли! Коммунары идут!» - кричал он. Мальчик попытался всучить газету Фалехову, но был отпихнут раздраженным артистом.

Уже у самого здания оперы, под каштанами рядом с тумбой Морриса, печальной и ободранной, вектор событий изменился самым неожиданным образом.

Внимание Фалехова отвлекла прелестная поклонница его таланта. Это была девица по имени Соня, юный цветок, выращенный на Слободе под крылышком у знаменитой Маньки, о чем Фалехов, разумеется, знать не мог. Соня, вся в белом и в черный горох, в перчатках и с зонтиком, волнительной походкой подошла к Фалехову и улыбнулась ему так, словно они были здесь только вдвоем, а «здесь» - это не меньше, чем Рио-де-Жанейро. Соня особым своим взглядом посмотрела на Фалехова и робко протянула ему открытку для автографа.

Надо ли говорить, что Фалехов был совершенно очарован.

Он приостановился только на мгновение, и эта остановка стоила ему жизни. Неприметный юноша, с глазами такими же мертвыми, как у Семы Грача, тенью промелькнул за спиной Фалехова и растворился в толпе, оставив на память куплетисту подарок в виде финского ножика между ребрами. Так же мгновенно исчезла, и Соня. Только открытка с улыбающимся Фалеховым образца десятилетней давности осталась на мостовой. Рядом опустился и сам куплетист.

* * *

Не оборачиваясь на начавшийся за его спиной переполох, Соломон продолжил путь. Каждое движение давалось ему теперь с трудом. Ноги налились чугуном, череп был сдавлен пульсирующим обручем, мостовая норовила перевернуться, раскачивалась и тянулась к Соломону.

Внешне этого никак нельзя было заметить. Выглядело все так, будто Соломон просто шел вперед.

Но это был не весь Соломон. Большая часть его осталась лежать на мостовой, рядом с Фалеховым. Мысль о том, что этого человека одним только словом, рисунком на салфетке, убил он, мысль эта огромная и колючая заполнила теперь всего Соломона и закрывала собой мир. Но он не жалел и не сомневался.

На ходу выбрасывая кота, обогнал Соломона громила - и моментально растворился в толпе, навсегда исчез из Качибя и из нашей истории. Пробежал мимо Данька, пронеслись еще какие-то люди. За спиной свистели в свисток и гудели автомобильным клаксоном. Падали в обморок и возмущенно ахали. Рыдали и

истерически хохотали.

А Соломон просто шел.

* * *

Дверь центрального входа в оперу оказалась, конечно, заперта, но Соломон был в том состоянии, когда все можно, когда мир уже не будет прежним, как бы что ни сложилось. Без стеснения и даже с неожиданной сноровкой Соломон открыл эту дверь универсальным ключом, вынутым из саквояжа. Набор таких ключей, иногда называемых отмычками, Соломон еще до революции реквизировал у одного малолетнего... скрипача и с тех пор всегда носил с собой. Мало ли что.

Внутри было темно и пыльно, так что дверь Соломон прикрывать не стал: какой-никакой, а свет. Стены фойе были все так же черны, как и год назад, когда Соломону довелось побывать здесь после пожара. Даже запах гари не исчез.

Понятно, что Туманский ни минуты не занимался реставрацией здания.

Соломон уверенно пошел по лестнице ко входу в зал, где его ждала непроглядная тьма. Но слева от двери Соломон нащупал рубильник и без всякой надежды дернул за него. И чудо: в нескольких местах, освещая дорогу к сцене, загорелись слабым, неверным светом электрические лампочки.

Партер оказался загроможден лабиринтом каких-то вспомогательных конструкций, мусором, обломками труб и самой диковинной формы деталей. Кое-как пробираясь через этот кавардак, Соломон двинулся к сцене.

От сцены осталось мало что. Теперь это было сооружение с абсолютно другим предназначением. Постамент для памятника, который сам себе воздвиг Туманский.

Прямо из сцены выростала и уходила конусом куда-то в потолок огромная, восхитительная, блестящая ракета.

Соломон замер без движения. Ракета была хороша. Ничего красивее Соломон не видел.

Но в одном Фалехов оказался прав.

Настройщик вдруг в красках, очень достоверно и живо вообразил, как гигантскую эту работу Туманского, махину, на которую тот в буквальном смысле положил жизнь, разбирают на части и отправляют в переплавку. Соломон мысленно видел уже человека в черном кожаном плаще, это был Данька с его холодными глазами и мрачной решимостью на лице. Данька коротко взмахивал рукой - и ракета отправлялась под пресс. Внутри ракеты при этом Соломону почему-то

причудился кот.

Нет, нет, нет. Не бывать такому.

Детское какое-то чувство поднималось из самой груди Соломона и кружило голову.

В поисках входа Соломон обошел сооружение кругом. Дверь тотчас отыскалась: круглая, без всякой ручки или иного приспособления для открывания, только в центре ее было углубление в виде следа кошачьей лапы.

- Хм, - сказал Соломон.

- М-р-р-р-р-р-р, - прокряхтело над ухом в ответ. Соломон обернулся. На строительных лесах чуть в стороне от сцены сидел механический кот с довольной мордой.

- Василий? - удивился и обрадовался Соломон. - Кис-кис-кис.

Кот послушно спрыгнул - так, что ветхие половицы хрустнули под его лапами - и деловито подошел к Соломону. Не вполне еще понимая, что делает, Соломон взял Василия на руки и ткнул кошачьей лапой в углубление на двери.

Лапа вошла идеально.

Раздался скрежет, гул, откуда-то снизу, из-под сцены, потянуло дымом. Дверь со скрипом отворилась. Пригнувшись и не отпуская кота, Соломон вошел в узкую, не шире гроба, камеру - по всей видимости, шлюз. За следующей дверью он обнаружил небольшое, но довольно уютное и светлое помещение.

Соломон был внутри ракеты Туманского.

Устроено здесь все было чрезвычайно просто. Полукругом - пульт управления, с лампами и рычагами. Вертящееся кресло. Запирающаяся кошачья коробка прикреплена к полу - для Василия.

Стены состояли из переплетения металлических труб с клапанами и без таковых, за трубами виднелась сложная поршневая система, какие-то валы и огромные шестеренки; всюду были измерительные приборы с датчиками, стрелками и лампочками. Туманский не стал тратить время на внутреннюю обшивку ракеты, и ее механизм находился теперь на виду.

Рядом с пультом Соломон обнаружил кожаный летный шлем, с кожаными же накладками и темными круглыми стеклами очки, мотоциклетные перчатки и куртку. Туманский всегда был пиджонем.

Соломон усадил кота в кресло и принялся изучать пульт. Слева обнаружилась схема устройства ракеты, а именно: внизу, в хвостовой части, располагались основной топливный бак и главный двигатель, сообщавший ракете поступательное движение (эта часть ракеты сейчас находилась под сценой); в верхней части, над кабиной пилота, помещались еще два двигателя - двигатель поворота с горизонтальным соплом и тормозной двигатель.

Соломон, кряхтя, стал снимать пиджак.

К тому времени как пришел Данька, Соломон был полностью экипирован. Выглядел он, надо сказать, не так смешно, как ему представлялось. Разве что куртка была велика, Соломон немного тонул в ней - все-таки Туманский был человек-медведь. Последний штрих - Соломон опустил очки на глаза и стал неувлимо похож на сварщика.

- Соломон, не надо шуток! - крикнул Данька.

- Никаких шуток, юноша, - с достоинством отвечал ему Соломон, выглядывая из ракеты. - В моем лице вы имеете человека, способного на серьезные поступки.

- Послушайте, Соломон. Туманский был больным человеком! Сумасшедшим!

- Никто этого не знает лучше меня, - подтвердил Соломон.

- В лучшем случае вы задохнетесь в этой консервной банке, в худшем - взорветесь вместе с оперой!

- Молодой человек, вы, верно, плохо представляете себе, что такое главный режиссер нашей оперы, товарищ Лаосский! - весело и немного невпопад сказал Соломон и погладил бок ракеты. - Железо - ничто, хлебный мякиш по сравнению с этим режиссером. И если Мойша смог убедить Лаосского закрыть театр на год и доверить реставрацию не кому-нибудь, а именно ему, всем известному сумасшедшему, больному человеку Туманскому, то приходится признать, что Мойше подвластны стихии! Уходите, Даня, уходите, не то зашибет при старте.

Данька потянулся за наганом, но Соломон уже задраивал люк изнутри.

* * *

- Ой, лимончики, вы мои лимончики...

Соломон задраил и вторую дверь. Что делать дальше, он пока не представлял. Кот Василий держался с некоторым превосходством, как бы намекая, кто тут главный, Соломон посмотрел на него с упреком, и Василий снизошел до объяснений. Он запрыгнул на пульт и полоснул лапой по одному из рычагов. Соломон послушно потянул рычаг на себя. Из-под ног раздалось утробное рычание, которое тут же перешло в мягкую вибрацию.

- Вы растете не в моем саду...

Василий уже указывал на следующий рычаг, но Соломону этого не требовалось, он понял, что мудрый Туманский делал эту ракету для идиотов. Очередность действий была обозначена на пульте стрелками и цифрами. Также имелись мелкие надписи, изучение которых Соломон оставил на будущее.

- Ой, лимончики, вы мои лимончики...

Соломон усадил Василия в кошачью коробку. Кот тут же высунул

морду в специальное отверстие и замер, не сводя пристального, немигающего взгляда с Соломона. Соломон пристегнулся в кресле. Откуда-то снизу запахло дымом.

- Вы растете у Сони на балкончике...

* * *

Данька попытался было колотиться в дверь, но больно ушиб руку. Стрелять он так и не решился, опасаясь испортить хорошую вещь.

Когда сцена под его ногами стала угрожающе двигаться, Данька поспешил к выходу.

Что он видел дальше, то видел и весь Качибей.

Легкими спичками осыпались с оперы строительные леса. Задрожала земля, из-под здания повалил дым.

Потом медленно, как во сне, та часть крыши оперы, что была над сценой, разделилась на лепестки. Этого с улицы никто не мог рассмотреть, но слышны были лязг и грохот жуткий. Уже собралась огромная толпа самых бесстрашных и любопытных существ в мире - качибейских зевак. Пахло гарью, качибейцы охали и свистели, иностранцы тоже что-то щебетали на своем птичьем языке, тетки крестились, поминая попеременно то бога, то черта. Беспризорники, не теряя времени, таскали кошельки.

Со скрежетом выдвинулся вверх и возвысился над Качибеем нос ракеты Туманского. Включились вдруг рупоры на столбах и стали передавать на весь Качибей голос Соломона.

А Соломон пел:

*На Садовой Беня жил,
Беня мать свою любил.
Если есть у Бени мать,
Значит, есть куда послать.*

- Хоть бы что приличное, - возмутился какой-то интеллигент, но был тут же зацыкан окружающими.

Ой, лимончики, вы мои лимончики...

Толпа дрогнула, заволновалась. Здание оперы и площадь перед ним трясло уже нешуточно.

Вы растете не в моем саду...

Замер весь город. Перестали плакать младенцы, умолкли птицы, остановились трамваи. Застыли в воздухе дирижабли, оборвались нестройные голоса патефонов. Где-то далеко, в балтском направлении, захлебнулись и утихли коммунарские орудия, штурмовавшие подступы к Качибее. Люди забыли дышать.

И тут грохнуло.

Нечеловеческий звук прошел такой волной, что отступил прибой по

всему качибейскому побережью. Черный дым сплошным покрывалом накрыл Качибей, и город пропал, растворился во тьме.

Кажется, прошла вечность, прежде чем дым рассеялся.

Оглушенные, черные от сажи, красными глазами смотрели люди на руины, бывшие только что оперой. Один лишь Данька глядел в небо, с которого сыпал серый пепел.

Вл. ГАКОВ

ОДИН ИЗ «ВЕЛИКОЙ ТРОЙКИ»

«БББ» - так американские критики в конце прошлого века прозвали трех писателей, фамилии которых по случайному совпадению начинались на указанную букву: Грегори Бенфорда, Дэвида Бриана и Грега Бира. Трех ярких звезд «твердой» научной фантастики, к середине восьмидесятых совершивших стремительный спурт в лидеры этой литературы. Одному из них, Грегу Бире, в этом месяце исполняется шестьдесят.

«Великая тройка «Б» пришла в научную фантастику, когда лучшей образной характеристикой ситуации, сложившейся в американской SF, послужило бы название известного фильма Анджея Вайды «Пейзаж после битвы». Эта литература победила в многолетней баталии за признание критиками и рынком. И хотя боевые порядки старой гвардии - той самой, что обеспечила славную викторию, - неудержимо редели, ветеранам было кому передать эстафету. Причем, в отличие от старших товарищей, годами завоевывать это признание молодой поросли не пришлось.

Сразу, первыми же произведениями, заявили о себе и три упомянутых литературных вундеркинда. Все трое - из Калифорнии (Бенфорд, правда, родился в штате Алабама, но его научная и литературная жизнь была связана с Калифорнией), убежденные технократы и блестящие рассказчики. Наконец для всех троих такие понятия, как

«нетривиальная идея» (естественнонаучная, гуманитарная или социальная - не суть важно), далеко не пустой звук. Все члены этого неформального братства пишут фантастику не только для того, чтобы развлечь читателя (хотя и этим владеют в совершенстве), но и чтобы его как следует напрячь, заставить задуматься. При общей изнеженности сегодняшнего читателя, предпочитающего забавляться технологическими игрушками и в штыки принимающего предложение заняться «интеллектуальной гимнастикой», последнее выглядит почти религиозным подвижничеством.

Грегори Дэйл Бир родился 20 августа 1951 года в калифорнийском городе Сан-Диего. Там расположена одна из крупнейших военно-морских баз - военным моряком был и отец будущего писателя. По делам службы Бир-старший много раз менял местожительство, так что к 12 годам его сын успел побывать в Японии и на Филиппинах, не говоря о различных портовых городах Америки. Тем не менее Грег Бир окончил университет в родном Сан-Диего, и, хотя в его дипломе значилось «English», что означало «язык и литература», на ранних порах собственной трудовой деятельности вчерашнему выпускнику приходилось искать компромисс между двумя увлечениями, завладевшими им еще в детстве: естественными науками (в частности, астрономией) и исступленным желанием писать. Бир поработал внештатным журналистом в городской газете, в книжном магазине, а также лектором в местном же аэрокосмическом музее и планетарии.

Впрочем, нелегкая судьба журналиста-фрилансера, как вспоминал Бир, порой забрасывала его в места неожиданные. В частности, в один из ключевых центров американской космической программы - знаменитую Лабораторию реактивных двигателей в Пасадине, откуда молодой Грег посылал репортажи о полетах автоматических межпланетных станций Voyager в газету San Diego Union. Он также увлекался кино, публикуя статьи на эту тему в ведущих газетах обоих побережий Штатов - калифорнийской «Los Angeles Times» и нью-йоркской «Newsday». А позже читал лекции в городском колледже Сан-Диего - по древней истории, истории науки и, конечно, истории научной фантастики и фэнтези!

И прежде чем перейти к «фантастической» биографии Грега Бира - безусловно, его главной ипостаси, - несколько слов о прочих увлечениях этого яркого и невероятно деятельного подвижника.

Бир, например, состоит в Национальном гражданском совете по космической политике. Эту частную общественную организацию создали его коллеги - писатели-фантасты Ларри Нивен и Джерри Пурнелл, собравшие компанию любопытную и даже колоритную. Пятеро экс-астронавтов (включая Эдвина Олдрина - второго человека, ступившего на лунную поверхность после Нила Армстронга), отставные

генералы и полковники, топ-менеджеры ведущих аэрокосмических фирм, видные ученые (в том числе Марвин Мински - один из пионеров теории «искусственного интеллекта» и основателей легендарного Массачусетского технологического института)... И, конечно, писатели-фантасты Ларри Нивен, Грегори Бенфорд, Дин Инг, Стивен Барнс. А раньше, пока были живы, и Роберт Хайнлайн с Полом Андерсоном.

Кроме того (скрупулезно перечисляет свои «общественные нагрузки» Грег Бир), «после событий 11 сентября 2001 года я консультировал армейское начальство и сотрудников ЦРУ по вопросам безопасности, а годом раньше читал лекции по природе и будущему преступности и правосудия в Академии ФБР в Куантико, штат Вирджиния. Я также делал доклад на заседании Американского философского общества, читал лекции и консультировал компании Microsoft (в частности, ее подразделение Xbox), Google и других производителей программного обеспечения. А также вел церемонию открытия и дискуссию экспертов по здравоохранению, юриспруденции и безопасности пищевых продуктов на съезде Международного агентства по защите пищевых продуктов в 2007 году».

К этому можно добавить, что Бир является научным консультантом киностудии Amblin Entertainment, одним из создателей которой был сам Стивен Спилберг. И основал Ассоциацию американских художников-фантастов (сам иллюстрировал в журналах и издательствах некоторые их собственные произведения)... Так и слышишь за кадром голос Гафта из культового «Гаража»: «Неугомонный вы наш!».

И все же главным делом жизни Грега Бира была и остается фантастика. Он не просто ее пишет и ею же зарабатывает на жизнь, он ею живет. Как образно заметил английский критик Джон Клют: «Бир - дитя научной фантастики, сочетавшийся браком с научной фантастикой и посвятивший свою профессиональную карьеру научной фантастике... Он был рьяным читателем и фэном с юных лет и принял участие во всех мыслимых событиях и формах активности, которые составляют фэндом. Его первый научно-фантастический рассказ был опубликован еще в 1967 году, когда автору только исполнилось 16 лет. А его второй брак - с дочерью Пола Андерсона - явился свидетельством того, что жизни Грега Бира и научной фантастики переплелись так тесно, как только можно себе представить».

На самом деле первый фантастический рассказ Бира был написан в десятилетнем возрасте (в другом месте он пишет, что в восьмилетнем). Семья жила тогда на Аляске - видимо, суровая северная природа и подвигла впечатлительного подростка на пробу пера. Спустя несколько лет юный автор начал отсылать свои сочинения в профессиональные НФ-журналы. И, наконец, получил от одного из них первый в жизни договор - с приложенным чеком. Рассказ,

опубликованный в 1967-м, назывался «Разрушители», а журнал - Famous Science Fiction («Знаменитая научная фантастика»).

Впрочем, самого автора-дебютанта знаменитым первая публикация не сделала. Спустя восемь лет, опубликовав еще несколько рассказов, Бир решил отныне зарабатывать исключительно литературным трудом. Решение казалось несколько самонадеянным, но, как подтвердилось в скором времени, свои возможности начинающий автор не переоценил. В 1979 году вышел его первый роман «Хиджра», а за ним еще два - «Псиклон» и «За небесной рекой». Герой последнего - японский пилот, похищенный инопланетянами в разгар сражения за атолл Мидуэй (одного из заметных сражений на тихоокеанском плацдарме Второй мировой войны) и возвращенный на Землю спустя четыре столетия, в период расцвета Галактической империи.

Роман вышел в 1980-м, а еще через три года - сразу два произведения Бира. Повесть «Смертельная схватка» и короткая повесть «Музыка, звучащая в крови» принесли молодому автору по премии «Небьюла». А последняя повесть, через два года переписанная в одноименный роман, - и премию «Хьюго» (позднее еще один «золотой дубль» получил рассказ 1986 года «Касательные», посвященный парадоксам иных измерений). В этом произведении, видимо, впервые поднимается сверхактуальная тема нанотехнологий. «Наноприборами» в повести Бира выступают триллионы вновь открытых «разумных клеток» (точнее, одноклеточных организмов) - нооцитов. Вначале они распространяются по крови открывшего их ученого, модифицировав его ДНК и превратив ее носителя в сверхчеловека. А затем, «заразив» все население Земли, приводят к образованию сверхорганизма, уже ничего общего с видом *Homo Sapiens* не имеющего.

В этом революционном по духу произведении автор переворачивает с ног на голову идею Сверхразума, развитую в знаменитых романах космических философов Стэплдона и Кларка (неслучайно критики назвали переписанный из одноименной повести роман Бира «концом детства восьмидесятых»). Ибо, по Грегу Бире, цель и ареал обитания Сверхразума - отнюдь не звезды, а «внутренний космос» бесконечно малого.

К идее следующего эволюционного скачка, превратившего вид *Homo Sapiens* в *Homo Super*, писатель вернулся в романе «Радио Дарвина» (1993), принесшем Бире еще одну премию «Небьюла», и его продолжении «Дети Дарвина» (2002). На сей раз в качестве «движка» эволюции выступила неизвестная науке болезнь, вызвавшая генетические мутации. Причем научная проработка сюжета оказалась столь солидной и впечатляющей, что - редкое дело! - роман писателя-

фантаста вызвал комплиментарный отклик на страницах уважаемого научного журнала «Nature».

За воинствующий технократизм (иначе говоря, за вящую убежденность в том, что все проблемы человечества, включая социальные, можно решить - и должно решать - с помощью новых технологий) Грегга Бира даже сгоряча записали было в киберпанки. Хотя сам писатель не устает откровенничать от последних, считая себя «твердым» научным фантастом - и точка.

Следующей заметной вехой в творчестве Бира стала диалогия, действие которой, напротив, разворачивается в масштабах космических. Роман «Эра» (1985) и его продолжение - «Вечность» (в русском переводе, соответственно, «Вечность» и «Бессмертие») тот же Клют назвал лучшим космологическим эпосом из когда-либо написанных. И хотя насчет «лучшего» можно поспорить, сказано было не ради красного словца.

Сама сюжетная завязка вряд ли претендует на новизну. У гигантского - размером с добрый астероид - инопланетного звездолета, появившегося в околоземном пространстве аккурат перед назревающей ядерной войной сверхдержав, легко найдутся предшественники-прототипы в известных нашему читателю романах и циклах Кларка, Нивена, Пола и других. Но вот закрученные вокруг «звездного колосса» (в недрах которого содержится послание землянам от жителей некоей «параллельной» Земли, ушедшей вперед на тысячелетие и уже пережившей аналогичную катастрофу) сюжетные перипетии, а также мысли и идеи автора - по большей мере яркие, свежи и нетривиальны. Настолько, что любому из упомянутых классиков впору снять шляпу перед достойным их славы наследником.

К теме атомного Апокалипсиса Бир обращался и раньше - в запомнившейся новелле «Дуновение от горящей женщины» (1977). А в вышедших десятилетием позже романе «Божья кузница» (1987) и его продолжении - романе «Звездная наковальня» (1992) - писатель изобразил иную глобальную катастрофу. Только с виду казавшуюся природной, а на поверку - самую что ни на есть «рукотворную». Хотя о каких таких «руках», да и вообще о физическом облике инопланетного Разума можно говорить без кавычек, коль скоро он блуждает по Вселенной и в буквальном смысле пожирает звезды!.. По сути, перед нами один из вариантов Судного дня в ветхозаветной трактовке - как наказание человечеству свыше за его, человечества, грехи. А также иллюстрация ко вполне материалистическому «парадоксу Ферми»: выживают цивилизации-«молчуны», не привлекающие внимания других обитателей Галактики - более древних, достигших вершин могущества. И, вполне вероятно, чуждых идеалам ефремовского Великого Кольца...

Упоминание в вышеприведенном «послужном списке» Бира лекций

перед фэбээровцами на тему преступности и борьбы с нею в будущем, оказывается, тоже не случайно. В романе «Королева ангелов» (1990) Бир описывает мир XXI века, ставший почти Утопией благодаря тем же нанотехнологиям. Но и в этой Утопии остается место криминалу и, соответственно, личной драме вины и воздаяния. А также «проклятому» пушкинскому вопросу: совместны ли гений и злодейство? Герой романа, историю которого рассказывают несколько персонажей (каждый - со своего угла зрения, как в знаменитой новелле Акутагавы «Расёмон»), - талантливый поэт и одновременно маньяк-убийца, разыскиваемый полицией, без которой, оказывается, Утопии тоже ни в какую.

А еще Грег Бир писал о будущих биотехнологиях, позволивших строить «живые города» (в романе «Крепость камня»). И о генной инженерии (в рассказе «Сестры» - прямой переключке со знаменитым романом Хаксли «О дивный новый мир»), астроинженерии (в романе «Передвинув Марс», в 1994 году добавившем в коллекцию литературных трофеев автора еще одну премию «Небьюла»), альтернативной истории (в рассказе «По пути в Никуда»)...

Отдал писатель дань и модными межавторским сериям. В частности, в романе «Основание и Хаос», перефразируя персонажа другой культовой рязановской комедии, «замахнулся на Айзека нашего Азимова» (два других в новом цикле по мотивам азимовского «Основания» написали неразлучные друзья-мушкетеры - Бенфорд и Брин). И даже совершал эпизодические вылазки на сопредельную территорию фэнтези - в дилогии «Песни Земли и власти», состоящей из романов «Концерт в бесконечности» и «Змей-волшебник».

...Когда я в конце восьмидесятых гостил у Грега Бира, его сыну Эрику было года два-три, а дочка Александра находилась, что называется, «в проекте». Работал тогда «перспективный молодой автор» на электрической пишущей машинке. И был жив тесть Бира - Пол Андерсон, он-то и привез меня на почтенного возраста пикапе в гости к зятю и его растущему семейству.

Сегодня заметно поседевший и определенно «заматеревший» писатель живет там же, на лоне природы - в доме над озером в окрестностях Сиэтла. Разве что пишущую машинку, скорее всего, отправил в чулан, заменив современным компьютером. На котором, не сомневаюсь, по-прежнему работает изо дня в день - потому что не мыслит жизни без подобного времяпрепровождения.

В сборнике «Писатели-фантасты XX века» Грег Бир предварил статью о своем творчестве авторской ремаркой: «Мне всегда доставляло удовольствие писать и научную фантастику, и фэнтези... Сегодня, когда мои успехи вознаграждены «старшими» - я имею в виду все эти премии «Хьюго» и «Небьюла», - я по сути лишь продолжаю то, что так занимало меня в детстве. Поскольку главное для меня не деньги,

которые я зарабатываю научной фантастикой, а сам процесс ее написания. И я доволен, как всякий человек, которому удалось продуктивно заняться тем, о чем он мечтал, когда был ребенком».

Курсор

Курсор

❖ **Очередной «Еврокон»** проходил с 17 по 19 июня в шведском Стокгольме. Некоторые основные премии конвента достались россиянам. Так, лучшим промоутером Европы назван председатель оргкомитета «Роскона» Олег Колесников, лучшим фантастическим издательством признан Лениздат, лучшим сетевым онлайн-журналом - «Фантлаб». Лучшим европейским фантастом года участники конвента выбрали регулярного автора «Если» британца Алистера Рейнолдса (перевод его новой повести будет опубликован в октябрьском выпуске журнала); «Гранд-мастером» назван швед Сам Люндваль. Специальная награда досталась донецкому литературоведу и редактору Светлане Бондаренко.

❖ **Терри Пратчетт** начал оформлять документы для швейцарской клиники «Dignitas», осуществляющей эвтаназию. Не так давно врачи обнаружили у знаменитого писателя редкую форму болезни Альцгеймера. К диагнозу писатель отнесся философски и спустя некоторое время решил добровольно покинуть наш мир, но признался журналистам, что в жизни его пока держит только одна «проклятая книга, которую надо закончить».

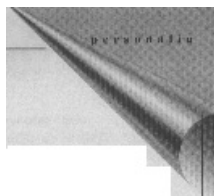
❖ **Джеймс Камерон** планирует совершить облет Луны на космическом корабле «Союз». Легендарный режиссер станет одним из двух «космических туристов», купивших права на экзотический полет, запланированный на 2015 год. До этого он намерен посетить дно самой глубоководной морской впадины Земли - Марианской и уже заказал разработку специального глубоководного аппарата, который будет снабжен 3D-камерами, разработанными самим Камероном. Таким образом режиссер сможет отснять уникальный материал, который планирует использовать в монтаже продолжения «Аватара». Нет и особых технических проблем с осуществлением космического полета вокруг Луны, считают в ракетно-космической корпорации «Энергия», ведь «Союзы» изначально разрабатывались под лунную

экспедицию.

☛ **Фестиваль фантастики «Серебряная стрела»** проходил с 3 по 5 июня в подмосковном отеле «Новый берег» на Пироговском водохранилище. Программа включала в себя семинары и мастер-классы известных писателей-фантастов, литературные чтения, кинопоказы. Также этот фестиваль известен своими премиями в оригинальных литературных номинациях. По результатам голосования участников медалью «Серебряная стрела» были награждены: в категории «Дебют» - Карина Шаинян за роман «Долгий путь на Бимини»; в номинации «Лучший главный герой» - Г.Л.Олди за образ Регины ван Фрассен в романе «Изгнанница Ойкумены»; «Лучшим женским образом» стала Рыска из романа «Год крысы. Путница» Ольги Громыко; приз за «Лучший мужской образ» достался Сергею Лукьяненко за героя Трикса из «Непоседы». Лучшим романом в номинации «Со-Творение» признана книга Василия Орехова и Юрия Бурносова «Железный доктор». В приуроченной к юбилею полета Гагарина категории «Наши в космосе», подводящей итоги десятилетия, первенствовал Антон Первушин с повестью «Звезда».

☛ **Трагическое продолжение** получила скандальная история, случившаяся в конце прошлого года с известным американским фантастом Джоэлом Розенбергом, автором фэнтезийных циклов «Хранители Пламени» и «Хранители Скрытых путей» (несколько книг из этих циклов выходило и в России). В конце прошлого года Розенберг мирно шел в мэрию Миннеаполиса, чтобы получить в полицейском управлении разрешение на хранение в машине своего (зарегистрированного) пистолета. На входе в мэрию фантаста остановил охранник, потребовавший сдать оружие. Дело в том, что в мэрии была также комнатка выездных заседаний суда, а по американским законам в здание суда с оружием проходить запрещено. Розенберг, ярый либертарианец, возмутился и заявил, что идет не в суд, а в полицию, и имеет право пронести с собой пистолет. В результате скандала фантаст был арестован, потом отпущен, через несколько дней опять арестован, провел некоторое время в тюрьме, а затем отпущен под залог. В августе 2011 года должен был состояться суд, где по обвинению в сопротивлении сотруднику полиции Розенбергу грозило до 20 лет тюрьмы. Либертарианская общественность США поднялась на защиту фантаста, история получила широкий резонанс... 1 июня 2011 года, не дожив до суда, Джоэл Розенберг скончался от обширного инфаркта. Автору более 25 романов было 57 лет.

Агентство «F-пресс»

personalia

**БАКСТЕР Стивен
(BAXTER, Stephen)**

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 3 за этот год)

В одном из интервью на вопрос, хотел бы он стать профессиональным ученым, Бакстер ответил:

«Однажды я уже был им. Я написал диссертацию по авиастроению, но оказалось, что это не для меня. Меня сводят с ума детали, мне нравится процесс исследования, но больше привлекают широкие горизонты и перспектива. Широту охвата я нашел в научной фантастике, не говоря уже о масштабе коммуникаций: писатель заочно общается с куда большим количеством интересных людей, чем ученый. Пробовал я и преподавать - только для того, чтобы убедиться: это приносит минимум денег и уважения, зато максимум стресса. Хотя если бы вы спросили меня в возрасте, скажем, 15 лет, кем я собираюсь стать, вряд ли я ответил бы, что буду писателем».

**БАРНЕТТ Дэвид
(BARNETT, David)**

Английский журналист и писатель Дэвид Барнетт родился в 1970 году в Уигане (графство Ланкашир) и работал в газете в Бедфорде (графство Западный Йоркшир). Как фантаст Барнетт заявил о себе в 2005 году, выпустив роман «Глубокий тыл». В дальнейшем он опубликовал еще четыре фантастических романа и 12 рассказов.

**ВАВЕРКА Томас
(WAWERKA, Thomas)**

Молодой немецкий фантаст родился в 1975 году. Изучал теологию в Лейпциге. В 2001 году напечатал свой дебютный рассказ «Последняя

долина». С тех пор опубликовал более двадцати новелл в различных сборниках и антологиях. Предисловие к последнему сборнику рассказов написал Андреас Эшбах. Он высоко оценил потенциал автора. По словам самого Ваверки: «Это было чем-то вроде посвящения в рыцари». В настоящее время Томас Ваверка работает над трилогией новелл для альманаха «Нова».

Живет в Лейпциге с женой и двумя детьми.

РАШ Кристин Кэтрин (RUSCH, Kristine Kathryn)

Известная американская писательница и редактор родилась в 1960 году и дебютировала рассказом «Песня» (1987). С тех пор опубликовала более шести десятков научно-фантастических и фэнтезийных романов (не считая книг других жанров), а также около двух сотен рассказов и повестей. Многие произведения написаны в соавторстве с мужем - писателем-фантастом Дином Уэсли Смитом (часто под общим псевдонимом Сэнди Шофилд), а также с Кевином Андерсоном, Ниной Кирики Хоффман и Джерри Олшеном. В 1989-м Раш была номинирована, а в следующем году удостоена Премии имени Джона Кэмпбелла. В ее коллекции литературных трофеев также премия «Хьюго» - за короткую повесть «Младенцы Миллениума» (2001). Произведения Раш неоднократно номинировались на высшие премии: шесть раз - на премию «Хьюго», пять раз - на премию «Небьюла», трижды - на Всемирную премию фэнтези и по одному разу - на Премию имени Артура Кларка и Премию имени Теодора Старджона. В прошлом месяце рассказ «День красных писем» по итогам читательского голосования был признан лучшим рассказом журнала «Analog» из опубликованных в 2010 году.

В 1991-1997 годах Раш занимала пост главного редактора журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», получив премию «Хьюго». А вместе с мужем основала небольшое жанровое издательство «Pulphouse Press», что принесло супругам Всемирную премию фэнтези в 1989 году. Живет Кристин Кэтрин Раш с мужем в штате Орегон.

СТОУН Эрик Джеймс (STONE, Eric James)

Американский прозаик Эрик Джеймс Стоун закончил юридический колледж и Университет Брайэма Янга в штате Юта с дипломом политолога. Перебравшись в столичный Вашингтон, принимал участие в нескольких избирательных кампаниях (как специалист по

политтехнологиям), затем переключился на программирование.

Первый фантастический рассказ «На память» Стоун напечатал в 2004 году. С тех пор писатель, по сей день проживающий в штате Юта, опубликовал еще два десятка рассказов и повестей, а также роман «Upgrade» (2006). Произведение Стоуна «Этот Левиафан, которого Ты сотворил...» (2010) в нынешнем году принесло автору премию «Небьюла» и номинацию на премию «Хьюго».

ТОНАНИ Дарио (TONANI, Dario)

Один из самых известных южноевропейских фантастов, итальянец, родился в 1959 году в Милане, где и проживает по сей день. Постоянно разрывается между двумя ипостасями - профессионального журналиста и писателя.

Первая публикация состоялась в 1979 году, а первый роман вышел в 1991-м. Ныне Тонани - автор нескольких романов и семидесяти рассказов. Он лауреат многих национальных премий, среди которых премия им. Дж.Р.Р.Толкина (1989), дважды премия им. Г.Ф.Лавкрафта (1994 и 1999) и трижды премия «Италия» (1989, 1992 и 2000). В 2007 году в издательстве «Urania» вышел его самый известный роман «Infect@» в жанре «научно-фантастического нуара», в 2010-м появилось продолжение - «Toxic@».

**Подготовили Михаил АНДРЕЕВ, Елена ПЕРВУШИНА, Сергей
СЛЮСАРЕНКО**

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

**Анны КАНЬТОХ
«МИРЫ ДАНТЕ»**

**Далии ТРУСКИНОВСКОЙ
«ПЕРЕВОДЧИК СО ВСЕХ ЯЗЫКОВ»**

РАССКАЗЫ

**Альберта КОУДРИ,
Святослава ЛОГИНОВА, Евгения ЛУКИНА,
Джеймса СТОДДАРДА**

СТАТЬЯ

**Дмитрия ВОЛОДИХИНА:
искусы межавторских серий**

ОЧЕРК

**Вл. ГАКОВА:
человек, запустивший «Стар Трек»**

ЧИТАЙТЕ СЕНТЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.

Стоимость подписки на 1 месяц — 87 рублей,
включая почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

**Анны КАНЬТОХ
«МИРЫ ДАНТЕ»**

**Далии ТРУСКИНОВСКОЙ
«ПЕРЕВОДЧИК СО ВСЕХ ЯЗЫКОВ»**

РАССКАЗЫ

**Альберта КОУДРИ,
Святослава ЛОГИНОВА, Евгения ЛУКИНА,
Джеймса СТОДДАРДА**

СТАТЬЯ

**Дмитрия ВОЛОДИХИНА:
искусы межавторских серий**

